

К НАМ ПРИЕХАЛ МУНДИАЛЬ

Россия блестяще
организовала
чемпионат мира
по футболу **с. 90**

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

ОБРАЗОВАНИЕ ДОЛЖНО СТАТЬ ГЛАВНЫМ ПРОЕКТОМ РОССИИ

В ЭТОМ ГОДУ СРЕДНЮЮ ШКОЛУ В РОССИИ ОКОНЧИЛО менее 650 тысяч человек. Таким образом, их число уменьшилось по сравнению с 2005 годом уже более чем в два раза. Мы находимся сейчас на дне демографической ямы, ситуация с выпускниками начнет медленно улучшаться лишь лет через пять.

Тем важнее сегодня, чтобы столь немногочисленное поколение получило качественное высшее образование. Куда эти выпускники будут поступать этим летом? Какие профессии будут востребованы через десять лет, а какие отомрут?

Если говорить о цифрах, о количественных показателях, то закон «Об образовании» предписывает такие нормы: на 10 тысяч населения в возрасте 17–30 лет должно быть 800 студентов. По итогам прошлого года было менее 700. В последние годы произошла определенная оптимизация высшего образования, и количество вузов довольно резко сократилось. Многие закрыли при этом правильно: они не обеспечивали именно качественного образования. Поэтому сегодня акцент надо делать не на количестве, а именно на качестве высшего образования. Тем более что относительно малочисленное поколение дает более благоприятные возможности произвести масштабные перемены, плодами которых воспользуются уже более многочисленные.

России сегодня, как никогда, нужен амбициозный национальный проект «Образование», в рам-

ках которого предстоит решить сразу много задач. Начиная с проблемы соотношения бюджетных и «коммерческих» мест, уровня подготовки студентов и оплаты преподавателей и кончая научной самостоятельностью и системой отчетности вузов перед вышестоящими бюрократическими структурами.

Образование – это сейчас самая актуальная тема. От того, каким оно станет в ближайшие годы, зависит, совершим ли мы как нация прорыв в будущее или отстанем от технологически развитых стран навсегда. ■

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Заместитель ректора по международной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Председатель правления Фонда сотрудничества с русскоязычной зарубежной прессой – Фонд ВАРП, президент Всемирной ассоциации русской прессы (ВАРП), посол доброй воли ЮНЕСКО

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегио-
нального общественно-
го фонда «Фонд
изучения исторической
перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке, председатель
правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Ректор Российского
государственного
педагогического
университета
им. А.И. Герцена

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета
Государственной думы
Российской Федерации
по образованию
и науке

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор
федерального государ-
ственного бюджетного
учреждения культуры
«Государственный
Эрмитаж»

ИТАР-ТАСС

КАГАНОВ В.Ш.
Помощник
заместителя
председателя
правительства

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента
специальной связи
МИД Российской
Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления
президента
Российской
Федерации
по межрегиональным
и культурным связям
с зарубежными
странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Председатель
попечительского
совета Фонда Андрея
Первозванного
и Центра национальной
славы

РУССКИЙ МИР

06 Наука ради прогресса

08 За русский язык – в тюрьму

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

12 Девочка и война

ИСТОРИЯ

40 Созидатели

РУССКИЙ ЯЗЫК

18 Дед Пихто, расщеколда и токсичная халява

ИНТЕРВЬЮ

22 «Нечеловеческая личность»

34 Мыс Желания и «Кузькина мать»

28 Молиться, считать, пахать

НАСЛЕДИЕ

46 Влюбленный в красоту

56 Чудаковатый романист

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

62 Рижский «рассказчик»

66 «А сердце – в Китае»

КУЛЬТУРА

72 Обиход писца

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

78 Библиотекарь
на коне

ЗАРИСОВКИ ЖИЗНИ

86 «Мавзолей»
и «Геродот»

РЕПОРТАЖ

90 Один день чемпионата

СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ТАСС

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 981-66-70 (доб. 109)

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Алексей ГУДКОВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Михаил ЗОЛОТАРЕВ
Марина КРУГЛЯКОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 3 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
rm@ruskiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке:
Алексей Мальгавко / РИА Новости

НАУКА РАДИ ПРОГРЕССА

АВТОР

АНДРЕЙ СИДЕЛЬНИКОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ ЯВЛЯЮТСЯ ДВИЖУЩИМИ СИЛАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. НО ЗАКОНЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ЭТУ ПРИОРИТЕТНУЮ СФЕРУ, В РОССИИ УСТАРЕЛИ. КАК УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНОЙ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОБСУДИЛИ ДЕПУТАТЫ, УЧЕНЫЕ И ЭКСПЕРТЫ.

В УКАЗЕ ПРЕЗИДЕНТА России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», подписанном 7 мая 2018 года, вопросы образования, науки, технологий относятся к числу важнейших приоритетов развития страны. Об этом напомнил глава комитета Государственной думы по образованию и науке, председатель правления фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов, открывая круглый стол на тему: «Право-

вое обеспечение научной и научно-технологической деятельности в Российской Федерации: состояние, проблемы, перспективы развития». Мероприятие прошло 22 июня 2018 года в зале заседаний Российской академии наук. Его участниками стали депутаты Государственной думы РФ, представители федерального правительства, Российской академии наук, Мособлдумы, а также нескольких крупнейших российских предприятий, занятых разработкой и производством высокотехнологичной продукции.

ДВИЖУЩАЯ СИЛА

«Наука и образование являются главными движущими силами развития человеческого капитала и общественного развития как такового, – сказал Вячеслав Никонов, отметив, что четвертая промышленная революция является революцией именно в научно-технологической сфере. Речь идет о достижениях в информационных технологиях; о симбиозе физического, биологического и цифрового миров; о создании новых материалов и вооружений; о переходе на новую энергетику и к современным гуманитарным технологиям.

Вячеслав Никонов напомнил: в системе управления нашей наукой происходят огромные изменения. Создание Министерства науки и высшего образования будет способствовать тесной интеграции вузовской и академической науки. В то же время российское законодательство устарело: закон «Об образовании» принят в 2012 году, а научная сфера регулируется нормами, утвержденными еще в начале 90-х годов прошлого века.

Круглый стол
провел Вячеслав
Никонов

ТРАЕКТОРИЯ РОСТА

«Мы с вами живем сейчас в очень важный и серьезный период развития страны, потому что мы определенно встаем на траекторию роста, – заявил президент РАН Александр Сергеев. – Мы должны понять, каким образом нам нашу научно-технологическую деятельность в стране организовать, чтобы поскорее наука стала настоящей, реальной образовательной силой в экономике».

Глава академии обратил внимание на контраст средств, выделяемых на научные исследования из госбюджета и промышленности. В странах, играющих активную роль на научно-технологическом поле, наука большей частью финансируется за счет промышленного сектора. По словам Сергеева, в Китае 2,1 процента ВВП идет на науку, при этом госбюджет обеспечивает меньшую часть этих расходов. То есть государство тратит примерно 1 процент ВВП, как и в России.

«Промышленность уже почувствовала, что ей нужна наука – заявил глава РАН. – Мы должны понять, каким образом нам двигаться в этом направлении».

При этом он отметил, что фундаментальная наука, за которую отвечает РАН, все же должна финансироваться за счет государства. Именно РАН должна заниматься прогнозами в этой области, выступать заказчиком фундаментальных исследований для всех учреждений страны.

НА ПУТИ К ПРОРЫВУ

О том, что правительство готовит нацпроекты «Образование» и «Наука», заявил Григорий Трубников, первый заместитель министра науки и высшего образования. Разработана и согласована новая государственная программа научно-технологического развития. При работе над законопроектом о науке учтено более 400 замечаний и предложений.

«Законопроект закрепляет новую модель взаимоотношений исследователей и государства путем создания системы стимулов для научного сообщества, которая обеспечит заинтересованность исследователей в решении актуальных для российского и международного сообщества задач», – сказал Трубников, добавив, что документом закрепляется статус бизнес-инкубаторов, бизнес-аксе-

Заместитель
председателя
профсоюза
работников РАН
Евгений
Онищенко

лераторов, технопарков, центров прототипирования и других субъектов и сущностей, которые появились буквально год назад.

«Россия должна занять свое место как одна из ведущих стран в формировании повестки нового технологического плана», – заявил Геннадий Онищенко, первый заместитель председателя комитета Государственной думы по образованию и науке. Он отметил, что наряду с разработкой базового закона необходимо внести изменения в два десятка законодательных актов. Необходим также отдельный закон об Академии наук. Следует предусмотреть разработку систем мониторинга результатов научных исследований, обмена научно-технологической информацией, правовой охраны интеллектуальной собственности.

О том, что необходимо привлекать в науку молодежь, вести пропаганду научных знаний, напомнил Денис Кравченко, заместитель председателя комитета Госдумы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству. Он добавил: «Российская наука должна стать ключевой производительной силой современной инновационной экономики страны и основой для технологического прорыва. Россия должна стать территорией реализации крупных научных проектов мирового уровня – землей обетованной для своих ученых и ученых других стран».

Свои предложения по совершенствованию законопроектов, регулирующих научную и образовательную сферу, внесли представители нескольких министерств, депутаты региональных парламентов, а также представители промышленных предприятий, выпускающих высокотехнологичную продукцию.

Разработка нового закона о науке ведется уже несколько лет. Многие участники круглого стола сошлись во мнении, что эта работа будет завершена созданием конкретного документа в ближайшие год-полтора. Новое законодательное поле принесет пользу российским системам образования и науки, приведет их в соответствие требованиям современного мира. ■

Геннадий
Онищенко,
Григорий
Трубников,
Вероника
Скворцова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ЗА РУССКИЙ ЯЗЫК – В ТЮРЬМУ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В РИГЕ ПРОШЛА МНОГОТЫСЯЧНАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ЗАЩИТЕ ПРАВ ДЕТЕЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ НА ОБРАЗОВАНИЕ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ. ЭТО УЖЕ ДЕВЯТАЯ ПО СЧЕТУ АКЦИЯ С МОМЕНТА РАЗРАБОТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОПРАВОК, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ФАКТИЧЕСКИ ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОД ВСЕХ ШКОЛ НАЦМЕНЬШИНСТВ ЛАТВИИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ОБУЧЕНИЯ. С ЧЕМ КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ СОГЛАСНЫ ТЕ, КОГО ЭТИ ПЕРЕМЕНЫ КАСАЮТСЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ – РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ, СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОКОЛО 40 ПРОЦЕНТОВ НАСЕЛЕНИЯ СТРАНЫ.

НЕСМОТЯ НА РЕШИТЕЛЬНЫЙ НАСТРОЙ МИТИНГУЮЩИХ И ОГЛУШИТЕЛЬНУЮ ДРОБЬ БАРАБАНОВ, С ПОМОЩЬЮ КОТОРЫХ ОНИ ПРИВЛЕКАЛИ ВНИМАНИЕ, ВЛАСТИ ЛАТВИИ ПОПРЕЖНЕМУ ОСТАЮТСЯ ГЛУХИ К ТРЕБОВАНИЯМ УЧАСТНИКОВ МАССОВЫХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА. ДА И ЕВРОПА, КОГДА ДЕЛО КАСАЕТСЯ, ДОПУСТИМ, НЕ РОССИИ,

а соблюдения прав нацменьшинств на территории ЕС, не торопится со своими оценками происходящего. Инициаторы поправок к Закону об образовании заверяют европейское сообщество, что реформы школьного образования разработаны исключительно в интересах детей нацменьшинств и для их скорейшей интеграции.

Ссылки правозащитников на рекомендации и исследования различных международных институтов, в соответствии с которыми было признано, что детям, особенно в младших классах, лучше всего получать образование на родном и понятном им языке, никем во внимание не принимаются.

Накануне Дня защиты детей в Страсбурге была предпринята попытка прорыва информационной блокады: по инициативе депутатов Европарламента от Латвии Мирослава Митрофанова и Андрея Мамыкина, а также депутата ЕП от Эстонии Яны Тоом здесь с участием фракции «Европейского свободного альянса» состоялись слушания о ситуации с образованием на русском языке. Перед парламентариями выступил приглашенный из Латвии активист Штаба защиты русских школ, преподаватель, организатор Тотального диктанта в Латвии Александр Филей. Вот как он сам рассказывает о своем дебюте в Страсбурге:

– В последние годы правовое положение русского населения Прибалтики зачастую получает превратное толкование. Многие пра-

ворадикальные евродепутаты, представляющие страны Восточной Европы, занимаются откровенной дезинформацией, вешая своим коллегам на уши тонны лапши: якобы русские в Латвии мигранты, пришли ниоткуда, звать их никак. Более того, эти строптивые русские не хотят изучать государственный язык и натурализоваться. Нам удалось прорвать информационную блокаду и расставить кое-какие точки над «i». Вначале я отметил, что русское население – это коренное, традиционное меньшинство, населяющее Латвию как минимум с конца XVII столетия. Русская школа в Латвии – это исторический институт, который берет отсчет с 1788 года. В годы первой независимой Латвии действовал принцип школьной автономии, в соответствии с которым процесс управления русским школьным образованием осуществлялся особым отделом Министерства образования и науки. Это был подлинно демократический подход. Затем я обратился к истории первых попыток ограничения образования на русском языке, в 1998–2004 годах. Тогда благодаря многотысячным акциям протеста эти поплз-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

новения удалось предотвратить. Русское население смогло отстоять право на обучение на родном языке. Я подчеркнул это несколько раз, и это вызвало живой отклик аудитории. Я акцентировал внимание на том, что латвийские власти демонстративно отказываются от диалога с русскими общественными активистами и продолжают претворять в жизнь дискриминационные поправки к Закону об образовании. Более того, последовали политические репрессии в отношении участников Вселатвийского родительского собрания. Был арестован член «Русского союза Латвии» Александр Гапоненко, находящийся в заключении и по-

Лидер «Русского союза Латвии» рассказала участникам марша о подготовке второго Вселатвийского родительского собрания и новых акциях протеста, которые пройдут во время летних каникул. Русские не сдаются!

ныне. Подвергся жестокому обращению правозащитник Владимир Линдерман. Возбуждены уголовные дела против пяти участников протестного движения, в том числе против Татьяны Жданок. Получается, что за высказывание мнения, противоречащего установкам правящей коалиции, в современной Латвии XXI столетия могут подвергаться преследованиям и сажать в тюрьму? Также я указал на то, что каждый русский работающий родитель является налогоплательщиком. Чиновники и школы содержатся в том числе за счет средств русского населения, так что именно родители должны определять язык обучения для своих детей. И министр образования и науки должен прислушиваться к их мнению, а не наоборот. Я также прокомментировал планы властей по поводу дальнейших ограничительных мер. В частности, есть намерение запретить использование русского языка в предвыборных кампаниях. Предполагается ввести ограничение на телевизионное вещание на русском языке. Вопиющим примером вмешательства в частный бизнес является план закрыть образовательные програм-

Символом июньского марша стали щиты в руках у родителей, выступивших в защиту своих детей от антирусских законов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

мы на русском языке в частных вузах. Все перечисленное мною указывает на то, что в Латвии начинают отчетливо проявляться неонацистские тенденции. Любое проявление ненависти и дискриминации следует незамедлительно предотвращать. Европарламентарии своими глазами увидели фотографии с наших акций протеста, которые проходили с октября 2017-го по июнь 2018 года, и выразили активную поддержку нашим действиям. Поддержка наших европейских партнеров для нас очень важна. Решение проблем русского населения Латвии в области языка и образования выходит на новый, европейский уровень. Выступление в Европарламенте учителя из Латвии вызвало живой интерес к событиям, происходящим в этой стране. Европарламентарии заинтересовались и ситуацией с негражданами, и поражением их в правах, задавали вопросы и относительно недавно принятой в стране преамбулы к Конституции, фактически закрепившей националистический тезис о «латышской Латвии»... Депутат из Венгрии, живущий в Румынии, сравнил Латвию с Украиной: «Это то же самое, что Украина делает по отношению к нацменьшинствам. Рост русофобии не что иное, как попытка мести, когда русских начинают обвинять во всем просто потому, что они русские. Это – неправильно. Мы должны говорить с депутатами Латвии». Мнение коллеги поддержал и другой депутат от Венгрии: «Это действительно «калька» Украины. Я надеюсь, что эти страны, которые пытаются строить свои нации на исключении других, повзрослеют. И все-таки между Латвией и Украиной есть разница: Латвия – страна ЕС».

Надо отметить, что на этот раз депутаты не ограничились лишь словами. Как рассказал Мирослав Митрофанов, сопредседатель «Русского союза Латвии», заменивший недавно в Европарламенте Татьяну Жданок, уже около 120 их коллег по ЕП поставили свои подписи под обращением в защиту нацменьшинств Латвии. В своем воззвании депутаты призывают власти Латвии пересмотреть принятые в марте за-

В очередной акции протеста принимал участие и активист Штаба защиты русских школ Владимир Линдерман, недавно выпущенный под подписку из Рижской центральной тюрьмы, куда он был заключен за свое критическое выступление на открытом Родительском собрании

Евродепутат Мирослав Митрофанов и еще 120 депутатов Европарламента обратились к властям Латвии с призывом пересмотреть дискриминационные поправки к Закону об образовании

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

конодательные поправки, дискриминирующие русскоязычных граждан Латвии.

Вице-президент и член бюро представленной в ЕП партии «European Free Alliance» («Европейский свободный альянс») Марта Баинка не только подписала этот важный документ в защиту русских школ Латвии, но и сама приехала в Ригу, чтобы лично поддержать участников движения за образование на русском языке. ЕФА объединяет 45 европейских партий, представляющих интересы нацменьшинств в разных странах. Выступая на митинге в Риге, Марта сообщила, что президент «Европейского свободного альянса» Франсуа Альфонси отправил обращение к парламенту Латвии и кабинету министров, в котором указал, что право русскоязычного меньшинства гово-

рить на родном языке и право на двуязычное образование должны быть защищены. Латвия подписала это обязательство при вступлении в ЕС в 2004 году, а также в соответствующем документе в 2005 году. В конце своего выступления гостя из Страсбурга повторила еще раз: «Здесь ваш дом, и у вас есть право говорить и учиться на родном языке».

В Риге на площади Стрелков в жаркий субботний июньский день более 4 тысяч человек собрались по призыву «РСЛ», чтобы отстоять русские школы Латвии. В руках защитников образования на родном языке плакаты с надписями: «Стоп лингвистическому геноциду!», «Учебный год закончился – борьба продолжается», «Утром права – вечером лояльность» и т.п. Надписи на плакатах были не только на русском и латышском языках, но и на английском – специально для сотен туристов, гуляющих в эти часы по Старой Риге и с некоторым испугом наблюдающих за двухкилометровой процессией. По мнению организаторов уличной акции, туристы из-за рубежа смогут рассказать об увиденном и услышанном в Риге. О том, что в Латвии живут русскоязычные граждане и что они не боятся отстаивать свои права и права своих детей.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Под барабанную дробь, свистки и колокольный звон участники марша протеста проследовали к зданию правительства. Многие держали в руках детские рисунки. Тем самым протестующие хотели показать, что они идут в защиту интересов своих детей, которые по воле националистов из правящей партии вскоре не смогут учиться в школе на своем родном языке. А главной символикой июньского марша на этот раз стали ярко-красные щиты, символизирующие защиту детей от антирусских законов. К собравшимся обратилась лидер «РСЛ» Татьяна Жданок. Она рассказала, что накануне митинг протеста против перевода русских школ на латышский язык обучения прошел в Даугавпилсе, хотя власти и пытались его запретить. Но через суд активисты штаба отстаивали свое право на протест. В этом городе, как и во всей Латгалии, подавляющее большинство населения говорит на русском языке, на котором веками шло здесь обучение и в местных школах. В Риге насчитывается 95 школ, где 40 процентов предметов изучается пока на русском языке. И вот сейчас власти Латвии задумали лишить русских детей и этих жалких остатков... По словам Жданок, никому не удалось запугать защитников русских

школ, сдаваться они не собираются, несмотря на преследования со стороны спецслужб. «В сентябре мы готовим второе Вселатвийское родительское собрание, а также планируем проведение флешмобов и других акций в течение лета», – заверила лидер «РСЛ». По призыву Татьяны Жданок, передавшей привет от политического узника Рижской центральной тюрьмы Алексан-

Более 4 тысячи человек прошло маршем по центральным улицам Риги с детскими рисунками и плакатами в защиту образования на русском языке

дра Гапоненко, арестованного за инакомыслие и борьбу за русское образование, собравшиеся трижды проскандировали: «Свободу Александру Гапоненко!» Мирослав Митрофанов подтвердил, что дух защитников русских школ оказался сильнее преследований со стороны государства, сильнее, чем покорно-соглашательская позиция депутатов Сейма от представленных там оппозиционных партий. По его словам, правительство, после всего того, что оно сотворило с русским образованием в стране, должно отправиться на помойку. На этот раз в рижском марше принимали участие не только родители, бабушки и дедушки, которые, как никто другой, понимают, в чем ценность хорошего образования, но и их дети и внуки. А первоклассница Вика даже попросила микрофон у Мирослава и, сказав, что она очень хочет учиться в школе на русском языке, потому что это ее родной язык, начала читать наизусть стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «У лукоморья дуб зеленый...». Тут же сотни людей подхватили с детства знакомые строки, и над Ригой понеслись бессмертные пушкинские строки, продекламированные хором русских голосов. И не услышать их уже просто невозможно! 🇷🇺

Первоклассница Вика знает наизусть много стихов Пушкина и мечтает учиться в русской школе на родном языке

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ДЕВОЧКА И ВОЙНА

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ДАЛЕКО НЕ ВСЕ ПЕРЕЖИВШИЕ ВЕЛИКУЮ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ВОЙНУ ГОТОВЫ ДЕЛИТЬСЯ ВОСПОМИНАНИЯМИ О НЕЙ. ВО МНОГИХ СЕМЬЯХ ГОВОРИТЬ ПОДРОБНО НА ЭТУ ТЕМУ НЕ БЫЛО ПРИНЯТО. В НАШЕЙ СЕМЬЕ – ТОЖЕ. ПОМНИЛИ, ЧТИЛИ – ДА. НО МОЛЧА. ПРО СЕБЯ.

В МНОГОЧИСЛЕННОМ роду война зацепила каждого. Мужчины ушли на фронт, женщины с детьми оказались на оккупированных немцами землях или эвакуировались в дальние края. Мне мои детские и отроческие годы – а это 60–70-е – помнятся тем, что родня, разбросанная по разным городам, жила дружно. Навещали друг друга по поводу и без. Отправляли детей на отдых к тем родственникам, что поближе к морю и теплу. Регулярно переписывались и готовили посылки в рукодельных ящиках из фанеры, на крышках которых крупными буквами посредством пера и фиолетовых чернил тщательно выводили адреса. Во время бес-

численных встреч, визитов, посиделок и гостеваний взрослые говорили о чем угодно. Но только не о войне. Теперь их уже не разговорить... А вот с собственной мамой разговор получился.

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ

22 июня 1941 года Елене Николаевне Фадичевой было 5 лет и почти четыре месяца. Семья жила тогда в городе Серго в Донбассе. Сейчас это Кадиевка. Отец – кадровый военный, десять лет прослуживший на границе. В 1937-м его отправили в этот самый Серго руководить службой инкассации. Странное на первый взгляд назначение: пограничник – в инкассаторы. Но есть предположение, что таким образом Николая

Западная граница СССР. Николай Фадичев на погранзаставе. 1934 год

Фадичева спас от ареста его непосредственный начальник – командир заставы. В погранвойсках чистки шли столь же рьяно, как и в армии. В ожидании неизбежного ареста командир заставы застрелился. За несколько дней до этого Николай Петрович отбыл к новому месту службы.

В Серго жена начальника инкассации, Нина Михайловна, устроилась по профессии – учительницей в среднюю школу. Про день 22 июня мама рассказывает: «Хорошо помню, что утром отец собрался и ушел. Как потом я узнала, в военкомат. Больше до конца войны мы его не видели». Все-таки Донбасс был далеко от передовой, и обычная жизнь продолжалась. Школы еще работали, только-только закончились выпускные экзамены. И учителя ходили на работу. Маму со старшим братом, Борисом, как прежде, отводили в детский сад. Но вскоре появились первые признаки войны. Сирена выла все чаще. Из черной тарелки радио звучали суровые оповещения о том, что немцы наступают и приближаются к Киеву. В детском саду подготовили подвал, чтобы можно было спрятаться на случай бомбежки. «Тренировку» устроили через считанные дни. Трамвай подъехал к садику, завывла сирена, трамвай остановился, все побежали кто куда, а дети – в сад. У входа ждала воспитательница. Детей собрали и повели в импровизированное бомбоубежище. После отбоя тревоги воспитательница очень серьезно с ними говорила. Объясняла, что идет война, значит, нужно быть послушными, не капризничать, во всем подчиняться старшим. Из необычного пятилетняя девочка навсегда запомнила переполненный молодыми мужчинами трамвай. Это было в начале июля.

Вскоре появился приказ об обязательной эвакуации семей военнослужащих. Имелся в виду офицерский корпус. Нина Михайловна уезжать не хотела, так как в Донбассе оставалась родня, в том числе ее родители. В кон-

В декабре 1934 года пограничники еще носили буденовки при парадной форме. Николай и Нина Фадичевы справа. В центре – начальник заставы с супругой

це концов ее уговорили. И она с детьми успела на последний состав, уехавший на восток. Про день эвакуации мама рассказывает: «Утро. Готовился завтрак на кухне. У нас там была большая печь, которая топилась дровами. Но после того, как отец ушел, дровами заниматься стало не с руки, и еду готовили на керогазе. Так вот, у дверей стояли чемодан и узлы, шипела яичница на сковородке, играл патефон. По поводу патефона. У отца была привычка. По возвращении из поездок он ставил пластинки с любимыми песнями: «Прощай, любимый город», «Раскинулось море широко», «Молодые капитаны поведут наш караван». Брат скучал по отцу и заводил патефон при первой возможности. Не успели мы позавтракать, как прибежала женщина и стала торопить. Мол, надо срочно ехать на вокзал, последний поезд уходит через час. Сковородка так и осталась на керогазе».

ДАЛЬНЯЯ ДОРОГА

Пришла подвода. Погрузили вещи. У маленькой девочки непослушные пальцы все никак не могли застегнуть пуговку на сандалии. У перрона стоял длинный состав из теплушек. Женщина в военной форме громко выкрикивала фамилии и номера вагонов. Когда дотащили вещи до вагона, выяснилось, что Фадичевы – последние. По веревочной лесенке поднялись в теплушку. К счастью, учительница из той же школы, где работала Нина Михайловна, заняла часть нижних нар для нее и детей. Едва распихали вещи, как паровоз свистнул и состав тронулся. Был август. На перронах всех станций продавали яблоки, груши, огурцы, помидоры... Именно что продавали. «Враг будет разбит, победа будет за нами!» Причем очень скоро. И пусть «юнkersы» и «хейнкели» уже бомбили Харьков, многие верили, что война скоро кончится. И к чему менять при-

вычки мирного времени. Кому яблоки, кому огурчики? Поначалу еще имелись деньги и еду покупали, но когда они закончились, начался мен. В ход пошли кофточки, платочки, всякая женская мелочь. Это уже под Сталинградом. Ехали очень медленно. Поезда с эвакуированными двигались на восток. А на запад шли один за другим воинские эшелоны. Их пропускали в режиме «зеленой улицы». Вскоре состав стали тормозить и по другой причине. Уже на восток без очереди гнали поезд с ранеными. Много-много. И пассажирские вагоны, и теплушки. На остановках из вагонов выбегали медсестры и сразу – к водокачке. У водокачек всегда стояли очереди. Вода – это было самое важное. Из-за этих очередей, случалось, отставали от поезда. Нина Михайловна несколько раз пускалась в погоню и добиралась до своего вагона теми же госпитальными поездами. А один раз отстал и

брат. Успел заскочить в последний вагон. Но теплушки тамбурами не соединены. И только через несколько остановок он добрался до своих нар.

«Наш состав останавливали надолго и в тех местах, где разгружали раненых, – рассказывает мама. – Помню одного. Без ног, лицо обезображено. Он все повторял: «Сестричка, убей меня. Пожалуйста, убей». Мама заплакала. Я спрашиваю почему. А она ответила, мол, вдруг с папой такое же случится...»

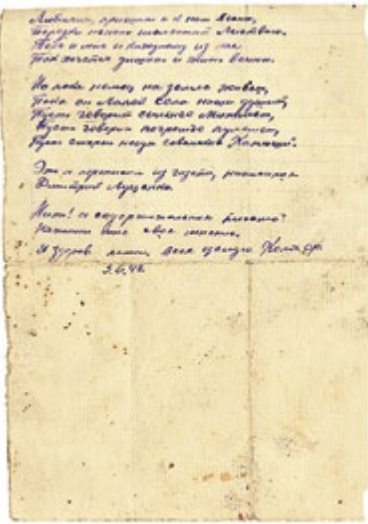
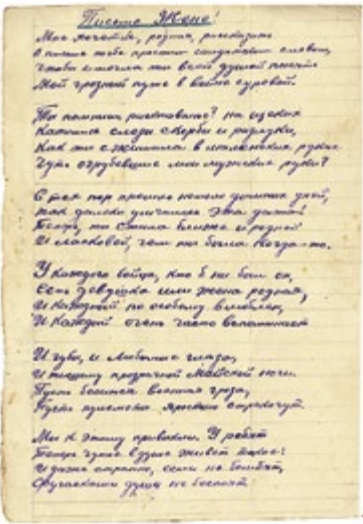
Один раз попали под бомбежку. Под Сталинградом. Уже темно, когда поезд остановился, пошла команда покинуть вагоны и спрятаться в кустах. Одна женщина осталась в теплушке со словами: «Какая разница, на земле или тут?»

До конечного пункта назначения добирались примерно три месяца. Жизнь в теплушке – это особый мир. В центре стояла печка-буржуйка. По утрам надо было занять место в очереди, чтобы подогреть воды. С водой, как уже сказано, были проблемы постоянно. Ведь нужно было не только пить и еду готовить. Хотя бы умыться. Более серьезные процедуры пытались провести на остановках. У Нины Михайловны, например, был тазик. В нем и мылись. Как-то, уже в октябре, остановились около какой-то речки. Так весь состав помчался купаться. Народу в теплушке было очень много, выше всяких норм. По-

этому воздух «благоухал ароматами». Пока было тепло, дверь держали открытой, и вагон хоть как-то проветривался. Можно было, опять-таки, в очередь сидеть на полу у двери, свесив ноги наружу. Потом начались холода, а вместе с ними появились вши. Откуда взялись, неизвестно, но жить они предпочитали в постельном белье. И вот каждый вечер и всю ночь по очереди у постоянно горевшей печки «выжаривали» эту гадость из швов. Как-то поручили про-

Портрет новоиспеченного гвардии майора Фадичева, высланный семье в город Кременная из Польши в декабре 1944 года

Одно из писем, отправленных с фронта гвардии капитаном Фадичевым летом 1943 года. Сразу после битвы на Курской дуге

шейся жизненного опыта пятилетней Леночке. С наволочкой. Печь требовала дров, но далеко не на каждой станции ждали готовые вязанки. Поэтому на остановках целыми бригадами отправлялись на поиски веток, сучьев и поленьев. Девочку в силу возраста не посылали, а брат Борис бегал за топливом всюю.

«Над нами ехала семья. Жена разрешилась от бремени прямо в вагоне. Правда, прибежал какой-то врач, принес бинты, полотенца, – вспоминает мама. – Короче говоря, все прошло нормально. У нее даже молоко свое было. Ненормальное – в другом. Памперсов тогда не было. Младенец частенько позволял себе облегчаться. И все это сквозь огромные щели в нарах стекало к нам. Как-то мама достала немного холлодца. Сажу со своим кусочком, а сверху – струйка».

Чем дальше от дома, тем с едой было хуже и хуже. Ели в основном овощи и хлеб, гороховый супчик. Понятно, что не досыта. Организованное снабжение эвакуируемых не предусматривалось вовсе. Люди выживали как могли. Попадались такие, кто «снялся» из дому налегке. Без денег и чемоданов. С ними по мере возможностей делились. Русские же люди. Однажды Нина Михайловна выменяла на какую-то шмотку целую курицу. В тот раз наелись до отвала и кого-то угощали. Хранить-то мясо и бульон негде. Пришлось все съесть в один присест.

Все ждали, когда появится Волга. Нет, не потому, что великая река являлась неким водоразделом между войной и миром. Какая может быть война за Волгой? Ждали из обычного человеческого интереса. Тогда люди путешествовали мало. Большинство, кроме своих поселков и городков, ничего не видели. А тут – Волга! И вот одна пожилая женщина вдруг вскрикнула: «А вот и Царицын!» Мама рассказывает: «Я знать не знала про такой город, и мне послышалось «царица». Любопытно, какая

она, эта царица? Всмотривалась, всматривалась – нету. А вокруг причитают: «Царицын». Не выдержала, спрашиваю: где царица? Тут мне брат в популярной форме объяснил, что к чему». Царицын–Сталинград порадовал тем, что стояли там очень долго и успели сходить в привокзальный буфет. Еще оставались какие-то деньги, заказали горячие блюда. Наконец поели как люди. За столом, сидя на стульях.

За Волгой начались степи. А станции кончились. Выменивать еду стало не у кого. Однажды медленно катились мимо кукурузного поля. Нарвали спелых початков и грызли их сырыми. Праздник 7 ноября встретили в теплушках. У кого-то нашлась бутылочка. Взрослым досталось по капле. Но пили за победу. А роженица с верхних нар оказалась, видимо, певицей. Она спела несколько песен. После Оренбурга поезд ехал уже быстро. Встречные составы закончились. Видать, всех, кто подлежал срочному призыву, уже отправили на фронт. А до сибирских и дальневосточных дивизий дело еще не дошло.

В КАЗАХСТАНЕ

В один прекрасный вечер поезд остановился. Распорядитель приказал выгружаться и ждать разнарядки – кому куда. В списках напротив фамилии Фадичевых значилось: Чимкентская область. Пригородным поездом через Алма-Ату добрались до Чимкента. Там ждали арбы, которые и привезли в колхоз «Красный луч». Утром у сельсовета прибывшие семьи распределили на постой.

Мама рассказывает: «Нас пригласила одна женщина, русская, тетя Настя. Муж на фронте. Детей нет. Зато у нее была собачка Пальма и корова Бровка. А вот жилье оказалось скромным. Сени, большая горница, русская печь, большая кровать с подзорами, стол. В саду – яблони, абрикосы. Спали мы на земляном полу. Зимой брат перебрался на печку. А летом я собира-

День Победы.
После утренних митингов и поздравлений ученицы русской средней школы №2 города Кременная отправились в лес за цветами. Елена Фадичева в верхнем ряду вторая слева

ла полынь за огородами. Если набросать ее охапками на пол, блохи убежали».

Местные узнали, что Нина Михайловна – дипломированный педагог. Пригласили сначала на работу в сельсовет, затем назначили инспектором школ района. А в нагрузку – приходящим директором колхозного магазина. И такое было. Прежний директор ушел на фронт, его супруга куда-то уехала, и магазин оказался брошенным. В определенные дни и часы инспектор школ открывала лавочку и торговала. К слову, продукты имелись. Сахар, крупы, растительное масло, сухофрукты. И водка. Казалось бы, а водка для кого? На самом деле не все мужчины повывелись. Под призыв не попадали те, кто работал в колхозе с техникой. Кроме того, в тех местах осело немало корейцев, занимались рисовыми чеками. Был и особый контингент – с Северного Кавказа.

Как-то ночью раздался стук в окно. Тетя Настя выскочила, а там четверо ссыльных. Узнали, где живет директор магазина, и пришли требовать водки. Отказать возможности не было.

Бутылки забрали просто так, без оплаты. За них потом еще пришлось расплачиваться из скудной зарплаты. И на следовательно нервы тратить. Но были и светлые моменты. Земли колхоза плоские, но вдали на юге виднелись горы – Алатау. Там стояла наша застава. На Новый год оттуда приехал в гости дядя Миша. Привез подарки: мед, грецкие орехи и чудную озерную рыбу. Оказалось, что где-то на западной границе он встречался с Николаем Фадичевым. И, услышав фамилию инспектора школ, прискакал при первой возможности. Дядя Миша и после нескольких раз навещал семью.

Школы были перегружены. Поэтому в первый класс брали с 8 лет. Брат Борис начал учиться, а маленькая Лена сидела дома взаперти. Это – в холодное время года. А летом все школьники работали. И она вместе с ними. Собирали те самые пресловутые колоски на полях и зернышки после молотбы.

«В середине лета мы собирали клопа-«черепашку». Это такой вредитель зерновых, – рассказывает мама. – Нам выдавали по бутылочке. Когда она наполня-

лась «черепашками», туда подливали немного керосина и поджигали. Сколько же я этих бутылочек собрала! Между прочим, даже в таком возрасте засчитывали трудодни. Когда мы уезжали из «Луча», мне выдали мешок с рисом – 13 килограммов».

На следующий год разрешили посещать первый класс в качестве «вольнотруженика». Мол, пусть девочка сидит и слушает. Никому же не мешает. Однако официально в школу в Казахстане пойти так и не довелось. Зато начались занятия в импровизированной балетной школе. Среди эвакуированных оказалась женщина, преподававшая в Ленинграде в балетном училище. У нее возникла идея организовать секцию при колхозе. Но желающих не нашлось. Кроме одной девочки.

В 1942-м пусть редко, но приходили треугольнички от отца. В следующем году писем с фронта уже не было. Зато время от времени почта приносила похоронки. Иногда на селе появлялся списанный по ранению солдат. И тогда всем скопом собирались и слушали о том, что ж там делается – под Сталинградом, на Кавказе, подо Ржевом, на Курской дуге. Скупые сводки давало радио, подробнее что-то узнать можно было со страниц «Правды», которая приходила с недельным опозданием.

В ДОНБАССЕ

Особенно внимательно следила Нина Михайловна за сводками из Донбасса. С каждым освобожденным городом или поселком крепло желание вернуться как можно скорее. Вот наши освободили Купянск, Лисичанск, Кременную... Отписала родным. Ответ пришел не сразу. Но пришел. И в нем такие слова от старшей сестры, Раи: «Если хочешь заставить нас в живых, приезжай как можно скорее».

В апреле 1943-го пришло письмо с фронта с новым номером полевой почты. Ответили, что получили разрешение вернуться в Донбасс, что выезжаем и что

Комендант города Каменец под Дрезденом Николай Фадичев с мотоциклом, который и стал причиной его гибели после подстроенной авткатастрофы

в колхоз «Красный луч» писать больше не надо. А надо – в город Кременная, улица Красная, 3. Погрузили в поезд мешок риса, заработанного на трудодни, купленные сухофрукты с полмешка и через цветущие сады и степи отправились на запад. В Казахстане в апреле уже тепло. Рассказывает мама: «Я в сарафанчике, в туфельках. Брат в одной рубашонке. После нескольких пересадок добрались до Кременной. Встретил нас млад-

ший мамин брат. Он по возрасту должен был школу оканчивать. Брат Борис, несмотря на все мытарства в эвакуации, выглядел крупнее и сильнее, хотя был еще 10-летним подростком. Пока ждали подводу, туфельки и сарафан не спасли. На улице – 3 градуса мороза. Отмороженные пальцы на ногах до сих пор напоминают об апреле 43-го».

Список казахстанских злоключений увеличился еще на одну позицию. Там изводили блохи, кусала змея, каракурт и целый рой ос, раздавил палец на ноге проходивший мимо по узенькому мосточку вол. Тут – обморожение. Но все это казалось не существенным по сравнению с тем, что приехавшие увидели в родовом доме. Двоюродная сестра от голода уже не могла стоять. Ее брат – копия мальчика с фотографий из концлагеря. Или – блокадного Ленинграда. Ручки, ножки и шея тоненькие, и надутый будто насосом живот. Глава семьи, то есть мамин дед, уже не вставал с постели. Но пока мог, ходил на дальние терриконы и приносил уголек. Так что затопить остывшую печь было чем. Отварили рис...

Уходя из этих мест, немцы реквизируют все, что только можно. За ними отступали румыны и итальянцы. Эти добывали случайно уцелевшее. Во дворе дома была довольно глубокая лужа, из которой брали воду для полива. Там водились лягушки. Один из итальянцев-постояльцев заставлял вылавливать из копанки земноводных и готовить это чудо-блюдо.

На городки вдоль Северского Донца обрушился многодневный голод. Не спешили навести порядок и советские власти. Что гражданские, что военные. Враг ушел в январе. А в апреле по-прежнему есть было нечего. Мешка риса и сухофруктов надолго семье из 9 человек не хватило бы. Но в Серго лежали деньги, отправляемые капитаном Фадичевым жене в течение многих месяцев. Скопилась приличная сумма. Удалось купить семян, муки, крупы. А ле-

Почтовая открытка с изображением главной площади города Кёнигсбрюк, где в 1946 году жила семья Фадичевых

том вернулась из эвакуации с Урала еще одна сестра. Не с пустыми руками. Привезла немного картошки. Делили ее, сваренную в мундире, на дольки. Как апельсин. Мужчинам, включая Бориса – по две. Женщинам, включая маленьких – по одной. Короче говоря, чудом никто не умер. На новый, 1944 год всем в школе вручили маленькие кулечки с конфетами-сосульками. День Победы наступил ранним утром. По радио сообщили, что Германия капитулировала. Все, конец войне! Все слова, которыми можно описать происшедшее в тот день в голодной и разрушенной Кременной, покажутся фальшивыми. Всем классом пошли в лес – за цветами.

В ГЕРМАНИИ

Уже в начале 1945 года пришла посылка. С фронта. Сгущенка, конфеты, платице из розового парашютного шелка. Посылки поступали регулярно. В мае после победы пришла телеграмма: «Ждите, скоро приеду». И – приехал. На платформе встречали вдвоем, с братом. Из вагона вышел офицер – в парадной форме с орденами, португепя скрипит, пуговицы блестят... Рассказывает мама: «Наняли извозчика с клячей. Вроде надо о чем-то говорить. А радость переполняет – и все, что ни ска-

жешь, мелочи и глупости. Есть ли еда? – спрашивал отец. Есть, отвечаем. – А борщ будет?» И борщ был. И бесчисленные встречи. На улице, в школах, в клубе, в присутственных местах. Отпускные 10 дней пролетели незаметно. Новоиспеченный комендант городка под Дрезденом должен был вернуться по месту службы. Хотелось – с семьей. Но обстоятельства мешали. Нина Михайловна не могла бросить работу в одночасье. Требовались всяческие согласования, разрешения, медицинские справки. В одной из них девочке Лене написали диагноз – дистрофия.

Первая встреча
Николая и Нины
Фадичевых
после 22 июня
1941 года. Город
Кременная.
Июнь 1945-го

Парад гарнизона
города
Кёнигсбрюк
Восточной группы
советских войск

Выехать в Германию удалось только весной 1946-го. Не в пример путешествию в Казахстан добрались быстро. Дрезден выглядел жутко. После английских бомбардировок от города мало что осталось. Восстанавливали руками русских солдат. Поначалу жить пришлось в одной комнате в огромной казарме, построенной, видать, еще при Бисмарке. Монастырь, да и только. Длинный коридор и кельи по обе стороны. Через некоторое время семья переехала в частный дом. Быт налаживался. Помимо прочего купили в кирхе старинное фортепьяно. Для дочери. Нашелся и учитель музыки. Между прочим, профессор консерватории. Первое, что он говорил, приходя на классы – «обед». Многие немцы в первый послевоенный год голодали. А фортепьяно до сих пор живо. Стоит себе в московской квартире. Правда, расстроено навечно. Рассказывает мама: «Профессор сел за фортепьяно и сразу сказал, что оно настроено на полтона ниже, чем положено. В кирхе служило, там так положено. И стал играть. Баха... В Дрездене мы жили в доме, где русских, кроме нас, не было. Только немцы. Точнее, немки и дети. К ним было одно чувство – жалость. Казалось бы, после Казахстана и Кременной должна была проявиться злоба или ненависть. Нет. Раз в неделю мама заказывала у местного кондитера булочки с ванилью. За булочками ездила на велосипеде. Когда возвращалась, местные ребята встречали во дворе и нюхали воздух, в котором чувствовалась ваниль. Булочек в коробке было штук 14–15. Одну я отдавала немецким мальчишкам. Они ее аккуратно делили на равные части. А маме говорила, что сама съела».

...Гвардии майора Фадичева убили в октябре 1946 года. Спустя некоторое время его семья вернулась в Союз. Война для нее кончилась. ❧

Материалы из семейного
домашнего архива предоставлены
Еленой Фадичевой.

ДЕД ПИХТО, РАСЩЕКОЛДА И ТОКСИЧНАЯ ХАЛЯВА

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ПОЧЕМУ САМЫЕ «ВРЕДНЫЕ» СЛОВА РУССКОГО
ЯЗЫКА – РУГАТЕЛЬСТВА И ЧЕРНАЯ БРАНЬ – МОГУТ
КАК РАЗРУШАТЬ, ТАК И ОБОГАЩАТЬ РЕЧЬ?

РУССКИЙ НАРОД ОСТЕР на язык. За словом, все знают, в карман не полезет. Однако рейтинг тридцати самых ругающихся городов России вызвал обиды и обещает если не судебные тяжбы, то соседские «разборки». Причем недовольны все: как те, кто занял малопривлекательные первые места, так и те, кто оказался внизу тридцатки. «Русский мир.ru» решил напомнить природу крепкого словца и разобраться с магией их воздействия. Может быть, тогда любителям ругани удастся попридержать язык.

НЕ МАТ, А КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ

Итак, по итогам рейтинга, составленного социологическим агентством Zoom Market, первое место в ряду самых ругающихся городов заняла Пермь. На втором месте оказался Воронеж, на третьем – Иваново. В первую десятку вошли Оренбург, Тамбов, Челябинск, Кемерово, Брянск, Ростов-на-Дону и Липецк. Во второй десятке – Саратов, Екатеринбург, Чебоксары, Саранск, Волгоград, Хабаровск, Краснодар, Москва, Томск и Тверь.

И, наконец, замыкают тридцатку Ставрополь, Иркутск, Санкт-Петербург, Ижевск, Нижний Новгород, Киров, Новосибирск, Омск, Владивосток и Казань.

– Я против того, что авторы рейтинга пытаются мой родной город лишить «казанского феномена», – говорит гид Еврейского музея и центра толерантности (Москва) Роберт Гараев. – Наряду с Рязанью, Нижним Новгородом, подмосковными Люберцами, Екатеринбургом Казань – город, травмированный слободами и лимитой, из которых потом выросли молодежные группировки, а из них – ОПГ 90-х, а из всего вместе – «казанский феномен». Его мышление и язык – язык «пацанов», неформалов, гопников, татарской и русской слобод, мера – не этноса, а крестьян, вынужденных стать «городскими» из-за разрастания Казани. Это примитивный мат. Это язык причудливого переплетения мата на татарском и русском, блатняка, «фени», брани слободок, молодежного сленга и сленга рок-тусовки. Это и есть казанский культурный ландшафт 70–90-х. Или «казанский феномен». В его

жернова попали все – и интеллигенция, и гопники с торгашами, и номенклатура. Рейтинг обнуляет явление? Даже ОПГ не удалось загасить родовые травмы по-прежнему живых слободок.

С ним согласен галерист и политтехнолог Марат Гельман.

– Мата и ругани на улицах Казани никак не меньше, чем на улицах Перми или Санкт-Петербурга, – убежден бывший директор Пермского музея современного искусства PERMM. – Другое дело, что где-то они сочные и емкие, например в Перми, где-то помягче и похитрее, как в Казани, а где-то – креативнее и депрессивнее, как в Питере. Живут они с акцентом на место, климат и менталитет. Про Пермь могу сказать: я бы подал на рейтинг в суд. Из пермяка слова не вытянешь, даже если это ругань. Ну а если он выразится, то смачно, мало не покажется. Так это есть везде.

В свое оправдание авторы рейтинга самых ругающихся городов признаются, что не ожидали получить столь провокационные результаты.

– Между матом и руганью большая часть общества – как правило, молодежь – выбирает мат, среднее и старшее поколение – чаще ругань, – говорит директор социологического агентства Zoom Market Андрей Штыров. – Но тренд – мат, прежде всего потому, что на молодое поколение мощное негативное влияние оказывают две вещи: отечественные музыкальные группы, которые, как правило, используют нецензурную брань, и видеохостинг YouTube – его контент нередко тоже строится на ненормативной лексике.

Два этих новых тренда в эволюции ругательств ведут к тому, что зашатался веками складывавшийся баланс между ругательствами и нецензурной лексикой. Пока по частоте употребления побеждают все же ругательства, проверенные временем и предками.

КОллаж ОЛЕГА БОРОДИНА

ДУРАК КРУЧЕ БЫДЛА, А «ДЕД ПИХТО» – РЕСТОРАН

Самым распространенным остается всем известное ругательство – «дурак», конечно, в паре с женским вариантом – «дура». И хотя слово считается «древним», в широкий обиход оно вошло лишь во второй половине XVII века с легкой руки протопопа Аввакума. Лидер староверов в сердцах так именовал почитателей «бесовской мудрости» – риторики, философии, логики. Вслед за Аввакумом поборники старой веры «дураками» начали называть защитников исправления богослужебных книг во время реформы патриарха Никона. Правда, слово долго не приживалось. Но в Крымскую войну 1853–1856 годов его в русскую речь снова занесли турки. В их языке «дУрак» – это «остановка»

или «стой, остановись». Что они часто и кричали врагу, русскому солдату, для которого «турок» и «дурак» еще долго оставались синонимами.

Однако лингвисты все же считают, что первоисточник «моды» – Аввакум, «подсмотревший» слово в скоморошеской культуре. Предположительно, «дурак» – один из ритуальных танцев ватаг скоморохов. Лингвисты полагают, что «дурак» происходит от индоевропейского *duǵ* («кусать, жалить»). Отсюда «статус» дурака был связан с ритуалом посвящения в скоморохи: кандидат в ядовитого насмешника должен был пережить укус гадюки, чтобы уметь «жалить» словом. Исходя из этой гипотезы, пословица «дурак дурака видит издалека», скорее всего, изначально имела отношение именно к скоморохам.

«Дураки» в нынешнем смысловом значении вряд ли способны выделять себе подобных. Может, поэтому второе место в рейтинге расхожих ругательств занимает крепкое и не оставляющее никаких смысловых сомнений слово «быдло». Тут все просто: в переводе с польского «быдло» – скот. Ругательство вернулось в моду в середине 90-х, в эпоху социального расслоения и общественного раскола. Это слово больно бьет по самолюбию – очерчивает границы превосходства новой «элиты», выросшей из малиновых пиджаков, «барыг» и путан-«моделей», над теми, кто остался в «низах». Неспроста заносчивые польские шляхтичи «быдлом» звали бесправных крестьян. Так они «маркировали» свое социальное превосходство. Эта привычка перекечевала к русским дворя-

И, наконец, еще одно слово, которое перестало играть роль ругательства. «Халява». И что удивительно: оно оказалось весьма востребованным за границей – в Турции, например. Или там, где часто бывают русские туристы – в Греции, Египте и Таиланде. Изначально «халява» – место в сапоге, куда можно было незаметно спрятать ворованную вещь, а «халявщик» – вор.

Постепенно слово «халява» стало обозначать что-то бесплатное, полученное даром. В таком понимании слово «выехало» за границы СССР в 90-е годы – в эпоху бедности и царства бартера. С тех пор торговцы, особенно восточные, любят это русское слово.

– Халява! Халява! – так они зазывают в свои лавки и магазины приезжих. Но с точки зрения ученых, «халява» все же остается «токсичным» словом – уже не ругательством, но литературным просторечием, которое выдает в его носителе любителя сниженной лексики.

МРАЗЬ ПРОТИВ УПЫРЯ

На этом список наиболее часто употребляемых слов «ругательного» рейтинга исчерпывается. Этих слов все меньше в некогда богатом на литературные ругательства русском языке. Бывшие лидеры «ругательного» рейтинга постепенно переключиваются в разряд слонгаутсайдеров.

Так, слова «сволочь» (русское, от глагола «волочь»), «подлец» (литовское, официальный термин «подлые люди» – низшее сословие, чернорабочие и пленные), «подонок» (русское, остатки жидкости на дне сосуда, которые подонок допивает из чужих рюмок) или «мерзавец», «мразь» (русское, преступник, утопленный подо льдом. «Ледяная» казнь обрекала на скитания по Земле призраком), «упырь» еще входят в разговорно-ругательный обиход, но в основном среднего и старшего поколения или провинциальной части студенчества. Но, например, значение слова «упырь» (покойник, встающий по ночам из могилы) уже надо объяснять.

А вот слова «скалдыжник» (русское, ворчун) и «расщеколда» (русское, болтливая баба, тараторка) не просто устарели, а исчезли из обихода. Наиболее любопытные участники опросов для составления рейтинга даже спрашивали: «А что это значит?»

ЧЕРНАЯ БРАНЬ ИЛИ ПРОКЛЯТЫЕ СЛОВА

На смену устаревающим ругательствам приходит мат как элемент обычной разговорной практики. При этом множатся попытки придать ему статус не obscene лексикой или сквернословия, а «креатива» и даже «художественного» слова, когда мат раздается с театральной сцены, появляется в фильмах, музыкальных клипах, звучит в рок- и поп-музыке. Как итог – социальные сети надтрываются от сквернословия.

Матерщина стала столь массовой, что уже мало кто вспоминает о том, что изначально она вообще-то означает проклятие в адрес того, к кому обращена. А проклятие на Руси считалось прямой противоположностью благословению. Самым опасным считалось родительское проклятие, массовым – бытовое.

«Пропади ты пропадом», «чтоб тебе пусто было», «чтоб ты сдох», «черт тебя поберет», «гром тебя разрази» – эти и другие проклятия имели два подтекста: религиозный (намеки на нечистую силу и ад) и нецензурный, когда в проклятие вставляли запрещенные «черные» слова – мат. А запрещали их потому, что «черные» слова были еще и «словами силы» – как разрушающей, так и созидательной. Именно поэтому их старались не упоминать всуе. Например, родовые ритуалы – свадебные, аграрные или религиозные (языческие) – не обходились без «слов силы». Но их знали и могли употреблять по назначению и без последствий для рода-племени только посвященные. Особенно когда бранящийся, например просивший о дожде или «оттопявший» войны, засуху или голод, мог проклинать женское и мужское начало, которые всегда имели и имеют сакральный смысл.

Именно с тех эпох берет начало цензура и самоцензура против матерщины. Позже, в эпоху христианства, людей, которые позволяли себе «выражаться», связывали с бесами. А по Соборному уложению 1649 года за употре-

бление матерных слов и вовсе могла следовать смертная казнь.

Однако если раньше люди, которых проклинали «черными» словами, заказывали молебны или даже отправлялись в паломничество к святым местам и старцам, то сегодня жертвы мата чаще всего относятся к ругательствам в свой адрес индифферентно. Современное общество настолько привыкло к нецензурным речам, что они утрачивают силу и магию своего влияния. Так, на один из вопросов рейтинга самых ругающихся городов-2018 – «В течение дня вы чаще употребляете ругательства или матерные слова?» – 62 процента опрошенных ответили – мат, 31 процент – ругательства и лишь 7 процентов затруднились с ответом!

– Нецензурной лексикой травмированы и хронически болеют разные среды, – убежден Роберт Гараев. – Проблема, думаю, не в том, что пали оковы цензуры, и даже не во вседозволенности или падении нравов. Это все же следствие. Дело в обновляющемся культурном и смысловом ландшафте эпохи, который обществу пока не по зубам. В чем причина роста поклонения новой блатной романтике типа АУЕ (расшифровывается как «Арестантский уклад един» или «Арестантское уркаганское единство»). – Прим. авт.)? Эффект АУЕ не отрефлексирован, как до сих пор не понят и «казанский феномен». Когда я думаю о тех временах, то первым делом вспоминаю тотальное ощущение страха. Мы боялись ездить не в «свой» район – и «группировщики», и гопники, и никто или социальные низы – «чушпаны». Боялись не своих сред, понятно ведь, чем такая «встреча» могла закончиться. Вот сегодня, чтобы осмыслить явление мата и вернуть его в нишу «слов силы», нужно осмыслить социальные феномены и последствия их влияния на социум. Тогда, глядишь, будет «каждой сестре по серьге»: мату – табуированное место и время «для своих», а ругательствам – куда же без них – место в «прихожей» культуры общения. ■

«НЕЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ»

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

ЧЕМ ЗАНИМАЮТСЯ
В ЛАБОРАТОРИИ СЕНСОРНЫХ
СИСТЕМ ИНСТИТУТА ПРОБЛЕМ
ЭКОЛОГИИ И ЭВОЛЮЦИИ
ИМ. А.Н. СЕВЕРЦОВА РАН,
ДОГАДАТЬСЯ НЕСЛОЖНО:
НА СТЕНАХ КРАСУЮТСЯ
ФОТОГРАФИИ И КАЛЕНДАРИ
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ДЕЛЬФИНОВ
И БЕЛУХ. А ЧТО ТАИТСЯ
ЗА ДВЕРЬЮ С ТАБЛИЧКОЙ
«ОПЫТ. НЕ ВХОДИТЬ»?

В ЛАБОРАТОРИИ СОВРЕМЕННЫЕ ЦИФРОВЫЕ осциллографы соседствуют с пальником и громоздкими приборами тех времен, когда отечественная дельфинология только зарождалась. Доктор биологических наук Александр Супин – один из тех, кто стоял у истоков этого направления. Заметив, что я нерешительно топчусь у двери с табличкой «Опыт. Не входить», Александр Яковлевич объяснил: «Проходите смело, табличка у нас несъемная. Понимать нужно так: когда дверь закрыта наглухо – идет опыт, если приоткрыта – входить можно». И никаких экспериментов с морскими животными в лаборатории не проводят. Здесь живет любимица сотрудников – большая зеленая ящерица, привезенная учеными с опытной станции на берегу Черного моря.

– Александр Яковлевич, в мировой практике первые опыты с дельфинами в неволе начали проводить еще в конце XIX века. Когда тем же самым стали заниматься в России?

– Все-таки научные исследования в этой области на Западе вошли в моду в 1960-е годы. На этой волне и у нас появился интерес к дельфинам. Переводились на русский язык разные научные и околonaучные работы. Например, мы зачитывались книгой американского нейробиолога Джо-

на Лилли – на самом деле авантюриста. Лилли пытался научить дельфинов разговаривать, писал о том, как это перспективно. Он держал дельфина в здоровенной деревянной лохани, пытаясь установить с ним контакт. Все это оказалось ерундой: коммуникационную систему дельфина мы не поняли до сих пор. Так что беседы с дельфином в ближайшей перспективе не ожидается. А тогда интерес к этой теме был серьезный: в Московском университете образовалась исследовательская группа на кафедре высшей нервной деятельности, так же как и в Ленинградском университете, и в нескольких институтах Академии наук. Вначале, конечно, было много фантазий и спекуляций: начнем с дельфинами разговаривать, они по нашей просьбе будут в море какие-то работы выполнять. Последнее, правда, оказалось вполне реальным, только не в таком объеме, как предполагалось.

Меня во второй половине 1960-х годов заинтересовали исследованиями дельфинов друзья. Я не был в числе пионеров, но был привлечен к работе дельфинологами-первопроходцами. В нашей лаборатории было сначала три человека, в последние годы – около десяти сотрудников. С базой для исследований испытывали сложности. В итоге решили свою станцию создать. Присмотрели местечко между Анапой и Новороссийском – это последняя не очень заселенная территория на побережье. С трудом добились выделения земли. Денег, чтобы построить там что-то серьезное, никогда не было. Своими силами сделали домики из фанеры, поставили бассейны, вольер – и так уже более тридцати лет работаем.

Джон Лилли пытается заговорить с дельфином

– В науке тогда уже было известно о симпатии дельфинов к человеку?

– Этим, собственно, и подстегивался интерес. Дельфин ведь необычное животное. Они обладают высоким уровнем поведения, очень легко и надежно устанавливают контакт с человеком. Во всяком случае, те, что содержатся в неволе. Описывались случаи, что и в дикой природе дельфины подплывают к купающимся, пытаются с ними контактировать. Но это менее достоверно. С развитием исследований всякая шелуха отваливалась, научный интерес остался: узнать о способностях дельфинов к эхолокации, коммуникации внутри стаи, видеть над водой и под водой, быстро плавать. До 1980-х годов исследования развивались бурно. Но, как это часто бывает, сразу фантастических результатов не добились, и финансирование стало получать сложнее. Научные коллективы переходили на другую тематику, часть из них распалась. Сейчас в России лабораторий, где серьезно занимаются дельфинами, осталось раз-два и обчелся.

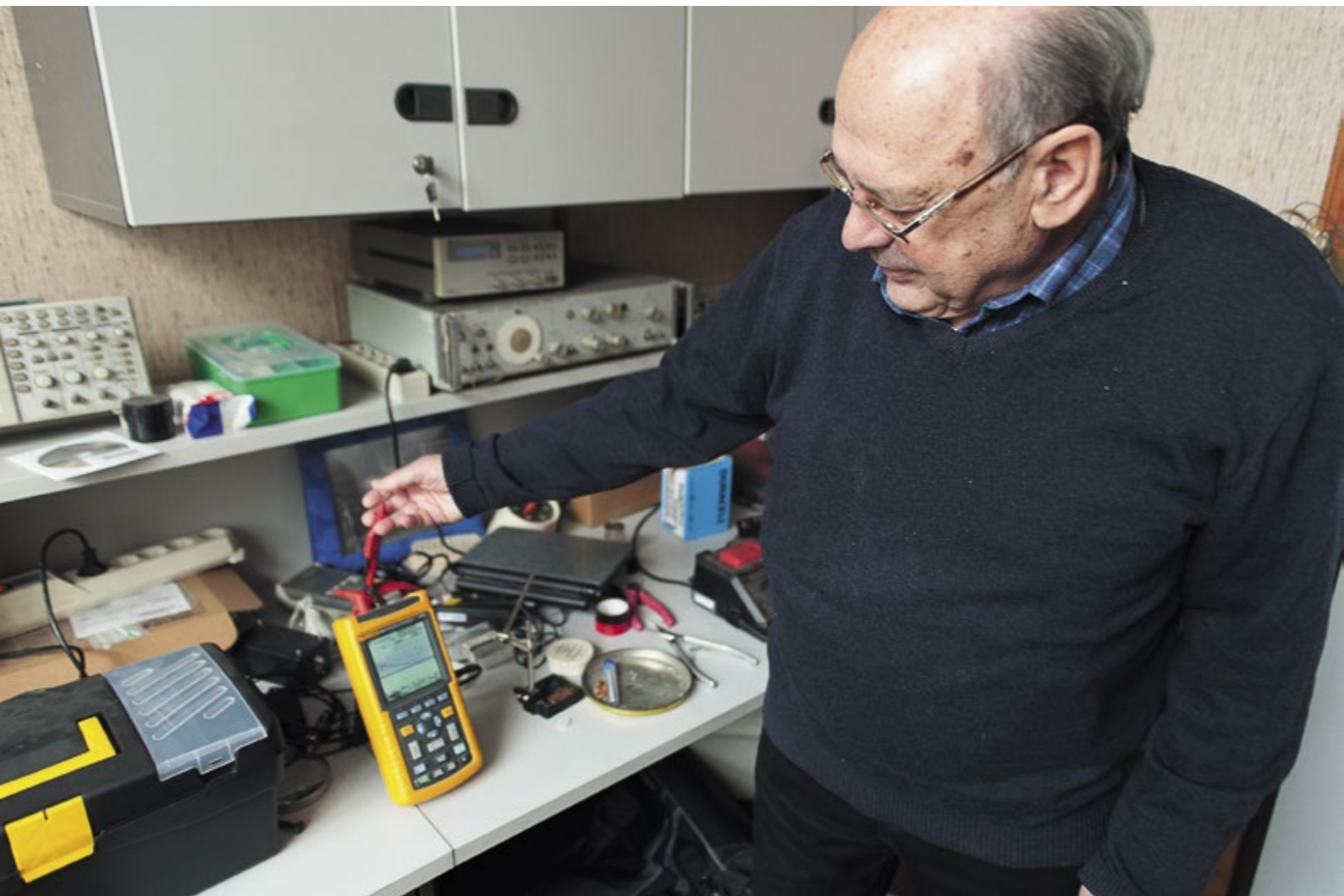
– В том числе известная Карадагская биостанция в Крыму? Где в советское время не только фун-

даментальной наукой занимались, но и популяризацией – в частности, снимали полуфантастические фильмы о дельфинах.

– Не в обиду будет сказано нашим украинским коллегам, после распада СССР Карадагская биостанция увяла. Сейчас ее пытаются оживить, но у России возможностей тоже мало. На Дальнем Востоке когда-то активно работала станция Тихоокеанского института рыболовства и океанографии. В Тихом океане ведь большое разнообразие дельфинов: бутылконосые дельфины, белухи, гринды, косатки. В последние годы исследования там стараются реанимировать, в том числе на базе нового большого океанариума на острове Русский, где работать можно круглогодично.

– А ваша станция на Черном море функционирует постоянно? Все-таки зимой в Анапе бывают морозы.

– Работаем мы только в летний период. Объекты исследований живут на станции круглый год. Что очень затратно: нужно воду в бассейнах нагревать, кормить животных. Одно время удавалось

договариваться с расположенными по соседству дельфинариями, чтобы наших дельфинов они на зиму забирали к себе.

– *Зато на Черном море вам доступен один из самых интересных видов дельфинов – черноморская афалина. Каким образом вы дельфинов отлавливаете?*

– По-разному было. Первое время мы работали с местными рыболовецкими колхозами, у которых еще оставались специалисты и подходящие орудия лова – с тех времен, когда на дельфинов велся промысел. Потом сами стали ловить, привлекая к этому сотрудников дельфинариев, наработавших в ловле некоторый опыт. Ну а после того, как черноморскую афалину внесли в национальную «Красную книгу», ее вылов полностью запрещен. Который год мы пытаемся добиться разрешения добыть афалину для исследований, но пока безуспешно. Легче оказалось доставить с Белого моря белух. А даже молодая белуха – это зверушка весом около 700 килограммов. Последнее время мы работаем с белухами, которые у нас на станции чувствуют себя прекрасно круглый год.

– *Есть ли на счету вашей лаборатории открытия?*

– Открытия могут делаться каждый день. Вопрос в том, какого они масштаба. Интересны ли они кому-нибудь помимо самого автора? Нам в изучении сенсорных систем скучать не приходилось. К примеру, зрение у дельфинов оказалось очень своеобразно устроенным. Человек, например, если сфокусирует взгляд на носу своего собеседника, то уши четко он уже не увидит. Ощущение того, что мы видим все вокруг с достаточной резкостью, создается за счет постоянного сканирования окружающей обстановки, а мозг наш склеивает целостную, как кажется, четкую картину. У всех животных есть только одна достаточно узкая область зрения высокой четкости. А у дельфинов таких областей две в каждом глазу. Это им позволяет хорошо видеть и над водой, и под водой. Оптические свойства воды и воздуха разные. Дельфины в каждом случае по-разному используют свои глаза. Выныривая из воды, смотрят прямо на предмет – часто такие кадры любят делать: дельфин и человек смотрят друг на друга. А под водой, чтобы чело-

века разглядеть, дельфин становится к нему боком и смотрит одним глазом. А общее поле зрения дельфина составляет около 300 градусов по горизонтали, то есть практически панорамное. Что касается слуха, дельфины располагают совершенно уникальными возможностями – по частотному диапазону, чувствительности, способности различать звуки по времени и частоте. Порог чувствительности у дельфинов в сто раз ниже, чем у нас с вами: то есть они слышат звуки в сто раз тише, чем способен услышать человек. В основном все это используется для эхолокации. Принцип эхолокации очень прост: посылать звук и улавливать отраженное эхо. Однако требования к слуховому аппарату здесь предъявляются предельные. Если предмет находится близко, то эхо приходит настолько быстро, что мы не отличаем его от своего звука. От далекого предмета эхо придет с задержкой, но настолько слабое, что мы его не слышим. Только в особо удачных условиях, где-нибудь в ущелье, можем различать, как мы говорим, эхо. На самом деле эхо есть всегда. Пока в животном мире известны только три группы, которые способны к эхолокации: летучие мыши, некоторые ночные бабочки и зубатые киты, в том числе дельфины. И в этой узкой группе дельфины не знают равных. У них совершеннейший эхолокационный аппарат, в котором множество удивительных приспособлений – акустическая линза, уникальная слуховая система. Дельфины способны воспринимать и различать тончайшие оттенки эха, создаваемого различными предметами. Дельфин существует в неведомом нам звуковом мире, где каждый предмет имеет свой голос, свое эхо.

– *А как влияют на тонкий слух дельфинов всевозможные технические шумы в современном море: эхолоты, гулы корабельных моторов?*

– На Западе это считается серьезной проблемой. Как шумовое загрязнение мешает жить дельфинам и китам? К шуму дельфины могут привыкать. Есть много примеров, когда вблизи шумных объектов, например портовых сооружений, дельфины крутятся постоянно, если там есть рыба. Но это не значит, что для них это проходит бесследно, у дельфинов могут появляться дефекты слуха – временные или необратимые. Все равно что молодежь, которая под грохот многокиловаттных установок чувствует себя превосходно, не подозревая о возможном вреде для здоровья. А дельфины испытывают шумовые атаки похлеще портового гула. Например, выстрелы пневматических «пушек» для сейсморазведки. Или когда забивают сваи под ветряки в море. Диаметр такой сваи – несколько метров, и удары, чтобы забить ее в дно, должны быть соответствующей силы.

– *Иногда поступают сообщения о массовой гибели дельфинов, которые выбрасываются на берег.*

Может быть, это своего рода невроз от техногенных шумов?

– Подобные случаи действительно бывают, и это – не исключительная редкость. Причина массовой гибели животных пока не ясна. Предполагается, что это может быть эпидемия в стаде, а может быть и шумовое загрязнение. Например, в США после маневров военно-морского флота случился массовый выброс дельфинов на берег. Общественность поспешила возложить вину на военных. В частности, причиной называли корабельные сонары, которые представляют собой мощнейший источник звука. Честно сказать, пока такая связь не доказана. Бывают подобные случаи и без военно-морских учений. Однако это совпадение подстегнуло проведение новых исследований в этой области.

– *Браконьерство представляет серьезную угрозу для дельфинов? Все-таки их вылов был запрещен в большинстве стран не так давно, а в некоторых местах он не запрещен до сих пор.*

– Промышленный вылов китов нанес, конечно, серьезный урон популяции. У нас было две громадные китобойные флотилии, «Слава» и «Алеут». Каждая флотилия состояла из «матки», при которой действовало около двадцати китобойных судов. Сколько они китов перебили – не сосчитать. Ходили по всему Мировому океану, включая Антарктику. Начинать с больших китов. Когда тех переловили, стали брать поменьше – дошли до малых полосатиков, весом не более тонны. А промышленный вылов дельфинов, происходивший некогда в Черном море – это сотни и тысячи голов за один лов. Не думаю, что сейчас дельфины интересны браконьерам. Их мясо имеет специфический запах и в пищу никогда не шло – дельфинов перемалывали на кормовую муку.

Основная угроза дельфинам – общая экологическая обстановка в Мировом океане, загрязнение воды, уменьшение кормовой базы, вылов определенных видов рыбы. Человек может легко перестроиться: вместо селедки, если она вдруг иссякнет, ловить какую-нибудь другую рыбу. Животным сделать такой переход сложно. И не нужно забывать, что пищевая цепочка многоступенчатая. Если рыба не так чувствительна к определенному загрязнению, то для планктона это может быть критично. Падает численность планктона, становится меньше рыбы, далее, соответственно, начинаются бедствия для дельфинов.

– *В последние годы говорят о развитой «речи дельфинов», из-за чего их называли «нечеловеческими личностями»...*

– Сейчас исследования языка дельфинов поутихли. Потому что на самом деле ощутимого результата нет. Есть понимание, что коммуникационная система дельфинов очень сложная,

многоуровневая. У них нет простых команд – типа того, что «пи-пи-пи» значит «есть рыба», а «пу-пу-пу» – «убегай от опасности». Примером многоуровневой системы является наша речь. Отдельный звук не обозначает ничего. Только комбинируя определенным образом разные звуки, мы можем описывать вещи. Речь дельфинов не столь сложна, но все-таки многоуровневую систему крайне сложно расшифровать. Нужны какие-то зацепки, ну, к примеру, такие, как Розеттский камень, с помощью которого расшифровали египетские иероглифы. Над языком дельфинов бились несколько серьезных ученых, филологов, лингвистов, но явного результата не получили. Поэтому на исследования в этой области средств выделяют все меньше.

– *А как обстоит дело с исследованиями мозга дельфинов? В популярной литературе пишут, что у них очень большой и развитый мозг, а спят дельфины «одним полушарием»...*

– Индекс соотношения массы тела к массе мозга у дельфинов на самом высоком уровне. Взять, например, гориллу. По массе она сопоставима с дельфином, весит около 200 килограммов. Мозг у гориллы весит 500 граммов и считается достаточно большим. У черноморской афалины масса мозга более 2 килограммов. У человека – полтора килограмма. Но масса здесь – не самый важный показатель. Мозг – информационная машина, а в таких системах все решает не масса, а устройство. Масса какой-нибудь ЭВМ 1960-х годов несопоставима с массой современного ноутбука. И возможности их несопоставимы. Не в пользу массивности.

Однополушарный сон дельфина – это открытие нашей лаборатории. Все животные во сне должны перейти в состояние большей или меньшей неподвижности. Кстати, пока нет ясности, зачем вообще нужен сон. Мозг животных, как и человека, во сне не отдыхает, а продолжает работать – только в другом режиме. Сон дельфина сложнее человеческого. У нас дыхательный центр во время сна функционирует автоматически. Для дельфина это недопустимо – так он нахлебается воды. Каждый вдох дельфина – это сложная система скоординированных движений: подняться к поверхности воды, принять определенную позу, вынырнуть и только тогда выдохнуть и вдохнуть. Мы выяснили, что у дельфина во время сна поочередно работают то одна половина мозга, то другая. Половина мозга обеспечивает тот необходимый минимум, чтобы зверь был на плаву и мог нормально дышать.

По примеру дельфинов американские исследователи пытались добиться, чтобы солдат мог спать одним полушарием. Представлялось это очень перспективным: в таком случае солдат будет бодрствовать почти постоянно. На самом же деле такой режим сна менее эффективен – при однополушарном сне общего времени на отдых

требуется больше. Но независимо от сомнительности самой идеи никакой перспективы сделать человека «однополушарно» спящим не появилось. Так что этот проект закрылся.

А вообще-то условия изучения дельфинов в США превосходные. Я в течение пятнадцати лет дважды в год ездил работать в лабораторию Гавайского института морской биологии. Там круглогодичное содержание дельфинов, с ними работают высококлассные тренеры. Во время эксперимента, например, ставишь задачу, чтобы дельфин подошел к приборам и занял относительно них определенное положение. Тренер работает с дельфином – иногда приходится подождать день-два. Звери там не просто дрессированы – обучены учиться. Быть тренером – это своя наука и в какой-то мере искусство. Необходимо чувствовать зверя, понимать, когда его каприз нужно переломить, заставить работать, а когда, наоборот, не давить, дать ему отдохнуть. У нас на станции никаких тренеров нет, все делаем самостоятельно. Спасает то, что дельфинам самим интересно взаимодействовать с человеком, и в наших исследованиях они участвуют, не только чтобы получить в награду вкусную рыбку. Совершенно очевидно, для дельфина это представляет интерес. А если у нас в опыте что-то не получается, дельфин может расстроиться, начинает бить по воде хвостом – словом, высказывать свое недовольство неумелыми действиями человека. Потом возмущение проходит, и дельфин снова пытается вместе с нами задачу решить.

– *Можно предположить, что дельфин воспринимает человека как себе подобного?*

– Вполне возможно, что находящегося в воде человека дельфин принимает за похожее на себя существо. Похожего прежде всего тем, что у человека есть легкие, которые дельфин распознает своим «эхолотом» однозначно. Вероятно, это может служить причиной того, что дельфины порой спасают людей в воде, не дают им утонуть, захлебнуться.

– *Насколько организована стая дельфинов? Правда ли, что дельфины могут справиться с акулой и другими хищниками?*

– Акулу дельфины убивают без особых проблем. Акула должна постоянно двигаться вперед, чтобы водный поток омывал ее жабры. Дельфины об этом знают и просто глушат акулу, она перестает двигаться и погибает от удушья.

Организация в стае сложная. Лидер руководит действиями всей группы – им, как правило, является крупный и сильный самец, но может быть и самка. У дельфинов очень развита взаимопомощь. Они, например, выносят заболевшего собрата к поверхности воды, чтобы он мог дышать. Так же новорожденному малышу помогают сделать первый спасительный вдох. Дельфины воспитывают свое потомство, применяют

наказания, самое серьезное из которых – не дать хулигану всплыть и сделать вдох. После этого детеныш становится шелковым.

– Значит, может существовать не только дельфинотерапия, но и дельфиновоспитание...

– Относительно дельфинотерапии – это стопроцентное выкачивание денег. На самом деле просто вариант «зоотерапии». Если человеку нравятся собаки – он получает положительные эмоции от общения с ними; у других душа лежит к кошкам или лошадям. Сами по себе положительные эмоции, конечно, полезны, они мобилизуют ресурсы организма. А если человеку не животные нравятся, а он любит гонять на мотоцикле – для него будет полезна езда на мотоцикле. То же и с дельфинами. Хорошо, если у ребенка плавание с дельфином вызывает радость. Если же это ему не нравится, никакой дельфин не поможет. Животное само по себе специфического терапевтического эффекта не оказывает.

– Тогда в чем прикладная сторона изучения дельфинов? Говорят, например, что во время вьет-

намской войны в бухте Камрань американцы использовали «боевых» дельфинов, обученных находить и обезвреживать в воде диверсантов-вьетконговцев.

– Насколько успешно действовали «боевые» дельфины во Вьетнаме – очень сомнительно, дельфин не агрессивен к человеку. А главное – такая практика малоэффективна. В этом случае гораздо лучше использовать технические средства. Просто взорвать заряд взрывчатки небольшой мощности, которая для кораблей безвредна, но от которой все диверсанты в воде всплывут кверху брюхом. Более рациональная сфера использования дельфинов – подводные работы. Обследование дна, подводных трубопроводов, видеосъемка, поисково-спасательные работы. В ряде случаев дельфины могут решать такие задачи эффективнее технических устройств. Реально пока возможности дельфинов не применяются. Этим, как и в любой другой прикладной науке, должны заниматься не только ученые, но и практики – в данном случае тренеры, которые будут работать с животными. ■

МОЛИТЬСЯ, СЧИТАТЬ, ПАХАТЬ

БЕСЕДОВАЛ

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ПЯТЬСОТ ЛЕТ НАЗАД, КАК И СЕГОДНЯ, КРАСНАЯ РЫБА И ИКРА СТОИЛИ НА РУСИ ДОРОГО, А КАПУСТА И ЯБЛОКИ БЫЛИ ДЕШЕВЫ И ПРОДАВАЛИСЬ НЕ ПОШТУЧНО И НЕ КИЛОГРАММАМИ, А ВОЗАМИ. СОВРЕМЕННАЯ БУХГАЛТЕРИЯ НАЧИНАЛАСЬ В СРЕДНИЕ ВЕКА В РУССКИХ МОНАСТЫРЯХ – ПРИХОДНО-РАСХОДНЫЕ КНИГИ ПОЯВИЛИСЬ У МОНАСТЫРСКИХ КАЗНАЧЕЕВ ЕЩЕ В XVI ВЕКЕ. ОБ ЭТОМ И МНОГОМ ДРУГОМ ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИСТОРИК НИКИТА БАШНИН УЗНАЛ ИЗ АРХИВОВ СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ МОНАСТЫРЕЙ. ЗА ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЮ ДОКУМЕНТОВ ОН ПОЛУЧИЛ НЕСКОЛЬКО НАГРАД, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКУЮ ПРЕМИЮ В ОБЛАСТИ НАУКИ И ИННОВАЦИЙ ДЛЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ЗА 2017 ГОД.

С НАЧАЛА ПРИШЛОСЬ ПОРАБОТАТЬ ногами. Первая попытка добраться на велосипеде до затерянных в вологодской глубинке земель Дионисиево-Глушицкого монастыря, предпринятая Никитой Башниным еще в студенчестве, закончилась неудачей. Увяз в осеннем бездорожье и повернул обратно. Зато, изучая историю монастыря, по известным и найденным документам реконструировал жизнь русского средневекового монаха и особенности хозяйствования в провинциальном монастыре.

– Награду из рук президента вы получили за инновации. В чем состоит ваше научное открытие?
– Меня наградили не только за монографии и статьи, но и за археографические проекты.

Археография – это наука, которая занимается поиском, исследованием и публикацией документов. Полевой археографии, когда происходит поиск документов, сегодня практически нет, хотя экспедиции проводятся и интересные находки случаются. Сегодня археография – это в основном подготовка документов к публикации.

Теперь об открытиях. Сделать их в гуманитарных науках довольно сложно. Но иногда это происходит. Открытия, которые зафиксированы в моих работах, сделаны не только мною, но и целым направлением историков, которое сформировалось еще с 1980-х годов. В эти годы интерес медиевистов сместился от крупных обителей в сторону средних и малых монастырей, которых было большинство на Руси. Они были теснее связаны с крестьянским миром и дают более типичное представление о том, как жили на Руси в Средние века, какой была жизнь крестьянина и монаха и как они взаимодействовали друг с другом.

Другой важной частью моей работы стала реконструкция архива Дионисиево-Глушицкого монастыря с XV по начало XVIII века. Результаты исторических исследований неправильно измерять цифрами, но, когда я начинал заниматься монастырем, было известно 12–15 документов их монастырского архива. А сейчас их более 500. В разные века документы были рассредоточены по архивохранилищам, и пришлось проделать немалую работу, чтобы собрать их под одной обложкой. Бывало так, что начало документа хранится в Вологде, середина – в Москве, а окончание в Санкт-Петербурге.

– **Каким ветром вас занесло в Дионисиево-Глушицкий монастырь?**

– Занесло еще в студенческие годы. Занялся монастырями, потому что монастырские архивы русского Средневековья в большинстве своем сохранились гораздо лучше и полнее, чем архивы частных лиц – феодалов, землевладельцев. Причин тому множество. Одна из основных – в монастырях уже тогда было поставлено архивное дело, существовал четкий учет документов. Дионисиево-Глушицкий Сосновецкий монастырь – типичный монастырь, но в его истории есть и ряд уникальных черт. Он располагался в Сокольском районе Вологодской области, а я сам с Вологодчины. Родился в Череповце, окончил исторический факультет Вологодского педагогического университета. Петербуржцем я стал после окончания вуза – уехал учиться в аспирантуре, а сейчас тружусь в научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории РАН. Продолжаю работать над этой темой, но вышел на более широкое поле – европейский север России в Средние века.

– **В местах, где располагался монастырь, бывали?**

– Да, конечно, и не раз. Кстати говоря, впервые пытался добраться туда на велосипеде из Волог-

ды. Доехал до Сокола, потом вверх по берегу реки Глушицы. Но была осень, дорога грязная, и я повернул обратно. Это к вопросу о тезисе известного советского историка о том, что монастыри всегда основывались в очень удобных местах. Глушицкий монастырь в прямом смысле находился в глуши. Там и сейчас, если ехать на электричке, нужно еще пешком преодолеть лес и болото.

– **Монастыри – весьма консервативные учреждения. Неужели жизнь монаха XV века и, скажем, XIX столетия различалась?**

– Средневековое общество было очень религиозным. Оно не представляло жизни... точнее, не могло себе позволить жить без потусторонних сил. Вы правы, повседневная жизнь монаха всегда была последовательной и сосредоточенной на служении Богу. В этом сама суть монашества. Но в жизни монастыря были случаи, казусы, когда возникали конфликты со светскими вотчинниками, судебные тяжбы. И это также отражается в монастырском архиве и рассказывает нам многое о жизни разных слоев средневекового общества. О многом можно узнать в документах, касающихся хозяйствования в монастырях.

– **Крестьянин монастырский и барский. Кому тогда лучше жилось?**

– Трудно сказать. Зависит от конкретного хозяина. Если же говорить о монастырях, то, судя по документам, они старались защищать и поддерживать своих крестьян. Во время голода, когда цена на хлеб резко повышалась, монастыри продавали своим крестьянам хлеб по особой, фиксированной цене. Выдавались беспроцентные ссуды деньгами или хлебом – сколько взял, столько и вернешь. Также мне встречались решения архиепископа Симона о прощении долгов крестьянам. Кроме того, монастыри являлись

Никита Башнин провел реконструкцию архива Дионисиево-Глушицкого монастыря с XV по начало XVIII века

богадельнями и детскими домами – там доживали свои последние дни старики, там воспитывались сироты. И вовсе не обязательно становились монахами.

– В художественной литературе монахи и священники либо подвижники, либо мироеды. Какие чаще встречаются в монастырских документах?

– И те, и другие. Конечно, были среди священников и монахов те, кто злоупотреблял своим положением и был подвержен порокам. Существовала система наказаний. Мне встречался документ, в котором говорилось о провинившемся священнике, которому по распоряжению архиепископа Симона было предписано совершить 300 поклонов. Или упоминается келарь, который чинил в Глушицком монастыре произвол – пьянство и драки – и против которого объединились монашеская братия и крестьяне. Он был пойман и заключен, был допрос и судебное дело. В своей монографии я называю его келарем со шпагой, потому что по многочисленным свидетельствам он повсюду ходил со шпагой. Вероятно, он был отставным военным.

– Кто и по каким причинам постригался в монахи? Можете описать биографию типичного средневекового монаха?

– Попробую. На 80–90 процентов средневековый монах – крестьянского происхождения. Скорее всего, это человек преклонного возраста или близкий к нему. Он вел крестьянскую жизнь, у него была жена и дети. Но жена умерла, дети выросли, и он решает послужить Богу на старости лет. Принимает постриг и переселяется в монастырь. При этом он сохраняет связь с семьей в тех рамках, которые позволяет монастырский устав. Для того чтобы стать частью монашеской братии, он делает материальный вклад. Это не было покупкой места, а являлось милостыней. Четко прописанного размера этого вклада не было. Мне встречались в документах случаи, когда жертвовали выделанную коровью кожу или дровни. Нередко в монахи уходили после семейной трагедии – смерти детей или преждевременной смерти жены или мужа. Мне встречалось упоминание о женщине, которая потеряла одного за другим трех мужей.

– К слову, о хозяйствовании. В монастырских бумагах наверняка указывались цены на продукты питания, ткани, лес и так далее. Скажем, в XV–XVI веках какие продукты были предельно дешевы, а какие – дороги?

– Среди дорогих продуктов питания назову красную рыбу и икру. Соль была недешевой, и требовалось ее много – она была основным консервантом. А дешевое... Капуста, яблоки и другие овощи и фрукты с огорода. Их продавали не штуками, а возами. Так они в документах и фигурируют.

– *Встречались ли вам в монастырских архивах те продукты, которые мы сегодня не употребляем в пищу?*

– Например, вязига. Это что-то вроде сухожилия у осетровых рыб. Ее варили и делали пироги с вязигой. Сейчас такое блюдо почти не встретишь, но еще в начале XX века оно было весьма распространено. Известно, например, что Федор Шаляпин любил пироги с вязигой. Еще довольно часто мне встречались упоминания о вологодских рыжиках, которые были широко известны и любимы. Более того, являлись своеобразным брендом. Вологодский архиепископ, отправляясь по церковным делам в другие регионы, обязательно брал с собой кадушки и бочонки с рыжиками. Политическая элита XVII века, от царя до дьяков и подьячих в приказах, получала в подношение вологодские рыжики. Для поддержания добрых отношений. Сохранилась грамота, в которой Петр I благодарит вологодского архиепископа Гавриила за рыжики, которые были очень вкусны.

– *Монастырские казначеи и настоятели были хорошими менеджерами? В Средние века экономика воспринималась как наука, которой должны заниматься специалисты?*

– Возражаю против «менеджера», оно в данном случае антиисторично. И дело не в слове, а в самом понятии, которого в монастырях не могло существовать. Менеджмент – это бизнес. Знаете, как говорят – ничего личного, просто бизнес. В монастыре подобное невозможно и представить, даже в отношении хозяйственной деятельности. Религиозная составляющая пронизывала все сферы жизни монастыря. Да, монастыри торговали, производили, покупали, вкладывали деньги, но не были бизнес-структурой. Это был сложный организм, состоящий из многих служб. И для работы в той или иной службе подбирался человек, который наиболее к ней подходил. То есть обладал талантами и умениями. За хозяйственной жизнью следил келарь, за движение денежных средств отвечал казначей. Вы спросили, видели ли в экономике науку? В середине XVI века в русских монастырях появились приходно-расходные книги, то есть двойной учет, и это принципиальный момент. Это произошло позднее, чем в Западной Европе, но появилось и широко распространилось по сотням обителей, а потом и в светских хозяйствах. Житник занимался монастырскими житницами, учетом зерна, толокна, круп. Все эти обязанности не освобождали этих людей от церковной службы.

– *С чего началось ваше увлечение историей?*

– Со школы. В пятом классе у нас появился предмет «История», который преподавала Вера Николаевна Никанорова. Она и привила интерес к истории. Чем? Рассказывала увлекательно, давала возможность высказаться, порассуждать – дискуссии на уроках были жаркими. Хорошо

По словам историка, средние и малые монастыри были тесно связаны с крестьянским миром и их архивы дают представление о том, как жили на Руси в Средние века

помню ее уроки по русскому Средневековью, которым я и увлекся. Князья, победа на Куликовом поле, сражения – красиво, романтично. Потом начались олимпиады, интеллектуальные игры на исторические темы, и меня затянуло окончательно. В старших классах познакомился с военными историками – людьми, которые реконструируют сражения разных эпох.

– Выходит, вы пошли по пути предшественников. Как мы помним, в летописцы приходили в том числе из воинов. Довелось сразиться на мечах?

– Сразиться – слишком громко сказано, а удары на мечах отрабатывали. Причем брали настоящие тяжелые мечи. Обошлось без травм, но по пальцам не раз попадало.

– В летописях и былинах воины по трое суток бьются. У вас не закрались сомнения в справедливости этих сведений?

– Обмундирование средневекового воина было основательным, это историки и археологи подтверждают. Например, кольчуга весила 15–20 килограммов, но этот вес распределялся по телу равномерно, а потому было не так тяжело. Конечно, важна была привычка к воинской жизни и к боям. А что касается правдивости летописцев... Упоминания про усталость воинов встречаются довольно часто.

Еще в школьные годы я пытался сплести кольчугу. Так, как плели ее в Средние века. С единственной разницей – в прежние эпохи каждое кольцо, из которых составлялась кольчуга, склепывалось, чтобы сложнее было ее разорвать. Я этого не делал. И, вероятно, моя кольчуга не убергла бы от стрел, но от рубящих ударов спасла бы. Получалось неплохо, потому что это нетрудно. Хотя силу нужно было применить. Брали закаленную проволоку – я же из Череповца, а потому проблем с металлом не было, – сматывали ее в пружину,

раскусывали на колечки и соединяли плоскогубцами. До конца я свою кольчугу не доплел, не хватило терпения – когда понял принцип, исчезла мотивация.

– Фильмов про русское Средневековье и богатырей сейчас снимается немало. Конечно, учить историю по художественному кино невозможно. Но какую-то образовательную пользу в них вы видите?

– Это от конкретной картины зависит. Из того, что я смотрел, самым удачным фильмом о русском Средневековье назову «Андрея Рублева» Тарковского. Режиссер сделал попытку рассмотреть внутренний мир русского живописца того времени и вписал это в широкий исторический контекст. И, что немаловажно, Андрей Тарковский пригласил консультантами профессиональных историков, знатоков эпохи. Некоторым «Андрей Рублев» кажется излишне жестоким и натуралистичным фильмом, но таковой была эпоха, и ее невозможно измерять сегодняшней системой ценностей. Люди были другими, более терпимыми к боли и лишениям. К тяжелому труду, войнам, мору и голоду привыкали с детства. Да, в чем-то люди тогда были грубее, но по литературным памятникам мы знаем, что возвышенные чувства тоже имели место.

– Вы что-то переняли от героев своих исследований?

– Думаю, да. Усидчивость, терпение и какое-то смирение, наверное. Ученые, в сущности, те же монахи, иноки. Наука требует погружения в предмет исследования и в какой-то степени самопожертвования, отказа от многого, что доступно другим.

– Когда слышите, что средневековую Русь называют отсталой, хочется возразить?

– Разумеется. Потому что это суждение несправедливо. Не нужно приуменьшать значения контактов между русскими и европейцами. В Средние века на Руси довольно неплохо представляли себе, как живут в Европе. Отсталой можно было бы назвать страну, где безусловно разделяют ценности другого государства, с которым ее сравнивают. Но разделяли ли ценности? Не думаю. А потому, на мой взгляд, нельзя измерять Россию и Европу на одних весах и называть отсталой одну в сравнении с другой. В науке и техническом прогрессе отставали – впрочем, механические часы, к примеру, в русских монастырях появились уже в XVI веке, – но в духовном отношении не уступали. Грамотность населения, делопроизводство, развитие законодательства и судебного дела, богословские споры – в этом средневековая Русь, думаю, могла бы посостязаться с западноевропейскими странами. Велись дискуссии, решались общественные вопросы, пытались понять основы мироздания. ■

МЫС ЖЕЛАНИЯ И «КУЗЬКИНА МАТЬ»

БЕСЕДОВАЛА

МАРИНА КРУГЛЯКОВА [ФОТО АВТОРА]

ПЕТР БОЯРСКИЙ – РУКОВОДИТЕЛЬ МОРСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ, КАНДИДАТ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ И ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК. ЕГО ЖИЗНЬ ПОЛНА КРУТЫХ ВИРАЖЕЙ, ВСТРЕЧ С ИНТЕРЕСНЫМИ ЛЮДЬМИ И ЯРКИХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

— ГОВОРЯТ, ВАШЕ ДЕТСТВО – ПРОСТО готовый сюжет для романа...

— А я сейчас и пишу роман. Точнее, художественно-биографические мемуары. Я благодарен судьбе за ту череду необычных событий, которые происходили со мной начиная с детства. Когда родители развелись, я остался с мамой. И отец меня похитил. Во время войны он был начальником контрразведки 5-й армии, да и потом занимал высокие посты в КГБ. Сначала меня увезли в санаторий КГБ под Одессой, затем прятали на дачах разведчиков и контрразведчиков в Подмосковье. Потом отца назначили главным военным советником в Чехословакию, и я вместе с его новой семьей переехал в Прагу. Меня с приемным сыном отца возили по древним чешским замкам, мы примеряли настоящие рыцарские доспехи, стреляли из старинных ружей. Романтика! Через полтора года отца сняли с должности и вернули в Москву из-за того, что он не дал расстрелять чешских «врагов народа», многие из которых были евреями. Ну и из-за меня в какой-то мере тоже.

— Почему из-за вас?

— Мама снова вышла замуж. Отчим был летчиком, служил в одном полку с Василием Сталиным

и дружил с ним. Мама настояла, чтобы он обратился за помощью к Василию. Тот предложил маме написать письмо на имя Сталина с просьбой вернуть сына и сказал, что попробует его уговорить. В итоге меня вернули, а отца понизили в ранге.

— Вы встречались с Василием Сталиным, каким он был?

— Вы знаете, такого доброго и отзывчивого человека, как он, я не встречал. Отчим играл в футбол и брал меня с собой. Там был и Василий Сталин. Я у него сидел на коленях. Он угощал меня и других детей конфетами, возился с нами. Мама мне говорила, что это сын самого Иосифа Виссарионовича, но я тогда не очень понимал, кто это такой, и воспринимал Сталина как какого-то абстрактного гиганта. Однажды на параде мы стояли у Мавзолея, и Сталин метрах в пятнадцати от нас прошел на трибуну. Он помахал девочке рядом со мной. Мне захотелось, чтобы Сталин помахал и мне. Я начал изо всех сил махать ему рукой, и он мне ответил. Над нами пролетали самолеты, и я был горд, что там мой отчим. С его слов я знаю: все считали, что головной самолет на параде ведет Василий Сталин, а на самом деле – отчим. Василий просто находился рядом, так как отец запрещал ему садиться за штурвал.

Петр Боярский на борту ледокола при подходе к рейду полярной станции «Малые Кармакулы» на Новой Земле. 2005 год

– Почему вы стали физиком?

– После девятого класса я случайно попал в спортлагерь МИФИ и понял, что там учатся одни гении, и захотел быть среди них. Отец нанял репетиторов, они натаскали меня, и я сдал вступительные экзамены. После окончания института занимался нейтронной физикой, ядерными реакторами. Мой дипломный проект – мини-ядерный реактор – летал в космос. Потом защитил диссертацию и стал кандидатом физико-математических наук.

– А доктором исторических наук как стать получилось?

– Я же думал, что буду физиком и писателем. На втором курсе написал повесть. Помню, чтобы углубиться в характеры и образы, встречался с девицами легкого поведения с Тверской. Кормил и поил их в кафе, а они рассказывали мне о себе и своей жизни. Отец был знаком с Кавериним и попросил его посмотреть мое произведение. Он считался жестким и честным критиком. Мы с ним подружились. У меня есть книга, подписанная им: «...с большим будущим», но большого будущего в литературе не получилось. Сначала я не хотел уходить из физики. Потом под влиянием книги Каверина «Два капитана», его рассказов при встречах с ним в Переделкине и Москве занялся историей науки. Поступил в аспирантуру Института истории естествознания и техники. В это время академик Келдыш задумал организовать музей истории науки и техники. У нас начали формировать группу, которая будет им заниматься, и я в нее попал. Тогда-то я и создал первую в мире классификацию и систематизацию памятников науки и техники, которая со временем переросла в науку о памятниках. Я ее назвал «памятниковедение». Знаете, ведь здесь все не случайно. Однажды я ехал в электричке, смотрел на солнце и думал – мы все живем в ритме солнца. Не зря все народы ему поклонялись. Возможно, оно и есть некий разумный регулятор всех событий, происходящих на нашей планете: я не сомневаюсь в том, что все земные процессы происходят под внешним воздействием...

– Какие процессы?

– Войны, экономические потрясения, природные катаклизмы и прочие явления, причину которых не могут объяснить. Например, вдруг возникают пожары или наводнения в тех или иных странах. А если проанализировать, какие события там происходили, в чем эти государства участвовали, все сразу становится понятно... Я когда читаю новейшую мировую историю, знаю, где долбанет в следующий раз.

– От чего это зависит?

– От интенсивности той или иной человеческой деятельности. Ведь вокруг нас есть еще и психосфера. И когда люди начинают совершать какие-либо мощные разрушительные действия, то это так или иначе пресекается.

– Кем?

– Природой. А она зависит от солнечной активности. Солнце и планеты взаимодействуют. Вся наша система под названием «Земля» тщательно продумана. Я считаю, что существуют, как я их называю, «капсулы памяти». Например, ледник тает, и в океан попадают воздух, вода, микробы и другие микроорганизмы, которые в нем «законсервировались» миллионы лет назад. То есть в старое всегда вливается что-то новое, и наоборот. То же происходит и с геологическими породами: вулканические извержения – это такое же обновление. Мы не думаем об этом. Ведь открытия тех или иных древних захоронений и других артефактов не случайны, они происходят строго в определенный момент, не раньше и не позже. Моя концепция заключается в том, что надо заниматься одновременно и культурным, и историческим, и природным наследием. Например, в нашей экспедиции работают археологи, биологи, геологи, эксперты по ядерному оружию и другие специалисты. Мы изучаем радиоактивность, ядерный полигон, медведей, геологию, океанологию, птиц, птичьи базары... Я как-то спрашиваю у одного орнитолога: «Вот когда птица летит...» А он отвечает: «Это не моя тема, я занимаюсь проблемами пищеварения...» Нужен комплексный подход к системе. Почему в Арктике проводятся только, например, археологические исследования? Вы проведите обшлеп – как жила и развивалась изучаемая культура в данной природной среде, от каких природных явлений зависел выбор становищ, как и какие использовались орудия труда, и прочее. Для меня лично Арктика – это целостный организм.

– А как вы первый раз попали в Арктику?

– В Институте культурологии я создал отдел Арктики, возглавил и стал научным руководителем Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Впервые мы отправились в Арктику в 1986 году. У нас не было денег, нам сказали, что доставить до места или снять могут, а вот выделить судно на все время работы экспедиции – нере-

Петр Боярский
во время
перехода
по острову
Вайгач
с оленеводами.
1987 год

ально. А на них есть пластмассовые спасательные мотоботы, вроде батискафов, с дизельным двигателем. Нам выдали эти оранжевые суденышки и высадили на лед. Мы устроили наш базовый лагерь на берегу, а передвигались на них. Они весят 2,5 тонны, на сушу не выгатишь, поэтому во время шторма мы на 4–5 суток уходили в море. Дрейфовали, нас затирало между ледовыми полями, на внешнем корпусе возникали трещины, порой приходилось по несколько часов стоять по пояс в воде, чтобы лед их не раздавил. Ходили по компасу, тогда еще не было электронных средств навигации. Но мы стали проводить историко-географический эксперимент. В туман ориентировались как поморы в старину. Они ведь создали в Арктике целую навигационную систему. Около зимовий поморы возводили поклонные, могильные и другие кресты. Они служили указателями, маяками, по которым моряки определяли свое местоположение. Их можно встретить везде – и на Вайгаче, и на Новой Земле...

– *Ваша экспедиция – одна из тех, кому разрешили вести исследования на территории ядерного полигона на Новой Земле...*

– Точнее, единственная, кому разрешили. Первый раз мы попали на Новую Землю в 1987 году. Нас на небольшом военном гидрографическом судне доставили на мыс Желания. Помню, недалеко от Новой Земли на нашем пути оказался лед. И вдруг идет громадный танкер, и как раз – на мыс Желания. Мы пристроились за ним. А танкер – не ледокол, он не предназначен для проводки кораблей, и все льдины от него полетели на наше маленькое судно. Оно дало течь... В общем, столько появилось проблем из-за нас, что я «спрятался» от глаз капитана в каюту... Когда мы высадились и направились в Белушью Губу, поселок ядерщиков, нас тут же арестовали. Там закрытая зона, и, хотя мы пришли на военном судне, все равно требовалось специальное разрешение. Потом разобрались и отпустили. Мы тогда собирались найти зимовье Баренца.

– *А вас пускали туда, где проводились ядерные испытания?*

– Нам разрешали работать там, куда не пускали никого. Кроме штолен, конечно. Хотя позднее мы побывали и там. Первое время нас сопровождал сотрудник полигона. Потом нам выдали карты, где указаны участки с повышенным радиационным фоном, и мы стали передвигаться самостоятельно. Мы работали там, где взрывали «Кузькину мать» – самую мощную ядерную бомбу. Место так и называется – боевое поле испытаний. Представьте себе громадное пространство – тундра, холмы, и под ними построены громадные бункера. В них размещены установки, которые дают электричество. От них под землей тянутся провода к бронированным контейнерам. В них устанавливали фото- и видеокамеры, которые фиксировали все, что происходило во время испытаний...

– *Неужели там что-то осталось после ядерных взрывов?*

– Новоземельскому ядерному полигону нет аналогов в мире. Столько про него всяких басен рассказывают – якобы там все загажено радиацией и прочее. Да в той же Белушней Губе, в поселке, живут военные и их семьи, для детей построена огромная школа. Кстати, и многие из сотрудников, работавших на полигоне двадцать и более лет, до сих пор живы. Его же строили как полигон для подводных испытаний ядерного оружия. Их проводили в Черной губе. В заливе расставляли суда-мишени, а на берегу возводили постройки, вышки, в окопах размещали различных животных... Остатки этих сооружений видны до сих пор. Потом взрывать стали севернее, на Паньковой Земле. Там сохранились полуподземные казематы: в них находился автоматический центр ядерных взрывов, откуда подавались все команды. Оттуда через толстенное стекло военные, инженеры и ученые наблюдали за испытаниями. Какой-то идиот его разбил. А ведь это все памятники истории науки и техники. Люди, создававшие их, жили в палатках в 50-градусный мороз! Это позднее уже для строителей построили городок. Но самая главная «заслуга» полигона в другом, и об этом никто не говорит. На Новой Земле в советское время, до 1953 года, происходило массовое истребление животного мира.

Металлический оптический пункт контроля с мгновенно закрывающимися иллюминаторами для аппаратуры фиксации ядерных взрывов на боевом поле испытаний полуострова Ключковского на Новой Земле. 2009 год

Петр Боярский перед вылетом на судовом вертолете с научно-экспедиционного судна «Михаил Сомов» на острове Геркулес. 2009 год

Стадо моржей
на острове Визе.
2009 год

– **Браконьеры?**

– Нет, все официально. Добывали медвежьи шкуры, убивали моржей из-за клыков, твердой кожи и ворвани и прочее. Мы нашли огромные залежи костей. Охотники постоянно жили в факториях, становищах и промысловых избах. Завозили собак, часть из них дичала, разбегалась по острову. А там же не только птичьи базары. Например, лебеди и гуси гнездятся в тундре. Собаки не столько ели яйца, сколько давили, разоряли их гнезда. А рыба! Она шла таким плотным косяком, что в неглубоких местах по хребтам этой плывущей на нерест массы можно было переходить на другой берег. И все это варварски уничтожалось местным населением архипелага. Если бы не полигон, то сейчас и речи не было бы о многих видах животных на Новой Земле. Работникам ядерного полигона убивать их запрещено, разве что охотникам в сезон охоты, конечно, кроме краснокнижных видов. Но любителей охоты среди них очень мало, потому что заниматься ею некогда.

– **Так взрывы, наверное, не меньше животных уничтожили?**

– О взрывах говорить смешно. Помню, один из академиков говорил: «Там же миллионы птиц, и они летят и все горят». Сказочник! Испытания проводились в основном на севере Новой Земли. Там сплошные ледники. Не знаю, кто в них обитает, разве что микробы. Животные живут на юге Новой Земли, где располагаются также и птичьи базары. Куда в основном подплывает и морская рыба, потому что там для нее много еды. Я доказал коллегам: многое, что связано с полигоном и атомными испытаниями, является памятниками истории создания ядерного оружия. И по инициативе МАКЭ на севере Новой Земли в 2009 году был создан национальный парк «Русская Арктика». Я добивался этого двадцать лет. Теперь пробиваю, чтобы остров Вайгач был признан национальным достоянием.

– **А в чем его уникальность?**

– Вайгач – остров арктических богов, где тысячами существовали святилища народов Севера. Например, там есть «священная» скала с большим провалом. Никто не мог понять, почему ненцы, принося в жертву идолам убитых оленей, сбрасывали их именно в нее. Я выдвинул гипотезу: сначала на острове обитал древний народ сиртя, или сихиртя, тот самый, что, по легенде, ушел под землю. А ненцы здесь появились гораздо позже, в XVI веке, во времена плаванья Баренца. Часть сиртя они убили, другую – ассимилировали и, частично переняв обычаи и обряды, включили некоторых их богов в свой пантеон. Вайгач – единственный в мире сакральный остров. Он намного интереснее острова Пасхи. Там возводили громадные статуи и жили, а на Вайгаче до революции никаких поселений не было. Он был Меккой для ненцев, на нем обитали их главные боги. Хотя бы раз в жизни ненцы целыми семьями отправлялись сюда, чтобы поклониться им. Плыли к острову даже из Сибири, на оленях, привязав к нартам бревна. А там же мощнейшие отливные и приливные течения, сколько их там погибло, не знаю, но, скорее всего, немало. Ненцы рассказывали, что на вершинах Малой Болванской и Большой Болванской гор находились мужское и женское святилища. На первое из них приносили только головы белых медведей, а второе хоть и считалось женским, но дамы на него не поднимались, его обслуживали мужчины. Кстати, по соседству со святилищами – множество поморских крестов. Ненцы всегда относились к ним уважительно. В отличие от геодезистов, которые в советское время спиливали и устанавливали на их основаниях свои приборы. Военные даже так не поступали, как они.

– **В Арктике после перестройки опустело много военных баз...**

– Да, например, на мысе Меньшикова на Новой Земле тоже стояла военная часть. Там было супер-

Заброшенная советская полярная станция на острове Рудольфа Земли Франца-Иосифа, с ее аэродрома взлетали самолеты экспедиции И.Д. Папанина «Северный полюс – 1» на дрейфующую у полюса льдину

современное, по тому времени, оборудование. При Ельдине все хищнически разломано и разграблено. Не понимаю: зачем надо было заставлять военных покидать свои позиции в течение трех суток? Что успели, погрузили на подошедшее судно, все остальное бросили. А мимо ходят рыбаки, да кто угодно... Они не воровали, все знали, что это бесхозное. В общем, осталось лишь железо, которое собирают волонтеры. Кстати, сейчас во время очистки Арктики гибнут уникальнейшие памятники. Мы на Вайгаче нашли трактор – один из первых, выпущенных на Харьковском заводе. И такой раритетной техники в Арктике навалом. Очисткой занимаются неспециалисты, они в этом ничего не понимают... У нас принято назначать на руководящие должности людей, которые в данной отрасли ничего не знают и не понимают. В том числе и в Арктике. Они потом нагло заявляют об «открытиях», сделанных задолго до них. Вдруг нашли на Земле Франца-Иосифа новую секретную базу нацистов! Да мы уже давно описали ее в «Национальном атласе России» и других книгах.

– **Что за база?**

– Мне рассказал о ней в 1986 году полярный летчик Валентин Аккуратов. Пролетая над Землей Александры, после войны, они увидели белый квадрат, отличающийся по цвету от снега. Сели. Поднялись по склону и увидели землянку с покрашенной белой краской крышей. Вошли, и у них, по словам Аккуратова, волосы встали дыбом. На стенах висели немецкие автоматы, на койках лежала фашистская военная форма, на столе стояла банка консервов с воткнутым в нее ножом... Казалось, хозяева только что вышли и вот-вот вернуться. Потом поняли, что все эти вещи остались еще с 1945 года. Это была метеостанция, немцы ее называли «Кладоискатель». Мы нашли контейнеры, в которые они сбрасывали топливо, пита-

ние, оружие. У руководства Третьего рейха был еще и мистический интерес к Арктике, поэтому их экспедиции выполняли не только военные, но и научно-исследовательские задачи.

– *Пишут, на Земле Александры были еще немецкий аэродром, электростанция, причалы и завод для ремонта подводных лодок...*

– Знаете, пусть они все это покажут. Мы не нашли там ничего подобного, разве что аэродром. Да, немцы установили сколько-то метеорологических станций, проект по их созданию назывался «Страна чудес». Они обеспечивали рейды их крейсеров и подводных лодок вдоль побережья Арктики. Немецкие суда заходили и на Таймыр, и на Диксон... На Новой Земле, на острове Южный, в становище Малые Кармакулы их подводная лодка расстреляла полярную станцию и два самолета. Мы нашли разбитые самолеты, и часть из них вывезли уже после нас...

Шлюпка с проломленными белыми медведями бортами, под ней в 1905 году были заложены ящики продовольственного склада американской экспедиции Э. Фиала к Северному полюсу. 2007 год

Петр Боярский с борта научно-исследовательского судна «Иван Киреев» выбирает место высадки сотрудников МАКЭ на острова Земли Франца-Иосифа. 2005 год

– *Есть мнение, что немцы интересовались Арктикой еще во время Первой мировой войны...*

– Сейчас идет спор. Был такой Рудольф Самойлович – знаменитый исследователь Арктики. Он участвовал в экспедиции Русанова на Шпицберген, возглавлял Северную научно-промысловую экспедицию, потом – Институт по изучению Севера и прочее. До революции он учился в Германии, у него там осталось много знакомых – геологов, полярных исследователей и других, с кем он переписывался. Самойлович руководил научной частью немецко-русской экспедиции на дирижабле «Граф Цеппелин» в 1931 году. На всем пути ее следования производилась фото- и киносъемка. Отсняли значительную часть советской Арктики – Северную и Новую Землю, Землю Франца-Иосифа, Таймыр, Диксон... Пленку проявляли сразу, что не получалось, тут же переснимали. После экспедиции немцы пообещали, по словам Самойловича, сделать копии с этих материалов и вернуть. Потом заявили, что все пленки по вине лаборанта засвечены. Возникает вопрос: при Самойловиче же проявляли пленки и ничего не было засвечено, как они засветились потом и почему он молчал? Я не утверждаю, что он шпионил в их пользу, но он с ними был в хороших отношениях...

– *Может быть, виной тому доверчивость, наивность ученого?*

– Самойлович был настоящим арктическим исследователем, а наивных арктических исследователей нет. То есть они бывают, но обычно в Арктике погибают. У историков сейчас вызывают вопросы и другие события. Например, гибель «Челюскина» или дрейф «Малыгина», «Садко» и ледокола «Георгий Седов»... Когда мои коллеги полезли в архивы, они за голову схватились. Там везде бумаги за подписью Шмидта и Самойловича, где они пишут, что на этих судах «можно идти», «это можно сделать» и так далее. Хотя корабли же явно не приспособлены для эксплуатации в тех условиях. Конечно, это не было намеренной провокацией с их стороны, но ведь за такие вещи надо все-таки отвечать...

– *А правда, что «Святую Анну» экспедиции Георгия Брусилова потопила немецкая подводная лодка?*

– Это одна из версий. Война. По морю идет судно, над которым развевается российский флаг. Немцы могли по нему сразу жакнуть или подойти и снять с него Ерминию Жданко – спасти и доставить ее на материк. Скорее всего – во Францию. Потому что именно там вышла книга, где под вымышленными именами описывается продолжение экспедиции Брусилова. Рассказывается о различных событиях в ходе экспедиции, о том, сколько было людей, как часть из них ушла со штурманом Альбановым, а из тех, кто остался, выжила только Ерминия Жданко... Может, это она и написала. Книга художественная, но уж очень все достоверно и точно изложено, словно автор сам был свидетелем событий. Сейчас еще стали много писать про Седова – мол, он понимал, что провалил экспедицию, и отправился на Северный полюс, зная, что не дойдет, то есть фактически шел умирать. Даже появилась версия: Пустошный и Линник убили Седова из-за голода, съели и скормили собакам. Так они рядом с местом его захоронения оставили продуктов на два месяца! Я считаю, Седов никогда не пошел бы к полюсу, зная, что там его ждет смерть. Мы прошли по маршруту экспедиции Седова, нашли ее стоянку на Новой Земле. Там установлен крест с надписью: «Экспедиция лейтенанта Седова к Северному полюсу. 1912–1914 г.». Мы обнаружили стоянки и других наших мореплавателей XIX – начала XX века. Они, поморские зимовья, святилища ненецких народов и другие находки, открытия и исследования, проведенные за 33 года работы МАКЭ, доказывают, что все арктические острова и архипелаги были издавна освоены русскими. Первыми арктическими мореплавателями были поморы. Это они на своих судах начали ходить на Новую Землю, Шпицберген и так далее вдоль арктических берегов. Все это – доказательства нашего приоритета в Арктике. Это – наша территория! ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

СОЗИДАТЕЛИ

К.В. Лебедев.
Поход Ермака.
1907 год

АВТОР

АЛЕКСЕЙ ГУДКОВ

РОД СТРОГАНОВЫХ ПОДАРИЛ РОССИИ НЕ ТОЛЬКО ТАЛАНТЛИВЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ И КРУПНЫХ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ, НО ТАКЖЕ ЗАЯДЛЫХ БИБЛИОФИЛОВ, КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ И ТОНКИХ ЦЕНИТЕЛЕЙ ИЗЯЩНЫХ ИСКУССТВ. СТРОГАНОВСКАЯ ИКОНА И ПЕВЧЕСКАЯ ШКОЛА, СТРОГАНОВСКОЕ БАРОККО И ЗНАМЕНИТАЯ СТРОГАНОВКА – ВСЕ ЭТО ПОЯВИЛОСЬ БЛАГОДАРЯ МНОГОВЕКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИМЕНИТОЙ ДИНАСТИИ.

УЖЕ НА ИСХОДЕ XVI столетия в сольвычегодских владениях Строгановых строились и украшались храмы, процветало иконное и ювелирное дело, функционировали златошвейные мастерские. Отчасти тому способствовала сложная политическая обстановка, сложившаяся в Центральной

России на рубеже XVI–XVII веков. Многие ремесленники перебирались в более благоприятные в хозяйственном отношении регионы, одним из которых и был Сольвычегодск, ставший в то время культурным оазисом. На Строгановых работали лучшие художники тех лет: иконописцы Степан Арефьев, Семен Бороз-

дин, Емельян Москвитин, Проконий Чирин, Истома, Назарий, Никифор и Федор Савины, каллиграфы Иван, Стефан и Федор Басовы. Произведения, вышедшие из строгановских мастерских, отличались высоким уровнем исполнения. Процветало в строгановских владениях и музыкально-певческое искусство.

ВЫШЕ ЛИШЬ МОНАРХИ

В 1842 году по заказу графини Софьи Владимировны Строгановой, урожденной Голицыной, придворный историк Николай Устрялов изучил «фамильные документы, <...>, числом до 100». Итогом работы стала книга «Именитые люди Строгановы», пролившая свет на раннюю историю рода.

Устрялов выяснил, что семейство Строгановых вело свое происхождение от жившего в XIV веке новгородца Спиридона. Его правнук, состоятельный новгородский гражданин Федор Лукич Строганов, около 1488 года обосновался в Соли Вычегодской (современный Сольвычегодск). Незадолго до этого у него родился сын Аника (Иоанникий) – самый младший из семи детей. Именно купцу Анике Строганову после смерти отца и трех бездетных братьев было суждено стать первым солеваренным магнатом Русского царства, чей капитал в конечном счете превысит казну самого государя.

Помимо солеварения Аника развивал и другие направления будущей торгово-промышленной империи Строгановых: кузнечное дело, пушной и рыбный промыслы, занимался перепродажей товаров, закупленных у иностранцев и сибирских аборигенов. Несмотря на нажитые богатства, Аника был скромным в быту и отличался набожностью. В 1558 году он основал Пыскорский Спасо-Преображенский монастырь, где в конце жизни при-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Р.Н. Никитин. Портрет баронессы Марии Яковлевны Строгановой. Между 1721 и 1724 годами

нял монашество под именем Иоасаф.

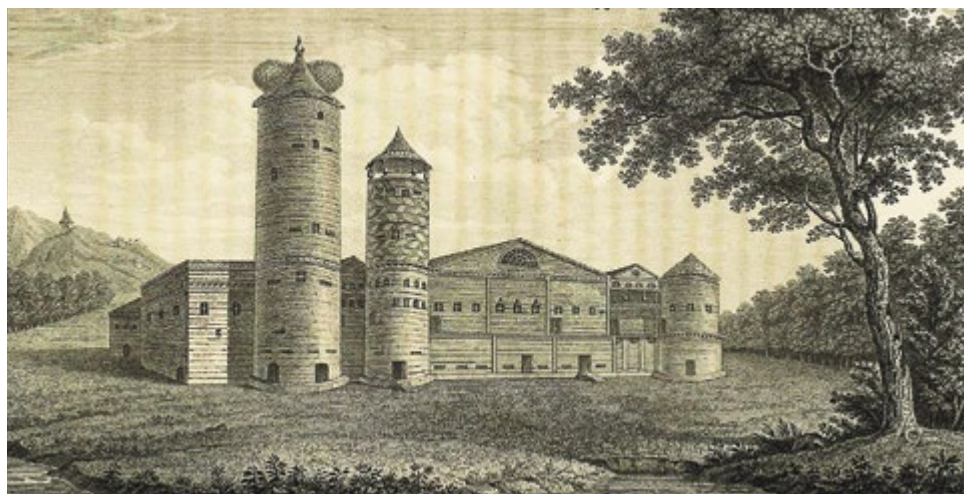
После кончины Иоанникия Строганова его дело продолжили сыновья – Яков, Григорий и Семен, а затем внуки – Максим Яковлевич, Никита Григорьевич, Андрей и Петр Семеновичи. Стремясь обезопасить торговые пути и собственные владения, Максим и Никита Строгановы задались целью уничтожить враждебное русским поселенцам Сибирское ханство. В 1581-м они снарядили экспедицию во главе с казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем, который покорил Сибирь уже к 1584 году. Эти события нашли отражение в летописи середины XVII века «О взятии

Р.Н. Никитин. Портрет Григория Дмитриевича Строганова. Не позднее 1715 года

Вид старинного дома Строгановых в Сольвычегодске. Гравюра И.В. Ческого. 1842 год. Дом деревянный, построен в 1565 году. Стоял 233 года, разобран в 1798-м

Сибирской земли», именуемой также «Строгановской». Освоение Северного морского пути – еще одна из строгановских инициатив того времени.

Строгановы пользовались расположением царей Иоанна Васильевича и Федора Иоанновича. В 1610 году царь Василий Шуйский в благодарность за военную и финансовую поддержку пожаловал братьям Строгановым и их потомкам звание «именитых людей». А четыре года спустя первый представитель уже новой царской династии, Михаил Романов, подписал указ, повелевающий «в грамотах и других бумагах писать к ним и детям их с «вичем», то есть называть полным отчеством, что по нормам того времени допускалось лишь по отношению к боярам и окольничим. В конце XVII столетия раздробленные владения Строгановых вновь объединяет Григорий Дмитриевич – внук Андрея Семеновича. Права Григория Строганова как собственника были подтверждены соответствующей царской грамотой. Что до звания «именитых людей», то оно сопровождало Строгановых вплоть до 1722 года, когда Петр I присвоил им титул баронов. Во второй половине XVIII века за Строгановыми закрепляется уже графский титул – сначала Священной Римской, а затем и Российской империи.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

КАЛЛИГРАФИЯ И «МУСИКИЯ»

Наиболее известным произведением строгановских книгописцев рубежа XVI–XVII веков является Каллиграфический подлинник, созданный Федором Басовым около 1604 года по заказу Никиты Строганова. Рукопись не содержит каких-либо связанных текстов, а является сводом образцов славянского письма и книжных украшений. Среди прочего в Подлиннике присутствуют изощренные каллиграфические композиции, напоминающие арабо-персидскую вязь. Привлекают внимание и именные графические «таблетки» – вписанные в окружность надписи вязью, содержащие имя Никиты Строганова, а также инициалы в старопечатном стиле, восходящие к «Большому прописному алфавиту» немецко-нидерландского гравера XV века Исааия ван Мекенема (Младшего).

Помимо братьев Басовых на Строгановых также работали писцы Григорий Базыкин, Василий Козлов, Панкратий Горлов и другие. Каллиграфы трудились не только в Сольвычегодске, но и в Москве, где купеческое семейство располагало собственным двором.

Книгописное искусство теснейшим образом переплеталось с певческо-музыкальным или, как его тогда называли, «мусикией». Среди строгановских рукописей первостепенное значение имеют именно певческие. «Усольская страна» славилась своей певческой школой, кото-

Н.Г. Устрялов.
Именные люди
Строгановы.
Издание
1842 года.
Титульный лист
и фронтиспис.
На фронтисписе –
портрет Петра I,
пожалованный
Григорию
Дмитриевичу
Строганову
в 1714 году
для ношения
на груди

Усолье.
Солеваренный
завод

Заставка в виде орнаментальной рамки. «Мусикийская грамматика»
Николая Дилецкого. XVII век

рая, наряду с московской и новгородской, была одной из ведущих школ русского знаменного пения конца XVI – первой половины XVII столетия. Самые крупные ее представители – Стефан Гольш, Иван Лукошко, Фаддей Субботин. Большим знатоком певческого искусства слыл и Максим Яковлевич Строганов. «Уже в начале XVII века, – пишет регент Борис Кутузов, – распевы усольских мастеров, выработавших свою певческую азбуку, встречаются в рукописных сборниках, тетрадках и отдельных листах далеко за пределами Усожья Вычегодского. <...> Строгановские певчие, «крылошане», освобождались от налога

(тягла) и жили в особых дворах на посаде». Большое количество певческих книг было отдано Строгановыми в сольвычегодский Благовещенский собор. В составе собрания городецкого купца Петра Овчинникова до нас дошла уникальная певческая рукопись, созданная в строгановском скриптории в 1634 году. Под заголовком «Начало учения детям хотящим учиться» в ее состав входит нотированная азбука – наглядное свидетельство существования во владениях Строгановых специальной школы с творческим подходом к образованию, где детей одновременно обучали письму и пению.

Вторая половина XVII – начало XVIII века отмечены созданием как минимум трех выдающихся манускриптов, связанных с именем Григория Дмитриевича Строганова. Впервые, это составленная известным композитором Николаем Дилецким «Идея грамматики мусикийской»: книгу 1679 года, переписанную Василием Рязанцем, Дилецкий посвятил и лично преподнес Григорию Строганову. Во-вторых, это сборник поучений «Статир» 1684 года, также посвященный «ясному светиле» всем «российским вельможам». В-третьих, роскошно оформленный Синодик 1703 года.

Угасание «строгановского» книжно-рукописного искусства относится к эпохе петровских преобразований.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«СТРОГАНОВСКИЕ ПИСЬМА»

Иконы, созданные в строгановских мастерских на рубеже XVI–XVII веков, по словам историка Андрея Введенского, открыли «новую и блестящую страницу в русском искусстве». Строгановские мастера, как правило, подписывали свои произведения. Кроме того, они иногда проставляли и дату создания той или иной иконы. Именно благодаря этому об истории становления и развития «строгановских писем» мы знаем намного больше, нежели об истории иных периодов русской средневековой живописи.

Работы старшего поколения строгановских иконописцев лишь в малой степени отличны от поздних новгородских – вспомним, что и сами Строгановы происходили из Новгорода. На ранних иконах строгановского письма можно заметить такие характерные черты новгородских икон, как удлинённые пропорции фигур, подчеркнутую грацию поз, цветную пробелку одежд и склонность к интенсивной расцветке.

Со временем строгановская иконопись начала все больше отходить от новгородских традиций. В ней стали превалировать черты, которые и сделали ее собственно «строгановской»: сложная композиция, тонкое миниатюрное письмо, богатство декора, яркие краски, обильное использование золота, виртуозная каллиграфия. В этих особенностях «строгановских писем» наглядно отразились вкусы заказчиков – двоюродных братьев Максима и Никиты Строгановых. Люди купеческого склада, они любили и ценили всякого рода роскошное убранство. Еще одна специфическая черта строгановских икон, которая бросается в глаза, – сугубое внимание к пейзажу. Это особенно заметно на примере растений, изображенных весьма подробно: иконописцы старательно прорисовывали листья и передавали фактуру древесной коры.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Среди строгановских художников мы не находим выдающихся концептуальных мастеров, подобных Андрею Рублеву или Дионисию. Но как исполнителям им не было равных. Свое ремесло они довели до совершенства. Их творческие усилия были направлены на узор, тщательность прорисовки и изящество форм. Из характерных работ строгановских иконописцев стоит упомянуть «Никиту-воина» (1593) и «Иоанна Предтечу – Ангела пустыни» (1620-е) Прокопия Чирина, «Благовещение» Назария Савина (1610-е), «Чудо Федора Тирона» Никифора Савина (начало XVII века). Впоследствии традиции «строгановских писем» оказали решающее влияние на живописное искусство Палеха и Мстёры.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Прокопий Чирин.
Димитрий Солунский и Димитрий Угличский.
Строгановская школа. 1620 год

Спас «Недреманное Око».
Строгановская школа. XVII век

РОМАНОВСКИЙ АМБАР

Из архитектурного наследия Строгановых особый интерес представляют хозяйственные постройки: ведь купец – это прежде всего рачительный хозяин. Наиболее ранняя среди сохранившихся – соляной амбар в городе Романове-Борисоглебске (ныне – Тутаев), возведенный, предположительно, по заказу Григория Дмитриевича Строганова. Внушительное каменное здание рубежа XVII–XVIII веков разделено на ряд помещений, некогда соединявшихся арочными проходами. Стены метровой толщины пережили немало больших пожаров. Южный фасад амбара украшает изящный киот в стиле строгановского барокко с элементами белокаменной резьбы – редчайшая деталь для гражданской постройки.

Со строительством амбара Романов стал удобным перевалочным пунктом на пути доставки соли из соляных чегодских варниц Строгановых к новой столице – Санкт-Петербургу. Однако вскоре, вследствие того, что торговля солью потеряла для Строгановых приоритет, амбар утратил свое значение. Уже к середине XVIII столетия его стали сдавать в аренду «под складку казенной соли и вина», а затем вина и спирта. В советское время в амбаре хранили зерно, затем керосин, здесь же был склад конторы коммунальных предприятий и пункт приема стеклотары. В 1990-х годах под строгановскими сводами даже гремел бар «Малинка»! Но вскоре амбар забросили...

Уникальный памятник, пустовавший последнюю четверть века, окончательно бы разрушился, если бы в 2015-м здание не перешло в частные руки: амбар выкупил энтузиаст из Москвы – краевед и журналист Юрий Стародубов. «Я понял, что если его никто не купит, то он попросту погибнет, – говорит Юрий. – И в позапрошлом году мы с семьей решили на эту покупку».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Интерес к амбару был не случаен: в Романове-Борисоглебске жили многие поколения семьи Юрия, и судьбу памятника он не мог воспринимать равнодушно. Новый хозяин мечтает спасти амбар, восстановить его и открыть здесь музейно-выставочный и просветительский центр. Денег, как обычно, не хватает, многое делается волонтерами на голом энтузиазме: Юрию помогают друзья из добровольческой организации «РеставроЪ».

ПАЛАТЫ, ХРАМЫ И ДВОРЦЫ

Еще в 1560 году на средства Аники Строганова началось возведение величественного Благовещенского собора – первого каменного здания Сольвычегодска. Сейчас в нем располагается Сольвычегодский историко-художественный музей.

Собор стал домовою церковью семьи Строгановых, завершённой и украшенной потомками Аники Федоровича.

Конец XVII столетия ознаменовался созданием второго архитектурного шедевра Сольвычегодска – Введенского собора одноименного монастыря. Светлый, просторный, оснащенный великолепным семиъярусным иконостасом, написанным Степаном Нарыковым, этот собор – наиболее известное и выдающееся сооружение строгановского барокко.

На рубеже XVII–XVIII веков на средства Григория Строганова были также возведены Казанская церковь в Устюжне, Смоленская – в селе Гордеевке, надвратный храм Рождества Иоанна Предтечи в Троице-Сергиевой лавре, Рождествен-

Сольвычегодск. Благовещенский собор. 1560–1584 годы. В подклетах собора находились кладовые и архив семьи Строгановых

Граф Александр Сергеевич Строганов с женой Екатериной Петровной и детьми Павлом и Натальей

ская церковь в Нижнем Новгороде.

В 1724 году Сергей Строганов, сын Григория Дмитриевича, заложил Спасо-Преображенский собор в Усолье. Запись об основании храма свидетельствует, что он был основан в благодарность Богу за возведение Строгановых в баронское достоинство.

Сын Сергея Григорьевича, президент Императорской Академии художеств граф Александр Строганов, был одним из инициаторов строительства Казанского собора в Санкт-Петербурге, возведенного на Невском проспекте в 1801–1811 годах. Архитектором собора стал бывший крепостной графа и его протеже Андрей Воронихин.

Из ранних памятников гражданского зодчества сохранились палаты Строгановых в Усолье, создание которых отно-

сится к эпохе Петра I. В здании прослеживаются не только многочисленные архитектурные элементы XVII столетия, но и прямые заимствования из деревянного зодчества Прикамья. В 1753–1754 годах в Санкт-Петербурге на набережной реки Мойки по проекту великого итальянца Франческо Бартоломео Растрелли возводится великолепный дворец – один из шедевров русского барокко, первым владельцем которого стал Сергей Григорьевич Строганов. Над интерьерами дворца помимо самого Растрелли трудились Андрей Воронихин, Федор Демерцов, Петр Садовников и другие крупные мастера. На рубеж XVIII–XIX веков приходится и расцвет усадебной культуры. К этому времени Строгановы строят усадебный ансамбль в Братцеве, Строгановы дачи на Яузе и на Черной речке. В 1811-м – начале 1840-х годов возводится грандиозный архитектурный комплекс в имении Марьино, включавший обширный дворец, павильоны, искусственную руину и английский сад. Другой яркий усадебный ансамбль Строгановых расположился в имении Вольшово – строительство его основной части пришлось на вторую половину XIX столетия. Именно Вольшово сделал своей резиденцией известный археолог и коллекционер, воспитатель детей императора Александра II, генерал от кавалерии Сергей Григорьевич Строганов – основатель «Школы рисования в отношении к искусствам и ремеслам».

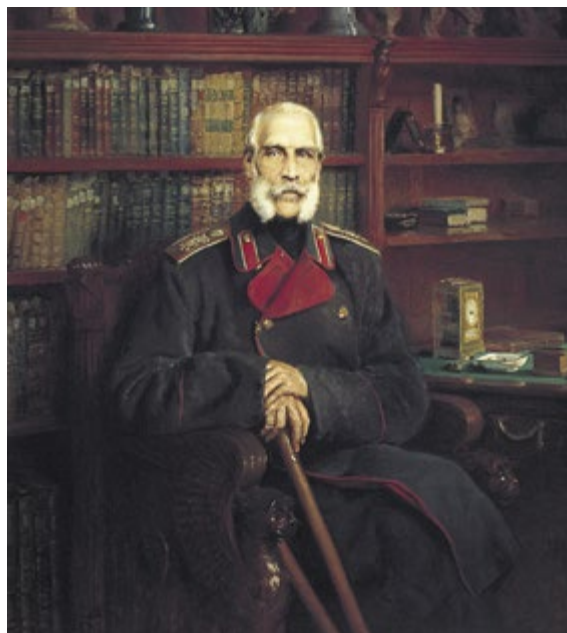
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Санкт-Петербург, Невский проспект. Строгановский дворец. Фото 1860-х годов

СТРОГАНОВКА

«Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам» была учреждена графом Строгановым в 1825 году на волне пробудившегося интереса к народным промыслам. Создание школы, рассчитанной на 360 человек, диктовалось и экономическими соображениями: развивавшемуся промышленному производству требовались специалисты в области дизайна. «Цель данного заведения, – писал Сергей Строганов, – состоит в том, чтобы молодым людям (от 10 до 16 лет), посвящающим себя разного рода ремеслам и мастерствам, доставить случай приобрести искусство рисования, без которого никакой ремесленник не в состоянии давать изделиям своим возможное совершенство». На первом этапе функционирования в школе имелись всего три специализации: черчение, геометрия и рисование машин; рисование фигур и животных; рисование цветов и украшений. Для большинства воспитанников обучение было бесплатным. Более того, сюда принимались даже дети крепостных. В 1843 году граф передает школу в государственное ведение, и она меняет название на Вторую рисовальную. Тогда же преподавательский состав начинает комплектоваться преимущественно из воспитанников самой школы.

Во второй половине XIX столетия школа, с 1860 года ставшая училищем, активно развивается: открываются новые курсы и специализации, появляются ткацкая, набивная, лепная, живописная, литографическая и керамическая мастерские. Преподавателями и

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

учениками проводится грандиозная работа по изучению средневековых памятников: делаются слепки и копии с древних образцов, рисуются эскизы. В 1870 году под руководством директора училища, Виктора Бутовского, был собран и издан альбом «История русского орнамента с X по XVI столетие по древним рукописям». Работы преподавателей и студентов Строгановки экспонировались на выставках в Вене в 1873 году и в Филадельфии в 1876-м.

В 1892 году по проекту преподавателя училища, архитектора Сергея Соловьева, специально для Строгановки перестраивается одно из зданий на улице Рождественка (сегодня в нем располагается Московский архитектурный институт). С 1901-го училищу присваивается статус Императорского. Созданные в его стенах художественные изделия имеют

К.Е. Маковский.
Портрет
графа Сергея
Григорьевича
Строганова.
1882 год

Усадьба Марьино

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ошеломительный успех на Всемирной выставке в Париже в 1900 году и на выставке в Турине в 1911-м. До революции в училище преподает целая плеяда известных художников и архитекторов: Константин Коровин, Сергей Васильков, Федор Шехтель, Федор Горностаев, Алексей Шусев и другие.

С 1918 по 1992 год училище пять раз переименовывают: одна неблагозвучная аббревиатура сменяет другую, фамилия Строгановых и вовсе перестает упоминаться. В 1957-м Строгановка переезжает в новое здание, на Волоколамском шоссе, в котором находится и по сей день. После распада СССР, в 1992 году, вместе со статусом института Строгановке вновь присваивают имя ее основателя – графа Сергея Григорьевича.

Династия Строгановых пресеклась на отставном капитане 2-го ранга графе Сергее Александровиче, внуке Сергея Григорьевича. Крестник Николая I, он также не был чужд прекрасного: любил искусство, охоту, путешествия, увлекался ландшафтным дизайном, разведением ценных пород лошадей и редких растений. Рано овдовев, он предпочел карьере жизнь богатого помещика в своей усадьбе Вольшово. Однако Сергей Строганов не забывал и семейную традицию, щедро финансируя строительство дорог, больниц и школ для крестьянских детей. После революции граф выехал за границу и в Россию не возвращался. Сергей Александрович скончался в 1923 году на своей вилле близ Ниццы и был погребен на кладбище Кокад...

А в 1992-м правнучатая племянница графа Сергея Строганова баронесса Элен де Людингаузен или, как ее называют в России, Елена Андреевна основала семейный фонд династии со штаб-квартирой в США. Сегодня, в том числе благодаря поддержке этого фонда, идет восстановление ряда возведенных Строгановыми архитектурных памятников. Но сделать предстоит еще очень много: ведь созидать красоту гораздо труднее, нежели разрушать. ■

ВЛЮБЛЕННЫЙ В КРАСОТУ

АВТОР

ЛАДА КЛОКОВА

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

«ИШЬ ТЫ! А КАКИЕ У НЕГО ВОЛЧЬИ ГЛАЗА! ВОЛК, ДА И ТОЛЬКО!» ТАК, ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ИЛЬИ РЕПИНА, ВЛАДИМИР СТАСОВ ОТОЗВАЛСЯ О МОЛОДОМ, НИКОМУ ЕЩЕ НЕ ИЗВЕСТНОМ ХУДОЖНИКЕ, ЗАТЕЯВШЕМ ГОРЯЧИЙ СПОР С МАСТИТЫМ КРИТИКОМ. СПУСТЯ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ЛЕТ СТАСОВ БУДЕТ ГРОМИТЬ В СВОИХ СТАТЬЯХ РАБОТЫ ЭТОГО САМОГО «ВОЛКА», ОДНОВРЕМЕННО ПРИЗНАВАЯ ЕГО МАСТЕРСТВО И ВИРТУОЗНОСТЬ. ВПРОЧЕМ, КАК И ДРУГИЕ КРИТИКИ И ХУДОЖНИКИ ИЗ ЛАГЕРЯ ПЕРЕДВИЖНИКОВ.

Г.И. Семирадский.
Фрина на празд-
нике Посейдона
в Элевзине

ПРОЙДЕТ ЕЩЕ НЕ-
сколько десятилетий,
и имя этого человека
будет фактически вы-
черкнуто из истории русской
живописи: в советское время о
нем изредка вспоминали толь-
ко специалисты. А ведь в кон-
це XIX века его работами восхи-
щались, его славе завидовали
живописцы, великолепные по-
лотна Генриха Семирадского,
которые покупал император
Александр III, вошли в ядро кол-
лекции Русского музея...
Казалось, творчество худож-
ника, которому рукоплескали
столицы Европы, оконча-
тельно забыто. Но в 2004 году в Тре-
тьяковской галерее прошла вы-
ставка «Пленники красоты».
Тогда многие зрители откры-
ли для себя прекрасные работы
художников-академистов кон-
ца XIX – начала XX века, в том
числе и Генриха Семирадско-
го. В нынешнем году выстав-
кой «Генрих Семирадский и ко-
лония русских художников в
Риме», посвященной 175-летне-
му юбилею мастера, порадовал
Русский музей.

ПОЛЬСКИЙ ВОЛК

В небольшом военном поселе-
нии Новобелгород, неподале-
ку от Харькова, в семье отстав-
ного военного врача Ипполита
Семирадского 24 (12) октября
1843 года родился сын. Мальчи-
ка назвали Генрихом.
Семирадские, в 1857 году пе-
ребравшиеся в Харьков, жили
небогато. В семье говорили на
польском и русском, испове-
довали католичество. Генриху,
с детства увлекавшемуся рисо-
ванием, повезло: в то время,
когда он учился во 2-й харьков-
ской гимназии, в ней препода-
вал Дмитрий Безперчий – уче-
ник Карла Брюллова. Он и стал
первым учителем мальчика. Ро-
дители не видели ничего дур-
ного в увлечении сына, однако
настояли на том, чтобы он при-
обрел «настоящую профессию» –
карьера художника всерьез ими
не рассматривалась. Так что в
1860-м Генрих поступил на фи-
зико-математический факультет

естественного отделения Харьковского университета. Учился он прилежно и в 1864 году, защитив диссертацию «Об инстинктах насекомых», получил степень кандидата физико-математических наук. Но надежды родителей на то, что сын станет ученым, рассыпались в прах, когда Генрих заявил, что уезжает в Санкт-Петербург – поступать в Академию художеств. Не помогли ни запреты отца, ни слезы матери. В сентябре 1864 года новоиспеченный кандидат наук отправился в путь.

Сначала он прибыл в Москву. Город очаровал Семирадского: он любовался Кремлем, церквями, Большим театром, после первого же посещения которого превратился в пламенного балетомана. Не преминул он посмотреть и на картину Александра Иванова «Явление Христа народу», которая в тот момент выставилась в Пашковом доме и о которой гудела вся Москва. Картина Семирадскому не понравилась, он посчитал ее слишком рациональной, написанной под «немецким влиянием».

Насколько очаровала Семирадского Москва, настолько не понравился ему Петербург. Столица казалась ему холодной и неудобной. От хандры молодого поляка спасали лекции в академии, посещение балетных постановок, постоянные походы в Эрмитаж и любование «Последним днем Помпеи» Брюллова – эта картина приводила Генриха в восторг.

В Академии художеств дела у Семирадского шли прекрасно: уже в 1865 году он получил Малую серебряную медаль за эскиз «Ангел смерти избивает всех первенцев Египта». В 1866 году на экзамене ему присудили две серебряные медали, а еще через два года совет академии единогласно отдал ему Малую золотую медаль за «Диогена, разбивающего чашу».

Работы Семирадского ценили не только преподаватели, ими восхищались и студенты академии, в том числе и будущий известный художник Илья Репин – один из немногих, с кем

Г.И. Семирадский.
Автопортрет

у замкнутого и необщительного Генриха сложились дружеские отношения. Репин был его земляком, и, возможно, это обстоятельство сблизило их. Кстати, Илья Ефимович в своих мемуарах вспоминал, что однокурсников поражала эрудиция Семирадского, его знание истории Древнего мира и искусства, его познания в естественных науках. Опять же, благодаря мемуарам Репина, нам известно и о первом серьезном столкновении Генриха Семирадского и Владимира Стасова, которое в будущем перерастет почти в открытую травлю художника.

13 сентября 1869 года студенты академии собрались на квартире у своего товарища, скульптора Марка Антокольского, который предупредил их о том, что ожидает в гости самого Стасова. «Мы сидели в ожидании «страшного» критика Стасова, – пишет Репин, – и тихонько разговаривали о нем. <...> Иногда кто-нибудь вспоминал громкую фразу из статьи Стасова об Академии, и тогда Семирадский, выпрямляясь во весь рост, начинал шагать по комнате, сверкая серыми выпуклыми глазами.

<...> Семирадский уже горел нетерпением сразиться с критиком. <...> Владимир Васильевич <...> начал без удержу поносить всех этих Юпитеров, Аполлонов и Юнон – черт бы их побрал! – эту фальшь, эти выдумки, которых никогда в жизни не было. Семирадский почувствовал себя на экзамене из любимого предмета, к которому он только что прекрасно подготовился.

– Я в первый раз слышу, – заговорил он с иронией, – что созданиям человеческого гения, который творит из области высшего мира – своей души, предпочитаются обыденные явления повседневной жизни. Это значит творчеству вы предпочитаете копии с натуры – повседневной пошлости житейской?» Противники так разгорячились, что перешли на крик. «Стасов разносил отжившую классику, – продолжает Репин. – Кричал, что бесплодно тратятся лучшие молодые силы на обезьянью дрессировку: что нам подделываться под то древнее искусство, которое свое сказало, и продолжать его, работать в его духе – бессмысленно и бесплодно. <...> У нас свои национальные задачи, надо уметь видеть свою жизнь и представлять то, что еще никогда не было представлено. <...>

Семирадский с красивым пафосом отстаивал значение красоты в искусствах; кричал, что повседневная пошлость и в жизни надоела. Безобразие форм, представляющее только сплошные аномалии природы, эти уродства просто невыносимы для развитого эстетического глаза. И что будет, ежели художники станут заваливать нас кругом картинами житейского ничтожества и безобразия! Ведь это так легко! Валяя сплеча, что видит глаз, только бы позабористей да почудней».

Вот после этой дискуссии Стасов и назвал Семирадского «волком». «Во все время продолжения этого спора мы были на стороне Семирадского, – вспоминает Репин. – Это был наш товарищ, постоянно получавший по ком-

позициям первые номера. И теперь с какой смелостью и как красиво оспаривал он знаменитого литератора!» Любопытно, что уже вскоре Репин примкнет к тем, кто будет жестко критиковать Семирадского...

В 1870-м совет Академии художеств единогласно присудил Семирадскому Большую золотую медаль за работу «Доверие Александра Македонского врачу Филиппу», что давало ему право за казенный счет отправиться на обучение за границу на шесть лет.

РОМАН С РИМОМ

В 70-е годы XIX века многие пенсионеры Академии художеств выбирали для продолжения обучения Париж. Но Семирадский решил отправиться в Италию. Его путь пролегал через Мюнхен, где он хотел ознакомиться с работами представителей немецкой школы академизма. В Германию он прибыл в 1871 году и привез с собой эскизы своей первой картины – «Римской оргии блестящих времен цезаризма», написанной по мотивам романа Петрония Арбитра «Сатирикон».

Приезжавшие на учебу в Рим художники предпочитали селиться поблизости от площади Испании

В Мюнхене он и закончил ее. Картина экспонировалась на выставке Академии художеств и была куплена за 2 тысячи рублей наследником российского престола Александром Александровичем, который впоследствии приобретет несколько «капитальных» работ Семирадского. Деньги, вырученные за «Оргию», пришлось весьма кстати: русские художники, обучавшиеся за границей, не раз сетовали на скудость академического пенсионера.

Из Мюнхена Семирадский отправился во Флоренцию, где собирался провести годы учебы. А затем поехал посмотреть Рим. И не смог устоять. Вечный город пленил художника сразу и навсегда, он прожил здесь большую часть своей жизни. Семирадский был страстно увлечен историей и искусством Древнего Рима, разве мог он не влюбиться в Колизей, в руины республиканского Форума и Палатина, в Пантеон, где покоится великий Рафаэль? А Капитолий? А древние римские церкви? Вот они – немые свидетели тех историй, которыми он зачитывался!

Он снял мастерскую на тихой улочке Маргутта, что идет парал-

Виа Маргутта. На этой тихой улочке Семирадский снял мастерскую, где работал до 1883 года

лельно шумной и веселой Бабуино. Выбор был не случаен. До площади Испании – два шага. Здесь, на Испанской лестнице, черноглазые римлянки торговали свежими цветами, вокруг знаменитого фонтана Бернини «Баркачча» собирались натурщики из пригородов, которых нанимали живописцы.

А отсюда было рукой подать до кафе «Греко» на виа Кондотти (оно существует и по сей день. – **Прим. авт.**), где по вечерам собирались русские художники. Некоторые из них, попав в Рим, превращались в шалопаев и бездельников: тому немало способствовали местная богемная жизнь, больше похожая на бесконечный праздник, и щедрое итальянское солнце, мгновенно пленявшее выходцев с севера. Но к Семирадскому это не относилось.

Он много работал, постоянно ходил по музеям, галереям и церквям, где изучал работы Караваджо, Микеланджело, Каваллини, Рафаэля, Карраччи, Филиппо Липпи... По вечерам Семирадский и его друг и сокурсник Павел Ковалевский любили гулять в садах Пинчо и Боргезе. Но и здесь Семирадский часто останавливался, чтобы что-нибудь зарисовать.

КРАСОТА ПРОТИВ ПРАВДЫ

Волну критики передвижников вызвала новая большая работа Семирадского – картина «Грешница», заказанная художнику великим князем Владимиром Александровичем. Она была написана не по мотивам известного евангельского сюжета, а по сюжету весьма популярной в те годы поэмы Алексея Толстого «Грешница». Во время пира прекрасная молодая блудница слышит разговор о Христе и заявляет, что ее не смутит никакой мессия. Но когда Иисус появляется перед ней и, не говоря ни слова, смотрит ей в глаза, женщина раскаивается и духовно перерождается: «Бледнеет грешница младая, // Дрожат открытые уста, // И пала ниц она, рыдая, // Перед святынею Христа». Семирадский закончил картину в 1873 году, она была выставлена в Петербурге и произвела настоящий фурор. Посетители шли толпами, чтобы увидеть работу «нового Брюллова». Восторженная публика пела дифирамбы художнику. Картину приобрел в итоге не заказчик, а наследник престола Александр Александрович. Передвижники были

в ярости. Масла в огонь подлил и успех картины на Всемирной выставке в Вене, где Семирадскому была присуждена золотая медаль «За искусство». Вокруг полотна разгорелись баталии. Стасов назвал «Грешницу» «трескучей декорацией», Крамской заявлял, что образы апостолов и Христа неубедительны. Но все при этом признавали мастерство художника.

Как повел себя Семирадский? Проигнорировал всю эту шумиху. Он не вступал в полемику, не публиковал статей и не обращал внимания на нападки. Задевала ли его эта критика? Да, он реагировал на нее болезненно, о чем свидетельствуют его письма конференц-секретарю Академии художеств Петру Исееву, которые упоминает в своей книге «Генрих Семирадский» Татьяна Карпова. Но при этом художник в одном из них делает весьма интересное замечание: «...побольше терпимости, побольше разнообразия в направлениях, и Академия приобретет громадное значение, и под влиянием школы каждое из этих направлений окрепнет и будет серьезным, а искусство

По вечерам Генрих Семирадский любил гулять в садах Пинчо, с террасы которых открывается замечательный вид на Рим

настоящего времени – это искусство разностороннее...»

Под «направлениями» Семирадский подразумевал в первую очередь два враждующих течения – академизм и реализм, граничащий с натурализмом, к которому призывали передвижники. Они презрительно называли академистов «беспечальными художниками», а последние с сарказмом именовали оппонентов «грязистами».

«Красота и правда. Вокруг этих понятий велась основная полемика в художественной среде, –

пишет Татьяна Карпова. – Если на знаменах мастеров демократического реализма было написано «правда», то на знаменах академистов – «красота».

Ситуация усугубилась после того, как в 1876 году Семирадский завершил одну из своих главных картин – «Светочи христианства» («Факелы Нерона»), взяв за основу описанную Тацитом казнь христиан императором Нероном, обвинившим приверженцев новой веры в поджоге Рима. Над этим огромным полотном (385х704 см)

Г.И. Семирадский. Грешница. Передвижники встретили эту картину художника в штыки

Картину «Светочи христианства» Семирадский подарил Кракову – для Национального музея искусств

художник работал четыре года. Картина поражала масштабами, детальностью и филигранностью работы – на ней изображено более ста фигур! «Из русских художников, быть может, никто лучше Ковалевского не знал Семирадского, талантливого поляка, на шумевшего на всю Европу своей картиной «Светочи христианства», – писал в своих мемуарах Михаил Нестеров. – Никто не знал, как работал автор «Светочей» в Риме, с каким усердием он собирал всюду и везде материал к своей картине. На вечерних прогулках по Пинчо с Ковалевским Семирадский неожиданно останавливался, раскрывал небольшую походную шкатулку, бросал на какой-нибудь осколок старого мрамора цветной лоскуток шелка или ставил металлическую безделушку и заносил в свой этюдник, наблюдая, как вечерний свет падает на предметы. Он был тонким наблюдателем красочных эффектов и великим тружеником. Этот гордый, замкнутый человек, с огромным характером и умный, не полагался только на свой талант, работал в Риме, не покладая рук...».

Картина стала знаменита еще до того, как Семирадский закончил ее: его мастерская в Риме стала местом паломничества желающих увидеть это чудо. Готовое полотно художник представил в римской Академии Святого Луки, ученики которой возложили на его голову лавровый венок. Картина выставлялась в Мюнхене, Вене, Париже, где Семирадскому вручили орден Почетного легиона. Он был избран членом академий изящных искусств в Риме, Стокгольме и Берлине, флорентийская галерея Уффици предложила ему написать свой автопортрет. К Семирадскому пришла европейская слава и признание. Интересно, что польский писатель Генрик Сенкевич, безусловно, видевший «Светочей христианства», встречался с Семирадским в Риме: именно художник отвел соотечественника в маленькую церковку на Аппиевой дороге – Санта-Мария-ин-Пальмис, более известную как

Domine Quo Vadis? (Камю грядеши, Господи?). По преданию, на этом месте бежавший из Рима апостол Петр увидел Христа и спросил Его: «Куда ты идешь, Господи?» «Иду в Рим на второе распятие», – услышал он в ответ и, устыдившись, вернулся в Вечный город, где принял мученическую смерть на кресте. Надо ли напоминать, что свою Нобелевскую премию по литературе Генрик Сенкевич получил за роман «Камю грядеши», рассказывающий о противостоянии Нерона и христиан?

В России же с картиной повторился уже знакомый сценарий: публика ломилась на выставку в 1877 году, чтобы увидеть «Светочей», академия присвоила Семирадскому звание профессора, а передвижники ругали картину на чем свет стоит. Правда, на сей раз критикой они не ограничились. Крамской написал письмо близкому ко двору художнику Алексею Боголюбову (он сопровождал

наследника трона в путешествии по России и приобрел на него некоторое влияние. – Прим. авт.) с просьбой отговорить царскую фамилию от покупки картины. «Несмотря на это, будущий император Александр III, – рассказывает ведущий научный сотрудник отдела живописи второй половины XIX – XXI веков Русского музея, куратор выставки «Генрих Семирадский и колония русских художников в Риме» Павел Климов, – увидев на выставке «Светочей Нерона», подошел к Семирадскому, крепко пожал ему руку и сказал, что гордится тем, что в России есть такой художник». Однако окрыленный успехом Семирадский назначил за полотно несусветную по тем временам цену – 40 тысяч рублей. И хотя позже он снизил ее до 30 тысяч, дело было проиграно: продать полотно Семирадский не смог. В 1879 году раздосадованный художник подарил «Светочей христианства»

Г.И. Семирадский.
Женщина или ваза
(Сложный выбор)

В римской церкви
Санта-Мария-ин-Пальмис,
что на Аппиевой дороге,
установлен бюст Генрика
Сенкевича

Кракову – для Национального музея искусств...

«Поведение передвижников в случае со «Светочами» можно назвать типичным интриганством, замаскированным возвышенными целями, – говорит Павел Климов. – Правда, как аукнется, так и откликнется. Анекдот заключается в том, что в 1878 году передвижники после неимоверных усилий смогли устроить визит на свою выставку императора Александра II. Его водили по экспозиции, рассказывали о том, как замечательное демократическое искусство идет в гору, надеясь, что самодержец приобретет несколько полотен. А царь, походив по выставке, купил «Русалок» Маковского – совершенно салонную вещь своего любимого художника. Передвижники потерпели фиаско».

После истории со «Светочами» Семирадский принимает решение остаться в Риме навсегда. Его известность принесла ему

безбедное существование, его картины хорошо раскупались, на виа Гаэта он построил себе виллу с двухэтажной светлой мастерской. Здесь он жил довольно замкнуто с женой (в 1873 году он женился на своей кузине Марии Прушиньской. – **Прим. авт.**) и тремя детьми.

Ведущий научный сотрудник отдела живописи второй половины XIX – XXI веков Русского музея Павел Климов

НЕСГИБАЕМЫЙ ЧЕРТОПОЛОХ

Искреннее восхищение красотой в любых ее проявлениях – вот что отличает картины Генриха Семирадского. Раз увидев, их трудно забыть.

«Особенность Семирадского как художника в том, что он ушел от темных музейных тонов, – подчеркивает Павел Климов. – Большинство его работ – это сцены на фоне пейзажей. И каких пейзажей! В некоторых его картинах пейзажи играют едва ли не главную роль».

Удивительный солнечный свет и умиротворенность – это «Христос у Марфы и Марии». «Опасный урок» – потрясающая гармония света и тени. Даже от мрачной «Оргии времен Тиберия на острове Капри» трудно отвести взгляд. Не говоря уж о знаменитом «Танце среди мечей» – настоящем шедевре, напоминающем о любви художника к балету...

Живя в Риме, Семирадский по-прежнему не обращал внимания

на критику недругов, находя утешение в любви публики и в новых работах. В 1877–1878 годах он получил большой заказ: написать четыре композиции из жития святого Александра Невского, запрестольный образ «Тайная вечеря», а также композиции «Крещение Господне» и «Въезд Иисуса Христа в Иерусалим» для храма Христа Спасителя в Москве. Одобрения от коллег художник не ждал, однако побывавший в храме Христа Спасителя Репин признал, что живопись Семирадского там – «единственный оазис».

«Это была своего рода компенсация за «Светочей христианства». Наследник престола Александр Александрович – будущий император Александр III – и его брат, президент Императорской Академии художеств великий князь Владимир Александрович покровительствовали Семирадскому, – объясняет Павел Климов. – А скандальность, нагнетаемая критиками, добавляла интереса картинам художника. Публике они очень нравились. Да и сам факт противостояния Семирадского передвижникам был любопытен, общественность в 1880-е

годы внимательно наблюдала за этим процессом. Получалось, что Семирадский шел против основного тренда в искусстве, который, как считалось, поддерживал сам император. Правда, все было не так просто. Да, Александр III покупал картины передвижников. Да, он призвал их преподавать в Академию художеств. Но если посмотреть опись его личной коллекции живописи в Аничковом дворце, то можно заметить, что картин передвижников там фактически нет, в ней были представлены в основном мастера академической живописи. То есть смотреть на лапти и зипуны в дворцовых залах царю совершенно не хотелось. Зато Семирадского он оценил сразу». Следующий большой заказ – картины «Похороны руса в Бугаре» и «Тризна дружинников Святослава после боя под Дорогомилом», написанные для залов Исторического музея в Москве. Как обычно, Семирадский предельно серьезно отнесся к деталям: по его просьбе из музея в Рим посылались зарисовки оружия, украшений и орнаментов для воссоздания духа эпохи. Надо

ли говорить, что и эти работы художника были раскритикованы? Теперь коллеги Семирадского заявляли, что живущий в Риме «космополит-поляк» при всем желании не может передать дух русской истории...

Свое очередное большое полотно, «Фрина на празднике Посейдона в Элевзине» (390х763,5 см), художник завершил к 1889 году – к Всемирной выставке в Париже. Причем ради изображения достоверного пейзажа Семирадский даже отправился в греческий Элевсин. Выбор сюжета был явно не случаен: живописец хотел перенести на полотно одну из самых очаровательных историй Эллады, в очередной раз воспеть совершенную красоту, столь ценившуюся в античности. Фрина была известной гетерой, по легенде, соперничавшей красотой с Еленой Прекрасной. Это с нее великий Пракситель изваял Афродиту Книдскую, за что Фрина была обвинена в святотатстве – смертная не могла послужить моделью для создания скульптуры богини! – и привлечена к суду. Фрина сбросила свои одежды перед судьями и те, ослепленные ее

Г.И. Семирадский.
Христос у Марфы
и Марии

Г.И. Семирадский.
Танец среди
мечей

красотой, оправдали ее в соответствии с принципом античной этики – калокагатии: прекрасное и красивое не может быть плохим и злым. Античные авторы сообщают, что Фрина, несмотря на свое занятие, была довольно стыдлива и обнажалась лишь во время мистерий, воздавая почести богам и богиням своей красотой. Именно этот момент и изобразил Семирадский на своем полотне.

«Фрина на празднике Посейдона в Элевзине» была с восторгом принята в Европе, Семирадский стал членом Туринской академии и членом-корреспондентом Французской академии изящных искусств. А в Петербургской Академии художеств в 1889 году организовали персональную выставку художника, на которой «Фрина» стала «гвоздем программы». Число посетителей экспозиции превысило 30 тысяч человек! Прямо на выставке картина была куплена Александром III, который именно тогда впервые высказал намерение создать в Петербурге музей русского искусства. Это вызвало вполне ожидаемый взрыв негодования в среде «реалистов», а один из основате-

лей «Товарищества передвижных художественных выставок», Григорий Мясоедов, в письме к Стасову возмущенно вопрошал: «Разве это русская картина?» Он же награбил Семирадского новым прозвищем – «чертополох». Семирадский по-прежнему внешне с завидным хладнокровием воспринимал бесконечные упрёки и критику «реалистов». Он не изменил своей любви к красоте и продолжал писать милые сердцу «античные идиллии», которые до сих пор ценятся антикварами и коллекционерами живописи. Его волшебной красоты пейзажи, на фоне которых разворачиваются бытовые и исторические сюжеты, завораживают и сегодня. Его самые известные полотна поражают тщательностью проработки деталей и выверенной композицией. И пусть они далеки от правды жизни, но чего бы стоила наша жизнь, если бы в ней не было красоты?

...В ноябре 1901 года, незадолго до смерти, художник приехал в Москву, чтобы осмотреть свою «Тайную вечерю» в храме Христа Спасителя: фреска, написанная

масляными красками по штукатурке, пострадала от сырости. Семирадский предложил переписать образ, но не успел этого сделать. Он скончался в августе 1902 года в своем польском имении Стржалков и был похоронен на варшавском кладбище. В 1903 году его прах был перенесен в краковский костел «На скалке» – некрополь деятелей польской культуры.

Последняя картина Семирадского – «Христос, обучающий детей» – осталась незаконченной...

Храм Христа Спасителя, в котором можно было увидеть фрески Генриха Семирадского, был взорван в 1931 году. Чудом уцелели фрагменты написанного им образа «Тайная вечеря», выставленные в Патриаршем музее церковного искусства, а также композиция «Благоверный князь Александр Невский принимает папских легатов», которая экспонируется в Государственном Историческом музее.

Вилла на виа Газта в Риме, где жил Семирадский, была снесена. Сейчас часть территории, на которой она располагалась, занимает посольство Российской Федерации в Италии. ■

ЧУДАКОВАТЫЙ С РОМАНИСТ

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ПЛОДОВИТЫЙ КОМЕДИОГРАФ И ПИСАТЕЛЬ ОДНОЙ КНИГИ, МИЛЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК И ДРЕМУЧИЙ КОНСЕРВАТОР, ВЕЧНЫЙ ТРУЖЕНИК И АВТОР КАЗЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ – ВСЕ ЭТО МИХАИЛ ЗАГОСКИН, АВТОР ПЕРВОГО РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА.

Михаил
Николаевич
Загоскин.
Портрет работы
художника
В.А. Тропинина.
Конец 1830-х –
начало 1840-х
годов

ОВРЕМЕННИКИ ЗАПOMНИЛИ его добрым, недалеким, благодушным. Глубоко верующим и искренне старающимся быть христианином – вплоть до того, что, когда случалось ему сказать про кого-то за глаза дурное, он потом находил человека, просил у него прощения и старался сделать ему что-то хорошее.

ХОРОШИЙ МАЛЬЧИК

Загоскины вели свой род от выходца из Золотой Орды Захара Загоски (Шевкала Зазоры), поступившего в XV веке на службу к великому князю Московскому Ивану III.

Отец писателя вел жизнь обычного небогатого помещика, но, как пишет биограф писателя Юрий Беляев, был личностью оригинальной: «После бурно проведенной в Петербурге молодости он впал в благочестие и около года провел в Саровской пустыни, живя в келье знаменитого старца Серафима Саровского». Монахи отговорили его от пострига. Он женился и обзавелся многочисленным потомством: в семье было семеро мальчиков и две девочки.

Михаил родился 14 июля 1789 года (здесь и далее даты даны по старому стилю. – Прим. ред.). Его не истязали излишней учебой, однако мальчик рано пристрастился к чтению. Но читать вволю ему не позволяли: зрение у него с детства было слабым. Он нашел способ читать сколько хочется: прятался в отцовском кабинете за ширмой, когда отец там работал, а когда отец уходил – читал. Разумеется, родитель скоро застал его за этим занятием, растрогался и стал сам давать ему книги из библиотеки. От младшего брата, который мешал ему читать, Михаил откупался изюмом, который любил мирно поедать за чтением на диване. Впрочем, если брат продолжал приставать, Миша мог вспылить и оттащить его за волосы.

Вспыльчивым он был всю жизнь, но отходил от гнева бы-

стро, просил прощения у тех, кого обидел. Сергей Аксаков, написавший биографию Загоскина, сообщает, что в детстве Миша не проказничал, а был богомолен и любил ходить в церковь. Кажется, он уже в детстве был таким, каким запомнился современникам позже – небольшим, толстеньким, в очках, добродушным острословом, не очень грамотным, но очень усидчивым и старательным.

Писать он начал рано. В детстве, пишет Аксаков, он написал силлабическими рифмованными стихами трагедию «Леон и Зыдея». Была еще повесть «Пустынник», в предисловии к которой Михаил просил читателей «быть снисходительными к его сочинению, приняв в уважение, что автор повести одиннадцатилетний юноша». Отец показывал творения сына друзьям и родным – те даже не верили, что автор действительно «одиннадцатилетний юноша».

В отцовском имении Рамзай под Пензой Загоскин провел первые тринадцать лет жизни. Затем его отправили в Петербург – служить. Филипп Вигель, его троюродный брат, сопровождавший мальчика в Петербург, вспоминал: «...уже по тогдашнему обычаю его готовили на службу, хотя учение его не только не было кончено, мне кажется, даже не было начато. Имя Миши, коим звали его, было ему весьма прилично; дюжий и неуклюжий, как медвежонок, имел он довольно суровое, но свежее и красивое личико».

ГУБЕРНСКИЙ СЕКРЕТАРЬ

Службу Миша Загоскин начал с чиновничьих низов: канцеляристом – сначала у государственного казначея Голубцова, потом в Горном департаменте, затем в Государственном заемном банке. Жалованье его составляло 100 рублей в год, еще 300 рублей ассигнациями присылал отец. Через девять лет Загоскин едва дослужился до чина губернского секретаря, двенадцатого из четырнадцати в Табели о рангах, и работал помощником сто-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859), писатель, общественный деятель, литературный и театальный критик, мемуарист, автор биографии М.Н. Загоскина

Сражение у Полоцка 18 августа 1812 года. Гравюра Д. Ругендаса. 1810-е годы

лональщика. Все это время он усердно занимался самообразованием и научился говорить по-немецки и по-французски. Он очень нуждался и, как пишет Аксаков, «нередко находился в совершенной крайности вместе со своим верным дядькой и слугой, Прохором Кондратьичем, которого вывел впоследствии в романе «Мирошев». Рассказывают, что в одну холодную зиму, не имея денег на дрова, Загоскин топил печь стульями.

Когда началась Отечественная война, молодой канцелярист немедленно записался в петербургское ополчение и оказался в корпусе графа Витгенштейна. «...В сражении под Полоцком он был ранен в ногу и получил за

храбрость орден Анны 3-й степени на шпагу. По излечении раны он возвратился к своему полку и по желанию графа Левиса был назначен к нему адъютантом; в этой должности находился он до сдачи Данцига, то есть до окончания войны», – рассказывает Аксаков. Он упоминает, что Загоскин был мастер рассказывать смешные байки о столкновениях с немцами во время осады Данцига; некоторые эпизоды писатель позже включил в свой роман «Рославлев, или Русские в 1812 году».

Выйдя в отставку, Михаил недолго погостил в родном Рамзае, а потом вернулся в Петербург, на прежнее место столоначальника в Департаменте горных и соляных дел.

КОМЕДИЙ ШУМНЫЙ РОЙ

Отдыхая в Рамзае, Загоскин взялся за перо. Комедию «Проказник», написанную в отцовском имении, он показывал друзьям, те хвалили. Но он не верил, сомневался в себе и решил показать ее настоящему драматургу. Главным комедиографом России в это время был князь Александр Шаховской. К тому же он работал в репертуарном комитете Петербургской дирекции императорских театров, и от него зависело, какие пьесы будут поставлены на столичной сцене. Помощник Шаховского в Дирекции театров Петр Корсаков, давний приятель Загоскина, познакомил начинающего драматурга с

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

маститым. Сергей Аксаков рассказывает куда более занимательную, но никакими другими источниками не подтвержденную версию. Дескать, робкий Загоскин послал Шаховскому пьесу с письмом, где просил ее вернуть, если не понравится, человеку, который за ней придет. Но пьеса понравилась, Шаховской передал автору письмо, где звал к себе знакомиться. Загоскин явился знакомиться спустя два часа. «Проказник» был поставлен, выдержал два представления в декабре 1815 года и был снят со сцены.

Знакомство с Шаховским втянуло Загоскина в самый центр литературной полемики между архаистами и карамзинистами. Как раз в это время прошла премьера комедии Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам», которая вызвала негодование молодых литераторов карамзинского направления тем, что в ней в образе поэта Фиалкина был выведен Василий Жуковский. Именно с «Липецких вод» началось противостояние «Арзамаса» и «Беседы». Арзамасцы критиковали Шаховского. Загоскин поспешил броситься в защиту своего благодетеля – и уже через месяц после триумфального успеха «Липецких вод» представил в цензуру свою «Комедию против комедии, или Урок волокитам». Образцом для нее Загоскину послужила мольеровская «Критика «Школы жен»: главное, ради чего комедия была написана, не счастливое соединение влюбленных, а разговор персонажей о «Липецких водах», в котором Шаховского, кстати, именуют «русским Мольером». Комедия была очень скоро поставлена и имела большой успех. И ее зрители, и современные нам исследователи полагали, что к ней приложил руку сам Шаховской. Дмитрий Иванов, изучивший рукопись «Урока волокитам», сообщает, что первые две с половиной страницы рукописи написаны рукой Шаховского, остальной текст содержит его пометки.

М.Н. Загоскин.
Гравированный
портрет
из журнала
«Нива»

Это странное сотрудничество оказалось выгодным для обоих: Шаховской нанес удар по своим литературным противникам, Загоскин прошел короткую стажировку у крупнейшего комедиографа и триумфально дебютировал на сцене («Проказник» был поставлен позже). А кроме того, Шаховской ввел его в круг державинской «Беседы» и в 1817 году устроил в Дирекцию императорских театров. В том же, 1817 году была поставлена новая комедия Загоскина, «Господин Богатов, или Провинциал в столице», также имевшая шумный успех. Комедия была написана по всем правилам классицизма. Как замечал Аксаков, «некоторых сцен и теперь нельзя прочесть без смеха, а живая че-

Князь Александр
Александрович
Шаховской
(1777–1846),
драматург
и театральный
деятель

ловеческая речь слышна у всех, даже иногда у добродетельных людей». Еще одна комедия, «Вечеринка ученых», была поставлена осенью 1817 года. Суть всех загоскинских комедий Аксаков пересказывает так: «...везде надобно женить доброго человека на хорошей девушке, везде есть тетушка или сестра, несогласная на этот брак, везде есть друг, дядя или брат, ему покровительствующий, везде изобличают жениха негодяя, всегда графа или князя, и отдают невесту доброму человеку, ею любимому».

ШЕСТИСТОПНЫМ ЯМБОМ, С ПРОКЛЯТЫМИ РИФМАМИ!

В мае 1816 года Загоскин покинул Горный департамент и женился на красавице Анне Васильцовской, внебрачной дочери бригадира Дмитрия Новосильцева. Отец был против ее брака с безвестным и небогатым Загоскиным, но дочь настояла на своем. Отец Михаила Николаевича при этом нашел для него невесту в Пензенской губернии, так что жениху тоже пришлось пойти против родительской воли.

В 1817 году Загоскин издавал вместе с Петром Корсаковым журнал «Северный наблюдатель». В 1818-м перешел из театра на службу в недавно открытую Публичную библиотеку под начало Алексея Оленина. Там работали Иван Крылов и Николай Гнедич, с обоими Загоскин подружился. Аксаков рассказывает: «Он принимал деятельное участие в приведении библиотеки в порядок и в составлении каталога русских книг, за что через два года был награжден орденом Анны 3-й степени. В непродолжительном времени, и именно 5 июля 1820 года, он оставил службу и должность штатного помощника и был переименован в прежнее звание почетного библиотекаря». Все это время Загоскин продолжал писать комедии.

В 1820 году Дмитрий Новосильцев собрался переезжать в Москву и предложил дочери

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ющий чин, коллежского асессора, ему, не получившему никакого формального образования, нужно было выдержать экзамены. Загоскин полтора года готовился, даже выучил наизусть римское право. Экзамены он сдал блестяще, следующий чин получил. И написал новую комедию – «Благородный театр».

Но все чаще он задумывался о романе из русской истории: романист не скован театральными условностями, «противоестественными законами» классицизма – по свидетельству Аксакова, все это он называл кандалами, «которые носит сочинитель, пишущий комедию, да еще шестистопными стихами, с проклятыми рифмами». Роман же он считал «открытым полем, где могло свободно разгуляться воображение писателя».

РУССКИЙ ВАЛЬТЕР СКОТТ

Роман был задуман исторический. Интерес к историческим романам в обществе был колоссальным. Европа зачитывалась Вальтером Скоттом. А в России национальный подъем после Отечественной войны обострил интерес общества к собственной истории – читающая публика ожидала «русского Вальтера Скотта». Первые исторические повести уже были опубликованы, но именно Загоскину было суждено стать автором первого русского исторического романа. На полтора года он погрузился в изучение исторических источников; друзьям казалось, что он существует более в XVII веке, нежели в XIX. Роман «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» вышел в свет в конце 1829 года и был восторженно принят читателями, Белинский назвал его «первым хорошим русским романом». «Милославского» перевели на шесть языков, Вальтер Скотт написал Загоскину письмо с похвалами. Жуковский говорил, что читал роман всю ночь и не мог оторваться. Пушкин прислал Загоскину дружеское письмо, а по-

с мужем последовать за ним и поселиться в его доме. Загоскин оставил службу и отправился в Москву. Первые два года московской жизни Загоскин писал комедии. Театры охотно брали их в репертуар: публика их любила, и шли они с большим успехом.

В 1821 году Загоскин начал писать стихи. Обычно бывает иначе: поэты, взрослая, берутся за прозу. Загоскин, однако, никакого понятия о стихосложении не имел. Аксаков рассказывает, что он, обидевшись на друзей, которые в споре отказали ему в праве судить о стихах, поскольку он в них ничего не понимает, решил изучить стихосложение, засел за труды – «через два месяца прочел прекрасное, довольно длинное послание к Н.И. Гнедичу, написанное шестистопными ямбами с рифмами. Оно стоило Загоскину невероятных трудов: не имея уха, каждый стих он разделял черточками на слоги и стопы, и над каждым слогом ставил ударение; в иной день ему не удавалось выковать более четырех стихов, и из такой египетской, тяжелой работы стихи вышли легки, свежи, звучны и естественны!». После этого он уже стал вставлять стихотворные фрагменты в свои комедии, а «Урок холостым» весь написал стихами – живыми и бойкими.

С 1822 года Загоскин служил чиновником особых поручений при московском военном генерал-губернаторе с исправлением должности экспедитора по театральному отделению: в Москве не было дирекции театра, а была только контора в непосредственном подчинении генерал-губернатора, князя Голицына, который, по словам Аксакова, ценил и любил Загоскина. Через год, когда была создана дирекция Московского театра, Загоскин стал в ней членом по хозяйственной части. Эта служба отнимала у него почти все время – на пять лет он перестал писать и печататься. А продвижения в чинах не давала: он так и оставался титулярным советником. Для того чтобы получить следу-

Угол Большого Власьевского и Гагаринского переулков в Москве. Здесь у церкви Власия в доме своего тестя Д.А. Новосильцева в 1820-е годы жил М.Н. Загоскин. Фото начала XX века

Санкт-Петербург. Императорская Публичная библиотека. Один из залов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

том обыграл некоторые его находки в своей «Капитанской дочке». Теперь читатели «Юрия Милославского» с изумлением обнаруживают в начале романа со школы еще памятную сцену: молодой человек со своим слугой теряет дорогу в бурю и встречается с бродягой, который потом спасает ему жизнь. Подзаголовок романа – «Русские в 1612 году» – обозначает тему, которая более всего беспокоила Загоскина: кто мы – русские? Загоскин был очень близок по своим воззрениям к архаистам из державинской «Беседы» – и так же, как они, высмеивал в комедиях пристрастие ко всему иностранному, ратовал за национальное, как и его друг Крылов в «Уроке дочкам» и, собственно, как Грибоедов в «Горе от ума». Впрочем, в «Горе от ума» к Загоскину куда ближе Фамусов, нежели Чацкий.

Следующие исторические романы Загоскина уже не имели такого успеха. Белинский писал про «Юрия Милославского», что роман не историчен, что его герои «ужасно неудачны», но при всем этом «он был первая попытка на русский исторический роман; сверх того, в нем много теплоты и добродушия, которые сделали его живым и одушевленным; рассказ легкий, льющийся, увлекательный: ничему не верите, а читаете, словно «Тысячу и одну ночь».

«АХ», – ВСПЛЕСНУВ РУКАМИ

Роман «Рославлев, или Русские в 1812 году», вышедший в 1831-м, читающая публика ожидала с нетерпением. И была разочарована. Может быть, потому, что память о войне была еще жива в каждом. Или потому, что достоинства романа были уже знакомы, а недостатки ярче бросались в глаза. Белинский писал, что Рославлев «был повторением «Юрия Милославского»: те же лица, те же характеры, те же начала, те же достоинства и недостатки, исключая одной героини, которая сделалась виновата перед

Обложка книги
М.Н. Загоскина
«Юрий
Милославский,
или Как жили
русские люди
в безгосударное
время (с 1610 по
1612 г.)»
(Москва: Тип.
И.Д. Сытина и К°,
1888)

судом автора в том, что, как женщина, полюбила мужчину, не спрашивая, какой он нации». Пушкин решил спорить с «Рославлевым» и начал свой роман с тем же названием, с намерением рассказать о той же героине, но замысел этот оставил, написав несколько страниц.

«Аскольдова могила», изданная в 1833 году, разочаровала публику еще больше. Настоящая популярность досталась только опере Верстовского по либрет-

то Загоскина: опера двадцать лет не сходила со сцены, но и она устарела с появлением опер Глинки.

Загоскин открыл дорогу русскому историческому роману – и с его развитием романы первопроходца начали стремительно устаревать. Романтизм, питательная почва для исторического романа, сдавал позиции: живая жизнь стала преодолевать условность, нарушать законы жанров, расширять границы дозволенного в литературе. И то, что еще несколько лет назад казалось в «Юрии Милославском» новым, теперь уже воспринималось как устаревшее.

Молодой Некрасов издевался в 1842 году над новым романом Загоскина, «Кузьма Петрович Мирошев»: «Как прежде, автор описывает вам странные костюмы, фигуры толстяков с лысыми, горбами и большими носами; действующие лица кстати и некстати разговаривают, часто только для того, чтобы сказать острое словцо; в патетических сценах они говорят «перерывающимся» или «задыхающимся» голосом; в решительные минуты произносят: «Ах», «всплеснув руками».

Очень скоро романы Загоскина стали казаться воплощением концепции официальной народности – и это совершенно погубило литературную репутацию Загоскина для новых поколений.

Москва. Большая
Дмитровка,
дом №8. Здесь
располагалась
Московская
контора
императорских
театров.
Начало XX века

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ

Тургеневу Загоскин запомнился таким: «Самая фигура Загоскина, его странная, словно сплюснутая голова, четырехугольное лицо, выпученные глаза под вечными очками, близорукий и тупой взгляд, необычайные движения бровей, губ, носа, когда он удивлялся или далее просто говорил, внезапные восклицания, взмахи рук, глубокая впадина, разделявшая надвое его короткий подбородок, – все в нем мне казалось чудачковатым, неуклюжим, забавным. К тому же за ним водились три, тоже довольно комические, слабости: он воображал себя необыкновенным силачом; он был уверен, что никакая женщина не в состоянии устоять перед ним; и, наконец (и это в таком рьяном патриоте было особенно удивительно), он питал несчастную слабость к французскому языку, который коверкал без милости, беспрестанно смешивая числа и роды, так что далее получил в нашем доме прозвище: Monsieur L'article.

Со всем тем нельзя было не любить Михаила Николаевича за его золотое сердце, за ту безыскусственную откровенность нрава, которая поражает в его сочинениях».

Карьера его меж тем шла в гору. «В 1830 году, апреля 30, Загоскин перемещен в должность управляющего Конторою императорских московских театров, а в 1831 – произведен в коллежские советники, определен в должность директора Московских театров и пожалован в звание действительного камергера его императорского величества, – пишет Аксаков. – <...> В 1834 году произведен Загоскин в статские советники, а в 1837 году в действительные статские советники и утвержден директором императорских московских театров; в этом же году он напечатал «Повести Михаила Загоскина» в двух частях». В них вошли «готические» истории, написанные под влиянием гоголевских «Вечеров на хуторе близ Диканьки» – правда, Заго-

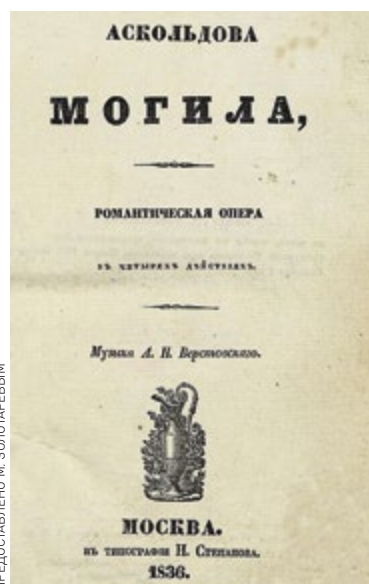

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

скин обычно оставляет возможность рационального объяснения чертовщины.

Директором театров он оставался до 1842 года, затем возглавил Московскую Оружейную палату и заведовал ею до самой смерти. В последние годы он сильно болел. Аксаков пишет, что лечился Загоскин «так неправильно, своевольно, так часто переменил методу лечения и самые средства, употребляя их неред-

М.Н. Загоскин.
Аквафельный
портрет работы
художницы
Л.С. Бороздны-
Стромиловой.
1840-е годы

Обложка либретто
М.Н. Загоскина
к опере
А.Н. Верстовского
«Аскольдова
могила»
[Москва: Тип.
Н. Степанова,
1836]

ко в страшном излишестве, следуя советам не врачей, что без сомнения лечение ему повредило и придало болезни силу и важность». Он лишился возможности писать. Выезжал на прогулки в экипаже, из которого не выходил. Тургенев, навестивший его незадолго до смерти, писал: «Он уже не выходил из своего кабинета и жаловался на постоянную боль и ломоту во всех членах. Он не похудел, но мертвенная бледность покрывала его все еще полные щеки, придавая им тем более унылый вид. Взмахи бровей и тарашение глаз остались те же; невольной комизм этих движений только усугублял чувство жалости, которую возбуждала вся фигура бедного сочинителя, явно клонившаяся к разрушению. Я заговорил с ним об его литературной деятельности, о том, что в петербургских кружках снова стали ценить его заслуги, отдавать ему справедливость; упомянул о значении «Юрия Милославского» как народной книги... Лицо Михаила Николаевича оживилось. «Ну, спасибо, спасибо, – сказал он мне, – а я уже думал, что я забыт, что нынешняя молодежь в грязь меня втоптала и бревном меня накрыла».

Кончину Загоскина Аксаков описывает так: «23 июня 1852 года, в пятом часу пополудни, после двухчасового спокойного сна, взяв из рук меньшего сына стакан с водою и выпив немного, Загоскин внимательно посмотрел вокруг себя... вдруг лицо его совершенно изменилось, покрылось бледностью и в то же время просияло какою-то веселостью. Он вздохнул и – его не стало».

В литературе он остался автором одной книги – «Юрия Милославского». Как сказал Белинский, «его и теперь можно перелистовать с удовольствием, как, вероятно, вы перелистываете иногда «Робинзона Крузо», который в детстве доставлял вам столько чистейшего и упительнейшего наслаждения». И это до сих пор верно. ■

РИЖСКИЙ «РАССКАЗОЧНИК»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

КАЖДУЮ ВТОРУЮ СУББОТУ МЕСЯЦА В РИЖСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ПРОХОДЯТ ЗАСЕДАНИЯ КЛУБА ДРУЗЕЙ РУССКОЙ ДЕТСКОЙ КНИГИ «ПАРУСНИК». ЛАТВИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И ПОЭТОВ, ПИШУЩИХ ДЛЯ ДЕТЕЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ, НА СЕДЬМОМ ЭТАЖЕ БИБЛИОТЕКИ СОБРАЛ ЧЛЕН ДВУХ СОЮЗОВ ПИСАТЕЛЕЙ – РОССИИ И ЛАТВИИ. ОН САМ – АВТОР 30 КНИГ ДЛЯ ДЕТЕЙ, А ЕЩЕ – ХУДОЖНИК, ИЛЛЮСТРАТОР, ПОЭТ. СО СВОИМИ КОЛЛЕГАМИ КАЖДЫЙ МЕСЯЦ ОНИ ЗНАКОМЯТСЯ С НОВИНКАМИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЧИТАЮТ СОБСТВЕННЫЕ СТИХИ И РАССКАЗЫ, ПРОВОДЯТ ВЫСТАВКИ КНИГ И ВСТРЕЧИ С РИЖСКИМИ ШКОЛЬНИКАМИ.

И НОГДА ЗАСЕДАНИЯ бывают выездными. Тогда Владимир Новиков с кем-нибудь из добровольных помощников, вооружившись детскими

журналами, книгами и рисунками, едет в школы, детские дома, творческие студии, чтобы рассказать детям, как стать писателем или художником. И познакомить юных читате-

лей с творчеством своих товарищей по писательскому цеху. По его искреннему убеждению, в Латвии живут самые веселые поэты и рассказчики.

Главный рулевой «Парусника» сам себя называет «рассказчиком». А как еще назвать человека, который пишет сказочные рассказы? Да еще сам их иллюстрирует, сочиняет стихи, рисует карикатуры и шаржи, придумывает и мастерит игрушки. Кроме того, он переводит на русский язык стихи и прозу латышских авторов. В разные годы в Латвийском театре кукол было поставлено 9 спектаклей, в создании которых Новиков принимал активное участие. На его стихи к кукольным постановкам было написано более 80 текстов песен на русском языке.

Заседание
рижского Клуба
друзей детской
книги ведет
Владимир
Новиков

С КУКЛАМИ ПО МОРЯМ И ОКЕАНАМ

Владимир Новиков родился в Риге после войны в обычной на первый взгляд семье. Его мама обожала шить и вязать крючком, что выручало их в тяжелые времена, поскольку у мастерицы не было отбоя от заказчиц. Но помимо шапочек, кофточек и ажурных скатертей она создавала большие панно на сказочные сюжеты. Маленький Володя мог смотреть на них часами. Из рассказов мамы он знает, что ее предки когда-то в Нижнем Новгороде владели фабрикой игрушек. «А сейчас у меня самого, наверное, самая большая в Риге коллекция сувенирных кукол, которых я собираю по всему свету с 18 лет, – поведал Владимир. – Я их называю своими друзьями, со многими мы знакомы уже более полувека. А самым первым талисманом был кукольный немец с пивной кружкой – купил его в Ростке в 1965 году, когда проходил морскую практику на латвийском сухогрузе...».

В детстве Новиков мечтал стать клоуном. Но после восьмого класса поступил в мореходное училище и связал свою жизнь с морем почти на двенадцать лет. Он дважды попадал в кораблекрушения, но любовь к морю от этого меньше не стала. Между прочим, в первый раз он спасся с тем самым игрушечным немцем из Ростка. Каким-то чудом кукла оказалась у него в кармане, когда их сухогруз столкнулся в море с финским пароходом. Советское судно пошло на дно, всему экипажу удалось спастись. Их подобрала моряки пассажирского судна «Надежда Крупская». Но как только дошли до Стокгольма, «Крупская» тоже попала в кораблекрушение! И всю команду снова спасли! И в этот раз бородатый немец с пивной кружкой прятался в кармане у Новикова.

С тех пор куклы прочно обосновались в жизни Владимира. Для Латвийского кукольного театра Новиков придумал и сделал около десятка кукол. Есть у него

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и свои кукольные персонажи, с которыми он частенько приезжает в гости к детям в интернаты и детские дома, – это и лягушонок Кваквариов, и Синий волк морской, и крокодил по фамилии Нильский. Кстати, про крокодилов надо сказать отдельно! Володиному отцу, который возглавлял бригаду маляров, на работе периодически поручали делать сатирическую стенгазету. В помощь ему выдавали старые номера советского журнала «Крокодил». Пятилетний Володя хохотал, разглядывая карикатуры. В 10 лет он знал по именам всех ведущих советских карикатуристов, мог, не глядя на подпись, угадать, кто автор того или иного рисунка. А потом и сам стал делать смешные наброски. Когда ему было 13 лет, он отправил свой рисунок в знаменитый детский журнал «Пионер». И его напечатали, а автору прислали удостоверение юного корреспондента. Это было в 1961 году.

В начале 90-х годов в Риге появился первый детский журнал на русском языке – «Гном»

СОШЕЛ МОРЯК НА БЕРЕГ

После этого Володя начал забрасывать своими рисунками и четверостишиями редакцию латвийской комсомольской газеты, где его регулярно печатали. С «Молодежкой» Новиков сотрудничал более полувека – вел детские странички, публиковал свои стихи, короткие рассказы для детей, морские истории, рисунки на злобу дня и делал дружеские шаржи на знаменитостей, которые приезжали в Ригу. Печатался и в других изданиях – латвийских и московских. Свои рисунки и стихи он присылал в редакции все годы, пока ходил в море матросом, а затем и штурманом дальнего плавания.

Потом по здоровью моряк сошел на берег и случайно узнал, что в кукольном театре требуется рабочий сцены. Так Владимир Новиков попал в чудный мир кукол и людей, здесь подружился с потрясающими актерами, детскими писателями, композиторами, режиссерами. Вскоре, окончив курсы дизайна в Латвийской академии художеств, он получил вторую профессию – художника-конструктора. В театре работал художником-декоратором, переводил латышские пьесы на русский язык, писал стихи и тексты для спектаклей, создавал новых кукол, начал иллюстрировать книги, вел специальные странички для детей в молодежных изданиях. Это было очень насыщенное время...

«ГНОМ» И ДОЦЕНТ

В 90-е годы вместе с рижским поэтом Максимом Супруньюком они решили издавать в Риге первый русский детский журнал малого формата – «Гном». В нем выходили интервью с популярными советскими актерами, написанные специально для детей. Каждую публикацию Новиков снабжал дружеским шаржем на главного героя. Тогда он еще не подозревал, что эта традиция с годами выльется в целую серию увлекательных рассказов о встречах рижан с замечательными людьми...

Иллюстрация
Владимира
Новикова
к сказке
«Крот и еж»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«Погоня за знаменитостями для «Гнома» – это, я вам скажу, то еще было занятие! – вспоминает Владимир. – Первым был все-народный любимец, киноактер Евгений Павлович Леонов. Он перенес в Германии тяжелую операцию на сердце и приехал на пару недель подлечиться на Рижском взморье. Случайно узнав об этом, я тут же помчался в Юрмалу. А сам переживаю: как я его там искать буду? По дороге шел через лес и мысленно репетировал, какие сейчас буду задавать вопросы позакovskyристей, чтобы знаменитый обладатель неподражаемого голоса согласился на интервью. И тут вдруг – бац! – выхожу к санаторию на солнечную поляну и вижу качающегося на детских качелях Леонова с маленькой собачкой на руках! Звали ее Доня, она меня и облаяла с ходу. Но Евгений Павлович ее быстро успокоил. С первых же слов герой будущего интервью понял, что от него требуется. И согласился. Я тут же схватился за блокнот и карандаш, делая наброски и записывая его ответы. Интервью получилось великолепное!»

У Евгения Павловича он побывал еще несколько раз. Актер часто просил своего нового рижского знакомого рассказать что-нибудь из его морских приключений. Еще Леонов интересовался, как в Риге восприняли «Джентльменов удачи», где он сыграл две роли – бандита Доцента и заведующего детским садом. Советская критика не особо хвалила этот фильм. А зрители его обожали!

Однажды, когда Владимир гулял с «Доцентом», к ним присоединился молодой человек. Он был в восторге от того, что видит перед собой живого Леонова, и предложил куда-нибудь отвезти любимого актера на своих «жигулях». Евгений Павлович согласился и попросил подвезти его на местный рынок. Парень подогнал машину, усадил пассажиров и нажал на газ. Через десять минут вся компания, включая Доню, уже покупала на рынке яблоки. Что тут нача-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Первое интервью с Роланом Быковым и стих для маленьких рижан в журнале «Гном». 1992 год

лось! Торговцы наперебой совали Леонову свои яблоки, сливы, огурцы, чеснок, отказываясь от денег и выражая восторги по поводу его роли в «Джентльменах удачи».

В те дни Владимир работал над иллюстрациями для своей книги, которая стояла в плане латвийского издательства, и попросил разрешения срисовать с Евгения Павловича образ для стихотворения «Отважный повар». Прочел свой стих актеру, ему понравилось – добро было получено. В коллекции его рисунков Леонов-повар занимает почетное место.

В ГОСТЯХ У БАРМАЛЕЯ

Художник достает из папки несколько портретов Ролана Быкова. «Это один из моих любимых дружеских шаржей – результат нашей «совместной» работы с Роланом Быковым, – пояс-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Как встретились «Винни-Пух» и «Гном» в Юрмале

няет Новиков. – Я его рисовал в Москве, а когда закончил рисунок, то попросил у Ролана Антоновича автограф. Он не только расписался, но и сам пририсовал автопортрет – как элемент подписи. К тому времени мы с ним уже были год, как знакомы. Дело в том, что в 1991 году мы с моим коллегой-писателем Максимом Супрунюком разными путями заполучили домашний телефон и адрес Ролана Быкова, решив уговорить его на интервью для нашего «Гнома». Дружеский шарж, сделанный с экрана телевизора, у меня уже был заготовлен, но мы надеялись на портрет живьем и автограф. Помимо интервью! Увы, по телефону жена актера сказала, что ее муж болен, встретиться с нами не может. И предложила оставить шаржи в почтовом ящике. Мы были расстроены, но решили не сдаваться. Тем более что рисунки не проходили в щель почтового ящика. О чем мы и сообщили супруге Быкова, Елене Санаевой, позвонив в дверь их квартиры. И тут же начали долго и нудно рассказывать про «Гном», который просто погибнет, если не пообщается с «Котом Базилио» и «Бармалеем»...

В итоге Ролан Быков крикнул из комнаты, чтобы к нему пропустили гостей. Увидев первый номер рижского «Гнома», Ролан Антонович тут же предложил делать и для него такой же журнал! Но двух «Гномов» кто бы потянул? Тем временем Новиков начал делать наброски. В этот день помимо всего прочего выяснилось, что знаменитый актер и режиссер пишет замечательные стихи, в том числе для детей. Владимир до сих пор очень гордится, что их первая публикация состоялась в журнале «Гном» в 1992 году. А стихотворение Ролана Быкова «Кто такие комары?» он и сейчас часто читает на встречах с детьми. Естественно, и цветной портрет автора художник сделал в окружении комаров! На его рисунке Быков написал: «Его Высочеству Гному малому Великому! Ваш Кот Базилио, Бармалей и Шишок»...

Четверть
века дружбы
с «отцом»
Чебурашки

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ВСЕЛЕННАЯ ПО ИМЕНИ УСПЕНСКИЙ

В 2007 году Новиков написал книгу «Люди, которые не рисовались», где очень подробно рассказал о своих встречах с интересными людьми.

Рассказ про замечательного писателя, с которым его связывают годы теплой дружбы, он назвал «Вселенная Эдуарда Успенского». «Я уверен, что благодаря знакомству с творчеством «отца» Чебурашки некоторые азы русского языка освоила даже экс-президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга, которая начала учить язык по книге Успенского «Дядя Федор, пес и кот», – говорит Владимир. – В 2002 году московский писатель приехал в Юрмалу. Узнав об этом, глава нашей страны пригласила его в свою президентскую резиденцию. Когда Эдуарду Успенскому от нее позвонили, я как раз был рядом с ним. Он немного растерялся, поскольку уже успел раздать все привезенные с собой книги. Для президента Латвии ничего не осталось. Тогда я предложил нарисовать портрет Вике-Фрейберги, который он и сможет ей подарить. Успенский посмотрел на меня с большим сомнением. Но сказано – сделано! В условленное время рисунок был готов. Я изобразил не только президента, но и кота Матроскина, помогающего ей осваивать русский язык. Позже мне удалось на цветной копии того шаржа получить автограф президента – уже для своей коллекции»...

КАК ПОЭТ ПОЭТУ

Сегодня в его коллекции шаржей более 600 портретов с автографами героев. Трижды Новиков рисовал Михаила Жванецкого, который часто приезжал в Ригу на гастроли. А самый первый его портрет он сделал еще в 1984 году. Женщин он рисует реже – уж очень трепетно они относятся к своему изображению. Расстраивать их не хочет. Еще знаменитости? Да пожалуйста. Андрей Вознесенский, Валентин Берестов, Валентин Пикуль, Юрий Кулачев, Юрий Лотман, Владимир Познер, Раймонд Паулс, Булат Окуджава, Эльдар Рязанов, Марк Захаров... По словам Владимира, художники говорят, что у Новикова хорошие стихи, а поэты – что у него хорошие рисунки.

Путевку в писательскую жизнь Новикову выдал Эдуард Успен-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Из коллекции
дружеских
шаржей
Владимира
Новикова
с автографом
персонажа –
Михаила
Жванецкого

ский. Он присылал иногда в Ригу свои рассказы для «Гнома», а Владимир в ответ писал ему письма с разными реальными историями из жизни, услышанными им на встречах с детьми. Эдуард Николаевич предложил несколько рассказов Новикова московским издателям. Так все и началось. Сегодня у ведущего русского писателя Латвии в российских и латвийских издательствах выпущено в свет уже около 30 отдельных книг для детей. «Конечно, меня очень радует, что сохраняется интерес к детскому чтению на русском языке. Ряды детских писателей Латвии понемногу пополняются молодыми людьми, которые приносят на наши заседания свои первые стихи или рассказы. Обсуждаем, спорим, делимся опытом, поддерживаем друг друга. Сегодня родители не очень много внимания уделяют своим детям, редко читают вместе сказки, занимая их вместо этого компьютерными играми, – сетует Владимир. – Еще реже кто-то записывает, какие открытия делают их маленькие дочки или сыновья. А это очень любопытно! Если дети видят интерес к себе со стороны старших, они стараются еще больше фантазировать, рассказывать, домысливать. Я считаю абсолютно неправильным перевод образования полностью на латышский язык. Нельзя этого делать! Свои первые книги ребенок должен прочитать на родном языке – я в этом твердо убежден. В нашем Клубе друзей детской книги мы стараемся знакомить детей с лучшими произведениями русских писателей. Но в то же время мы открываем для них и латышских авторов. Проводим праздники русской книги, устраиваем для школьников конкурсы по мотивам русских сказок. В последнее время все больше детей участвует в наших мероприятиях, что внушает надежду. У меня самого 11 внуков, так что я очень хорошо знаю, как важно занять детей чтением – мечтаю, чтобы книголюбями и книголюбями стали они все». ■

«А СЕРДЦЕ — В КИТАЕ»

БЕСЕДОВАЛ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

МИХАИЛ ДРОЗДОВ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ «РУССКИМ ШАНХАЙЦЕМ». ОН – ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НОВОЙ РУССКОЙ ДИАСПОРЫ В КИТАЕ. И СОЗДАТЕЛЬ «РУССКОГО КЛУБА» – ПРЕЕМНИКА ОБЩИНЫ ПОТОМКОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ. ОН ЖЕ – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕМИРНОГО КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕТА РОССИЙСКИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ.

М ИХАИЛ ДРОЗДОВ родом из Владивостока. В 1996 году он, как преподаватель Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, отправился на стажировку в шанхайский Университет Фудань. Два года спустя должен был вернуться во Владивосток, но на родине случился дефолт, не суливший в альма-матер ничего хорошего. Поэтому Михаил решил рискнуть и остаться в Китае. – Я создал консалтинговую фирму, дела шли успешно, – рассказывает Михаил. – Все мне в Шанхае нравилось. Был только недостаток общения с соотечественниками. Тогда во всем городе проживало не более полутора сотен русских.

Мы, если узнавали, что из России кто-то приезжает учиться или работать, ехали встречать, знакомиться. Потом возникла идея организовать регулярное общение, и в декабре 1998 года заработал наш «Русский клуб». Первое время мы встречались у кого-нибудь дома или в ресторанах за чашкой чая. У потомков старой русской эмиграции тогда тоже было нечто вроде клуба – они собирались приблизительно раз в два месяца. Несколько раз я бывал на их встречах: собирались старики весьма преклонного возраста, в основном от смешанных браков русских с китайцами, почти совсем забывшие русский язык. Одно время наш клуб помогал материально некоторым из них. Продолжались их встречи недолго, в начале 2000-х годов большинство из них умерли.

– *Надо полагать, эти встречи произвели на вас впечатление, так что вы стали заниматься историей русской эмиграции?*

– Я бы сказал, этот интерес развился сам собой. На встречах клуба мы скоро поняли, что простого общения мало – нужно наполнять их каким-то значимым содержанием. Решили поднять тему русской эмиграции в Шанхае. За последние пятнадцать лет в этом направлении поработало много исследователей, написаны статьи и книги. А в конце 1990-х почти ничего не было. Мы создали сайт, выкладывали туда полученную информацию; находили старые эмигрантские газеты, перепечатывали из них статьи. Через сайт на нас стали выходить представители первой эмиграции или их дети. С некоторыми из них удалось подружиться. Они приезжали в Шанхай, мы устраивали встречи, записывали интервью.

Михаил показывает книгу Германа Кочурова «Ли-чжоу. Роман из китайской жизни» с автографом писателя «сослуживцу». Издана в Шанхае в 1939 году

Встреча харбинской «Чураевки» – крупнейшего в Китае общества русских поэтов и писателей

НИ ОДНОЙ КНИГИ В КИТАЕ

В доме у Михаила не счесть шкафов, забитых книгами. Немало среди них и дореволюционных изданий.

– Я книголюб с давних пор, – признается Михаил. – Мне хотелось найти материальные свидетельства жизни русских в Шанхае, представлялось, что прежде всего это должны быть книги и журналы. Так я начал собирать издания, выходившие по теме русского Китая. А потом стал искать эмигрантские издания, выходившие по всему миру. При этом в самом Китае я не нашел ни одной книги. География источников, наполнивших коллекцию, обширна: США, Австралия, Россия, Франция, Германия... Только не Китай. Здесь во время «культурной революции» почти все уничтожили. Книги сжигали и хунвейбины, и сами русские – чтобы не навлечь на себя репрессии. Единственные издания тех лет, что до сих пор попадают – словари. Видимо,

иметь русско-китайский словарь не считалось опасным.

К тому же тиражи таких книг были очень скромными. Восточная ветвь русской эмиграции была самой бедной, тираж в тысячу экземпляров считался уже большим. И потом основная масса изданий была просто брошена на произвол судьбы. Во время бегства из Китая мало кто мог заплатить за дополнительный багаж в виде книг. Поэтому такие книги считаются у коллекционеров самыми редкими и ценными. А самая богатая библиотека книг русских в Китае находится знаете где? На Гавайях! Там живет американский библиограф Патриция Полански, которая несколько десятилетий собирала свою коллекцию – с тех пор, когда эти книги еще стоили копейки.

– *Наверное, в мире найдется немного людей, так хорошо знающих литературу русского Китая. Все-таки какой это уровень?*

– Конечно, местная литература не может похвастаться именами первого ряда, которые были на Западе. В Китае на подъеме была поэзия. Проза – заметно слабее. Рассказы, повести, исторические романы, романы из эмигрантской жизни, мемуарная литература – все это сейчас интересно больше не с литературной точки зрения, а с исторической. Поэтический же цех был многоликий и яркий. В 1926 году в Харбине поэт

Алексей Ачаир создал литературный кружок «Чураевка», объединивший молодежь, увлекающуюся поэзией. Название «Чураевка» дано по известному тогда много-томному роману «Чураевы» Георгия Гребенщикова. Интересно, что сам Гребенщиков вместе с сыном Льва Толстого Ильей в эти же годы создавал русское поселение Чураевка в США. Ну а в харбинской «Чураевке» поэты поднимались один за другим: Арсений Несмелов, Валерий Перелешин, Ларисса Андерсен, Петр Лапикен, Наталия Спирина... В 1930-х годах, когда Харбин захватили японцы, большая часть интеллигенции переехала в Шанхай. Появилась «Шанхайская Чураевка». В разное время чураевцами были почти четыре десятка поэтов и писателей. Некоторые из них прожили долгую жизнь, продолжив свой творческий путь в других странах. Ларисса Андерсен умерла во Франции совсем недавно – в 2012 году. Уникальная была личность. И поэтесса яркая, и сама – совершенно неотразимая женщина. Не было, наверное, ни одного русского поэта в Китае, который не посвятил бы ей стихи. Позднее в США Эммануил Штейн выпустил книгу «Остров Лариссы» – целый том стихов, посвященных Лариссе Андерсен. То есть она была такой всеобщей музой. Влюбился в нее и Александр Вертинский. Но поэтическая муза его ухаживания отвергла. Вертинский преследовал Лариссу довольно настойчиво, так что она была вынуждена уехать из Шанхая в Циндао. После чего Вертинский написал

Валерий Перелешин в Рио-де-Жанейро. Последний этап жизни поэт провел в Бразилии, где с любовью вспоминал Китай и называл его своей второй родиной

Ларисса Андерсен первые стихи написала за школьной партией в Харбине. Во время скучного урока ей вдруг привиделся... «пожар в Бомбее»

ей свое известное стихотворение «Ненужное письмо».

Я проникся судьбой Лариссы, ее стихами и написал ей письмо во Францию. Ответ получил через десять лет. На самом деле Ларисса ответила сразу, но ошиблась в адресе. Письмо вернулось из Китая обратно отправителю. Десять лет спустя журналистка Тамара Калиберова случайно увидела это письмо, когда встречалась с Лариссой, и привезла его мне. Позже мы общались с Лариссой по телефону, съездить же к ней домой в Иссанжо у меня так и не получилось.

– **А что китайского чураевцы привнесли в русскую литературу?**

– Как ни странно, у них китайские мотивы встречаются только эпизодически. Большинство продолжали писать так, словно Россию не покидали. Быть может, это связано с тем, что они плохо знали язык и китайские реалии. За исключением, пожалуй, Валерия Перелешина, который переводил «Дао дэ цзин» и китайских поэтов времен династии Тан.

АЛЬБОМ-ЖЕМЧУЖИНА

– Здесь у меня творения русских художников, – продолжает показывать коллекцию Михаил. – Рисунки «Лики неповторимой России» – с него печаталась обложка повести Павла Северного. Картины Ивана Герасимова – в его творчестве, как видите, китайских мотивов предостаточно. А это – икона, принадлежавшая Павлу Северному. Она была с ним в Китае, затем уехала с писателем в СССР, а его сын Арсений Павлович подарил ее мне. Таким образом икона снова вернулась в Шанхай.

Я собираю также книги русских эмигрантов, изданные вне Китая, но с автографами авторов. Сейчас таких книг у меня уже около тысячи. Вот, например, интересный автограф, оставленный на сборнике «Южный дом» 1968 года: «Валерий Перелешин. Рио-де-Жанейро (а сердце – в Китае)». В самом деле, просто удивительно, как русские любили Китай. Буквально все эмигранты, с кем мне приходилось встречаться – что в Австралии, что в США, – вспоминают жизнь в Поднебесной с восторгом. Послушать их, так Харбин был просто раем на земле. Хотя в Китае им приходилось очень тяжело. Может быть, так воспринимают, потому что молодые были? А Перелешин на своем веку много стран повидал, довелось ему пожить и в дореволюционной России, и в советской, а также в Харбине, Шанхае, Пекине, США, Бразилии.

– **Может быть, вам свою коллекцию превратить в частный музей?**

– Я давно об этом думал. Хотелось бы сделать так, чтобы книги не просто стояли у меня на полках, а были доступны интересующимся людям. Недавно я сделал сайт «Коллекция русского шанхайца», куда понемногу выкладываю книги, информацию о них, об их авторах. Но пока самое интересное еще не выложил. В том числе жемчужину коллекции – альбом Владимира Жиганова «Русские в Шанхае». Жиганов работал над ним пять лет и напечатал в 1936 году. Альбом – настоящая энциклопедия

для жизни русских в городе, содержит около 1600 портретов видных представителей диаспоры, сотни уникальных фотографий, без которых не обходится сейчас ни одна работа о русских в Китае. Никакая другая ветвь русской эмиграции о себе подобной памяти не оставила. Альбом вышел тиражом 300 штук, до наших дней дошли считанные экземпляры. Мне альбом достался от Михаила Николаева – последнего живого участника перехода флотилии адмирала Старка из Владивостока в Шанхай в 1922 году. Тогда ему было полгода, сейчас – 96 лет, и живет он в Сан-Франциско. Сам Михаил альбом получил в дар на острове Тубабао, в русском лагере в джунглях в 1949 году.

В альбоме Жиганов рассказывает о занятиях русских в городе, достигнутых успехах во многих сферах жизни – иногда самых неожиданных. Вот, например, заметка о русских водолазах: «Периодически сравнительно большими партиями русские эмигранты работают на водолазных и спасательных работах... Некоторые имеют значительный стаж в этой специальности, позволяющий открывать свои конторы по подряду. Од-

ним из первых открыл русскую водолазную компанию капитан дальнего плавания Чумихин... Жизнь водолазных рабочих проходит вдали от города, в полном отчуждении от городской общественной жизни и связана с постоянным риском для здоровья и жизни работающих. Так, например, в 1932 году в июне месяце на водолазных работах погиб при работах по взрыву затонувшего парохода господин Рубен. И тогда же было ранено несколько человек его рабочих...»

Обложка повести Павла Северного «Лэди», выполненная художником Александром Яроном. Шанхай, издательство «Слово», 1938 год

«День белого цветка». Кружечный сбор у редакции газеты «Шанхайская заря» в пользу русских эмигрантов, больных туберкулезом (из альбома В. Жиганова)

– А что в альбоме сказано о занятиях молодых привлекательных женщин?

– Это на Западе любят подчеркивать: дескать, было в Шанхае много русских проституток. Безусловно, в первые годы эмиграции такая проблема существовала – нужно было как-то выживать. Однако к ним часто причисляют так называемых девушек для танцев – «дэнсинг-гёрлз». Среди них русских действительно было очень много, но это другое занятие. Тогда в городе были популярны рестораны-боллрумы: большая танцевальная площадка с оркестром, вокруг которой стояли ресторанные столики. Гости могли потанцевать с «дэнсинг-гёрлз», специально для того присутствующих. Покупали билетики для танцев в кассе и танцевали с выбранной девушкой. Если танец нравился, могли оставить девушке два-три-четыре билетиков – в качестве чаевых. Олег Лундстрем рассказывал мне, как ему приходилось выступать в боллрумах.

– Оркестр Лундстрема действительно был популярен еще в Шанхае?

– Олег Леонидович говорил, что в 1936 году они приехали в Шанхай любительским оркестром на каникулы, подзаработать. Город тогда переживал джазовый бум, юные музыканты поняли, что оказались здесь в нужный момент, и остались в Шанхае. На больших площадках биг-бэнд Лундстрема стал выступать с 1940-х годов. Но все-таки самым популярным «джазсом» в городе был оркестр Сергея Ермолаева. Лундстрем с Ермолаевым, несмотря на жесткую конкуренцию, были в хороших отношениях. После войны их пути разошлись: один уехал в СССР, а другой – в Австралию. Они переписывались до самой смерти и даже встречались однажды в Австралии.

– Лундстрема и других известных личностей по возвращении в Союз не тронули. Большинство же было репрессировано. Неужели прошедшие огонь и воду эмигранты были так наивны?

– Пропаганда сделала свое дело, в том числе фильмы о прекрас-

ной жизни в СССР. Правда, не все сломя голову целыми семьями ринулись на родину. Отправляли кого-то одного на разведку, договорившись об условных знаках. Например, прислать, как устроишься, письмо с фотографией: если все в порядке – сфотографироваться стоя, если сидя – ехать не нужно. Присылали снимки не то что сидя – лежа. А те, кто заранее договориться не успел, сочиняли кто во что горазд. Писали, например, так: «Приезжайте в Советский Союз, нам все здесь очень нравится. Не забудьте взять с собой бабушку, мы по ней очень скучаем». А бабушка уже много лет, как на кладбище лежит...

МАО В ЦЕРКВИ И «РЫБКИ В АКВАРИУМЕ»

– У наших эмигрантов была завидная сила духа и способность начинать с нуля, – говорит Михаил Дроздов. – В Шанхае они оказались с пустыми руками, пережили период крайнего пренебрежения со стороны европейцев. И за пятнадцать лет превратились из неминуемых беженцев в обеспеченную высококультурную диаспору. Потом бежали от китайских коммунистов – снова начали с нуля и снова многого добились. Заметил закономерность: те, кому устроиться в Китае не удалось, быстро умирали. А те, кто сумел найти свое место, жили затем очень дол-

В своем альбоме Владимир Жиганов осветил самые разные сферы жизни русской эмиграции, обходил вниманием только «судимых и заведомых большевиков»

го. Многие прожили более 90 лет, Ларисса Андерсен – 101 год, священник Илия Вэнь – 110 лет. Отец Илия из Китая перебрался в Сан-Франциско, много лет был самым старым православным священником в мире.

– *Что-нибудь китайское русские эмигранты перенимали?*

– Зачем? Они, наоборот, стремились не смешиваться. В отличие от европейской ветви эмигранты в Китае гордились тем, что смогли сохранить свою русскость, не ассимилировались. Изначально такая позиция была. Этим особенно отличаются харбинцы. В Австралии у них есть свое харбинское сообщество, они считают, что по-настоящему хранили русские традиции. Но что-то все равно переходило. Смотришь старые фотографии: у русских попадают китайские элементы в одежде. Многие эмигранты нанимали китайских домработниц – Ама, как тогда говорили, или «тетушка» порусски. Стоило это копейки. Ама, естественно, готовили китайские блюда и так приобщали русских к китайской кухне.

– *А нечто русское эмигранты смогли передать китайцам?*

– Что-то наверняка передали. Познакомили с классическим европейским искусством, например. Писатель Павел Северный в 1950-е годы преподавал в Фуданьском университете – какое-то влияние на учащихся и профессоров оставил. В облик Шанхая навсегда вписаны два прекрасных русских храма.

– *Что касается Никольской церкви, то вы, кажется, были первым, кто в новое время этот храм нанес на карту. При этом вы рассказываете историю, как прихожане предусмотрительно повесили портрет Мао Цзэдуна на стену, и хунвейбины не посмели разрушить храм. Кто этой притчей с вами поделился?*

– Никто, сам догадался. Этот портрет продолжал висеть, когда церковь стали использовать под ресторан. Сняли Мао позднее – из-за того, что я надоел ресторанному начальству тем, что приводил людей и показывал портрет. И потом, я спраши-

Ресторан братьев Ткаченко тоже работал по типу боллрума и располагался на главной «русской» улице – авеню Жоффра

– Мне показалось, что вопреки многолетнему влиянию европейской культуры и религии на китайцев мы по-прежнему для них инопланетные существа. Отчуждение, кажется, доходит до того, что европейцев на улице просто не замечают – редчайший случай для азиатской страны.

– Ну, по поводу рассматривания на улицах – это пройденный этап. Когда мы приехали в Далянь в 1991 году, китайцы на велосипедах резко давали по тормозам, чтобы на нас поглазеть. Случалось, сядешь на лавочке в парке, через несколько минут обернешься – за спиной целая толпа зевак на тебя уставилась. И когда я в Шанхае оказался, на улице даже старики кричали «Хэлло!». Или «Хэлло чендж мани». Думаешь, вот сейчас деньги поменяю, а на самом деле ничего они не меняют и смысла слов не понимают – просто слышали, как меняли кричали, и повторяют, полагая, что это такое приветствие иностранцу.

Тем не менее даже сейчас мы в Китае как рыбки в аквариуме. Мы в своей среде, китайцы – в своей. Стенки прозрачные, но сказать, что мы прониклись друг другом, нельзя. Конечно, есть общее: строили коммунизм, привычка к общинной жизни. И все же. Многие русские живут здесь годами и среди китайцев друзей не имеют.

– Судя по вашим детям, этого не скажешь – никакого аквариума они не чувствуют. Пообщавшись с ними, понял, что для них Китай – родная среда. Ваша дочь свободно владеет и китайским, и русским языками – признается, правда, что читать по-китайски ей как будто немного легче. Лучшие подруги у нее – китайянки. В детских спектаклях они играют все вместе – русские и китайцы.

– Да, сейчас появляются люди, для которых родные и Россия, и Китай. Именно они могут внести вклад в познание двух культур, сделать это на качественно новом уровне. ■

вал старых эмигрантов – они утверждали, что такой трюк с изображением Мао прихожане вполне могли проделать.

– Теперь в храмах нет ни ресторанов, ни Мао Цзэдуна, но все-таки они пустуют, что выглядит странно. Особенно после посещения церковных служб в российском генконсульстве. Впервые видел, чтобы консульский отдел в воскресный день превращался в церковь. Прихожан много, и самые разные – русские, европейцы, американцы, китайцы...

– Для нас это большая радость, что позволяют служить в консульстве. Хорошо, что руководство так лояльно к православной общине. Для диппредставительства ведь это дополнительная нагрузка. А в храмах до недавнего времени нам позволяли служить на Пасху и Рождество. По китайским законам храмы не могут вернуться Русской православной церкви, но могут быть переданы Китайской автономной церкви – если она когда-нибудь будет восстановлена.

Михаил Дроздов – основатель «Русского клуба в Шанхае» и портала «Восточное полушарие» – самого популярного за границей русскоязычного интернет-ресурса

Протоиерей Алексей (Киселевич) совершает воскресное богослужение в консульском отделе российского диппредставительства

ОБИХОД ПИСЦА

АВТОР

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАЛУЖСКИЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР СЕРГЕЙ НЕЛЮБОВ ВОССОЗДАЛ РАБОЧЕЕ МЕСТО РУССКОГО ПИСЦА КОНЦА XVIII ВЕКА. УНИКАЛЬНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ СОБИРАЛАСЬ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И ВПЕРВЫЕ БЫЛА ВЫСТАВЛЕНА В ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ В МУЗЕЕ КНИГИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ (РГБ).

ГЛАВНЫМ ЭКСПОНАТОМ выставки «Русские письма. Обиход писца» стал стол писца рубежа XVIII–XIX веков. На первый взгляд простенький деревянный ящик с наклонной столешницей.

«Стол писца – вещь редчайшая, – рассказывает Сергей Иванович, – ни в ГИМе, ни в каком другом музее нет рабочего места писца с полным набором инструментария и утвари, которыми он пользовался. Сохранились аристократические

бюро XVIII века, небольшие дорожные сундучки для письменных принадлежностей конца XIX века, а самого обычного стола, за которым работал русский писарь, нет. Порой за такой стол выдают скрипторий, что, конечно же, некорректно – это западноевропейский предмет».

Стол писца Сергей Иванович искал много лет. Раритет был найден в заброшенной деревне в Архангельской области. Старый дом оказался наполнен мебелью XVIII–XIX веков: сундуками, поставцами, столами, шкафами, зеркалами, светцами... Скорее всего, в доме жили староверы, которые оставили его в послевоенные годы. Чтобы вывезти оттуда предметы, пришлось строить через реку временный мост на сваях. Стол писца, конечно, выглядел не как на выставке – на его реставрацию ушел целый

Скульптура «Калужский летописец», вырезанная из липы членом Союза художников России Валерием Барановым, исторически более точно отображает работу книгописца

Скобельник – не что иное, как инструмент для исправления ошибок: острым концом ошибку зачищали, гладким – заглаживали. Скобельник вызвал особый интерес у посетивших выставку научных сотрудников РГБ – с таким предметом они познакомились впервые. Так же как и с песочницей. Песок служил «промокашкой» для только что написанного текста, поэтому в конвертах с письмами того времени часто можно было слышать пересыпающийся песок. Песочницу, напоминающую «лампу Аладдина», Сергей Иванович то и дело берет в руки, чтобы продемонстрировать посетителям, как работает «песчаная промокашка». А неспециалистов на выставке особенно удивлял клык медведя, служивший лощилкой – инструментом для разглаживания бумаги.

мог служить для написания документов и писем. Возможно, им пользовался войсковой или волостной писарь, а может быть, дяк, служивший при священнике. Для удобства транспортировки у стола имеются две большие кованые ручки. Писарь мог брать с собой этот стол для работы на выезде, погрузив его на телегу. Однако Сергей Иванович полагает, что, скорее всего, данный стол – из обихода старообрядцев, которые занимались переписыванием книг и в XIX веке.

Изящно
оформленная
Псалтырь –
пример книги,
с которой
часто работали
переписчики

Стол писца
содержит более
30 инструментов
и утвари
книгописца

В деревянном пенале для свечей лежат восковые свечи. Хотя до начала XX века свечи были в основном сальные. Теперь их не найти. Основу сальных свечей составлял топленый говяжий или бараний жир. Ясно, что при таком составе ими любили лакомиться мыши, и во времена голода сальные свечи шли в пищу. Надо сказать, писцы были в особых отношениях с сальными свечами. Известно, что свечи помогали совершать якобы случайное уничтожение документов. Достаточно было писцу оставить на ночь свечу, завернутую в текст, или поставить подсвечник так, чтобы жир капнул на бумагу – мыши съедали свечу вместе с документом...

Есть в экспозиции очень необычный подсвечник, хоть он и не из обихода писца. Донышко подсвечника служит круглой печатью. «Священник Волков» отпечатывается, если поставить подсвечник на горячий сургуч или воск.

А что это за странный медный гребень среди предметов в столе? «Бородочёс, – объясняет коллекционер. – Здесь он потому, что мой писец был бородатый и усатый. Это весьма

Медная песочница и странные ножницы-съёмы для снятия нагара со свечи в наши дни предметы-загадки

Чернильные «орешки» образуют насекомые орехотворки. Народное название – «дубовый виноград»

интересный бородовой гребень XVIII века. В его прорезной форме читается вся картина мироздания: кони, бегущие по небосводу, древо жизни, пустившее могучие корни в землю, и солярные знаки, украшающие всю поверхность. Также у меня есть «бородовой знак». На этом монетовидном жетоне изображены борода и усы с указанием года, за который уплачен налог на бороду. Но к писцу это вряд ли могло относиться. Налог на бороду, введенный Петром I, обязаны были платить представители знати, на простолудинов это не распространялось».

ЧЕРНИЛА «КОПЧЕНЫЕ» И «ОРЕШКОВЫЕ»

Чернильниц у Нелюбова – целая коллекция. Если бы не вставленные в них гусиные перья, сложно узнать в этих плоских металлических предметах чернильницы. Одну из них, с изображением льва и единорога – символом Московского печатного двора – Сергей Иванович подарил Музею книги. Как ни странно, среди экспонатов музея ни одной русской медной чернильницы нет. Большинство чернильниц были подвесные – их носили на поясе или на шее. Редчайший экземпляр – большая восьмигранная чернильница с надписью: «1718 году чернильница Родиона Васильева сына Токалова». Не меньшая редкость – чернильница со смешным «секретом». На ее пробке изображена птица: с одной стороны – гордый вид спереди с распушенными крыльями, с другой – вид сзади, одна гузка.

Наливали чернила в узкое горлышко чернильницы через «чивье» – ложку, в центре которой делали отверстие. Ложка на столе писца лежит, но целая. «Продырявить экспонат у меня

Чернильница, уникальная и своей формой, и надписью «чернильница»

ОТ ДОСКИ ДО ДОСКИ

Надо сказать, что в старину книгописцы не только сами чернила готовили, но и выполняли несложную работу по оформлению книг. Для этого в столе хранились маленькие горшочки, где мыли кисти и разводили краски; ступка – для растирания красок. У одного из глиняных горшков дно сточено так, чтобы он стоял под удобным наклоном. Судя по следу, стачивали дно о кирпич или жернов. Писец мог рисовать орнаменты в тексте, делать оттиски иллюстраций с помощью ксилографических досок. Одна из таких досок – с изображением сцены Благовещения Пресвятой Богородицы – имеется в коллекции. Возраст – около 300 лет. Сюжет рисунка искусно вырезан штихелем на деревянном брусочке из груши.

«Я испортил 20 листов, пока у меня получилось сделать оттиск с помощью этой доски, – делится впечатлениями Сергей Нелюбов. – Очевидным способом – как сейчас ставят печати – это никак не получалось сделать. Пришлось расспрашивать стариков-староверов, которые еще помнят, как пользоваться ксилографическими досками. Сначала нужно валиком раскатать типографскую краску на плотную бумагу или фанеру, добываясь его однородного смачивания. Затем смоченным валиком прокатить по резному изображению на доске-штампе, далее прикладывают лист и обычной

рука не поднялась, – говорит Сергей Иванович, – простая народная ложка XVIII века – довольно большая редкость. А такого рода ложку или посуду, скажем, XVI века вообще найти невозможно».

Что касается чернил, то это самый изученный предмет в работе писца. Сохранились сведения о том, как готовили чернила на Руси начиная с XV века. Самые простые – «чернило копчёно» из сажи с «вишнёвым клеем». Чернила варили из коры деревьев вместе с железными предметами, в качестве кислоты добавляя уксус, ягоды растений, кислые щи, квас, брагу. Самыми лучшими и долговечными считались «орешковые» чернила. Их изготавливали из «орешков-галлов» – шаровидных наростов на ветвях и листьях дуба. «Орешки» замачивали в воде с медным купоросом, применяя различные добавки – в разных регионах свои. В коллекции Нелюбова есть футляр для таких «орешков», по форме напоминающий дубовый лист. Вещь уникальная, предназначение футляра определили по тому, что найден он был вместе с лежащими внутри галлами.

Представленное на выставке письмо в Калугу 1826 года написано как раз «орешковыми» чернилами. Текст прекрасно сохранился. Безвестный купец просит купца Абрама Леонтьевича Тишкова в «Железном ряду» прислать «поскорее 300 безменов ременных», при этом «цену лишнюю не полагать».

Карандашница с изображением писца, возможно, была сделана в мастерских усадьбы Абрамцево

Цера источает очень приятный аромат пчелиного воска

медной или оловянной ложкой доводят оттиск «до ума».

Для тиснения украшений на коже переплетов использовали специальные клише, штампы, басмы, роли, также собранные калужским коллекционером. Переписчики могли сами закреплять книжные застёжки. Обложки, как правило, представляли собой тонкие дощечки – отсюда и пошло выражение «прочитать от доски до доски». В торец одной дощечки крепили застёжку, в торец другой – ответную часть. В коллекции Сергея Нелюбова 35 разнообразных застёжек: с изображениями святых (судя по большим ключам в руках, чаще других на застёжках фигурирует святой апостол Петр), с оригинальными растительными и геометрическими орнаментами, стилизованными птицами, фигурками ангелов, старообрядческой символикой, с изображениями светских особ, смотрящих друг на друга с парных застёжек... В столе писца лежит миниатюрный молоточек на костяной ручке – им застёжки прибивали. Запас мелких гвоздиков – на любой случай: для медных застёжек – медные гвозди, для серебряных – серебряные, для золотых – золотые.

Свою коллекцию Сергей Нелюбов собирал двадцать лет. Почти все предметы найдены в Калужской и Московской областях. Подсвечник «священника Волкова» – из города Кирова Калужской области. На чердаке старого дома его нашел школьный учитель труда Александр Мохначёв. «Колка» – из деревни под городом Сухиничи. Уникальный гасильник для свечи с фигурой монаха найден возле города Бронницы и подарен Нелюбову московским коллекционером Дмитрием Радченко. Старинные кисти – подарок москвича Сергея Тарасова, у которого предки были художниками и передавали кисти из поколения в поколение.

Ну а первыми предметами в коллекции стали книжные застёжки.

Увлекательными рассказами о предметах Сергей Иванович рисует целый мир русской письменной культуры

«ПРИ СЛАВЕ БУДИ СМИРЕН»

Стол писца дополняют предметы из других эпох. Стекланная мухоловка XIX века – изделие Дятковского стекольного завода Орловской губернии. Напоминает большую лабораторную колбу. Вместо дна – загнутые внутрь края. Мухоловка ставится на блюдце с вареньем-приманкой, мухи заползают под стекло и выбраться оттуда не могут – кружат по мухоловке до потери сил. Чтобы насекомые недолго жужжали и быстро погибали, в загнутые края мухоловки наливали мыльную воду. Хотя кто как. Есть сведения, что общим раз-

влечением чиновников-бездельников на службе было разглядывание летающих в мухоловке мух. В Финляндии такие мухоловки производят до сих пор и с успехом используют по назначению. Надо сказать, предмет этот мог быть и у писца XVIII века – в России подобные мухоловки тогда уже делали из толстого зеленого стекла.

Разлинованная черная дощечка – не что иное, как «аспидная», или «грифельная», доска, служившая в церковно-приходских школах учебной «тетрадь». Для досок использовался черный сланцевый камень, который раз-

Редкие металлические клише XVIII века для оттиска на кожаных обложках книг

резали пилами и вставляли в деревянную рамку. Доски разливывали по-своему для письма и математики. Ученики писали мелом, грифелем или алюминиевым стержнем.

А вот ученическая доска X–XI веков – cera, залитая воском. Эту дощечку по заказу Сергея Ивановича изготовили из можжевельника как точную копию древнерусской церы. Металлические заостренные стержни-писала, с помощью которых по воску чертили буквы, подлин-ные, 10 редких экземпляров с различными украшениями. Кстати, писать по воску, а также заглаживать написанное об-

ратной стороной писала вполне удобно.

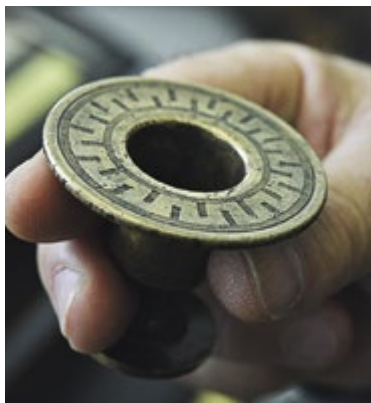
В экспозиции выставлены удивительные перстни-печатки, нателный крест и копоушки с надписями, выполненными замысловатой вязью. Написанное нужно разгадывать как сложнейший ребус. «При славе буди смирен» – выведено на перстне изречение Александра Македонского; на другом перстне значится «Печать Григорья Фомина с насады». «Насада», как объяснил коллекционер, это большая древнерусская лодка. Некоторые надписи выполнены тайнописью, так что прочитать их однозначно невозможно...

Вспоминаются строчки Пушкина: «Старик, закрыв святую книгу, застёжки медные сомкнул»

Пробка чернильницы с изображением птичьей гузки – пример юмора XVIII века

В конце экскурсий Сергей Иванович предлагал посетителям предметы-загадки – необычные вещицы из прошлых столетий из кунсткамеры своего частного музея «Вотчина». Никто ничего отгадать не смог. В самом деле, очень сложно узнать в странных костяшках шахматные фигурки XII века. Или понять, что складной серебряный венчик служил светским дамам для размешивания шампанского в бокале. Да и открыть ключом изящный кованный замок-лошадку, на который запирается стол писца, никто не смог.

Однако, как признается Нелюбов, в столе писца не хватает еще трех вещей: линейки, «карамсы» и циркуля (по-старому – «кружала»). Как ни странно, обычную линейку XVIII века чрезвычайно трудно найти. «Карамса» (или «керакса», «тиракса») – инструмент для линования бумаги. Представляет собой рамку с натянутыми жилами животных или веревками, которые вдавливали в бумагу тяжелым предметом. Сергей Иванович пытается отыскать и эти редчайшие вещи: тогда можно будет увидеть «полный комплект» русского писца. **Н**

Подсвечник с подставкой-печатью «Священник Волков»

БИБЛИОТЕКАРЬ НА КОНЕ

АВТОР

**ЕВГЕНИЙ
РЕЗЕПОВ**

ФОТО

**АНДРЕЯ
СЕМАШКО**

ИЗВЕСТНЫЙ
ПУТЕШЕСТВЕННИК,
СОВЕРШАЮЩИЙ
МНОГОКИЛОМЕТРОВЫЕ
ПЕРЕХОДЫ
НА ЛОШАДЯХ, ВЕСНОЙ
ОТПРАВИЛСЯ В ПОХОД
ПО РОССИЙСКИМ
ГОРОДАМ, КОТОРЫЕ
ПРИМУТ ЧЕМПИОНАТ
МИРА ПО ФУТБОЛУ – 2018.
55-ЛЕТНИЙ ЦЗИН ЛИ
РАССЧИТЫВАЕТ
ВСТРЕТИТЬ ФИНАЛ
ЧЕМПИОНАТА
В МОСКВЕ.

— **Т**Ы СЛЫШАЛ, ЧТО ветеринар сказала? Седло не подходит! Надо выше его поднимать! — объясняет Дмитрий Савицкий.

— Мой не понимает. Как не подходит? А то как же я ехал тысячу километров? — расстраивается Цзин Ли.

Китаец отходит в сторону от своего коня, садится на чурбак рядом с палаткой и грустно смотрит вдаль. Кажется, задуманное им путешествие — под угрозой срыва. И если бы не гостеприимство Дмитрия, еще неизвестно, что с ним было бы...

ПРИВАЛ В НОВОНАТАЛЬИНЕ

В конце марта Дмитрий Савицкий возвращался из Ставрополя в родной Ростов-на-Дону. В пути услышал новость: где-то поблизости пролегает маршрут необычного путешественника. Китаец верхом на коне совершает поход по городам, в которых пройдут этапы чемпионата мира по футболу. Дмитрий подивился и подумал, что было бы интересно посмотреть на этого чудака.

...Всадника он увидел после того, как проехал Невинномысск. Усталый человек в пыльном плаще покачивался в седле, к которому были приторочены дорожные мешки. Дмитрий поравнялся с ним и спросил: «Это вы тот самый путешественник?» Разговорились. Цзин Ли объяснил, что два дня назад он выехал из Усть-Джегуты в Карачаево-Черкесии. Дмитрий, который вместе с женой Надеждой на своей конюшне под Ростовом-на-Дону выращивает лошадей донской породы, пригласил нового знакомого заехать в гости. Набросал на клочке бумаги карту, дал свой номер телефона. Цзин Ли заверил, что обязательно приедет. И слово свое сдержал.

За несколько дней до его визита на конюшне Савицкого ожеребилась кобыла. К малышу мамаша никого не подпускала, буянила. И вот как-то вечером Дмитрий ведет кобылу в леваду и чувствует, что она сильно нервничает. Глаза поднимает — а напротив

Цзин Ли придирчиво осматривает седло, в котором проведет путешествие по всему футбольному меридиану мундиала

человек в старой офицерской фуражке, которую можно только в фильмах про Первую мировую увидеть. Цзин Ли! Приехал, как обещал. Китаец меж тем молча привязывал к столбу поводья своего коня. «Ли! — закричал Дмитрий гостю. — Уведи коня дальше, иначе сейчас беда будет!» Только когда путешественник коня отвел и дончаки успокоились, Дмитрий смог познакомиться с женой и своими конюхами.

Пришел Цзин Ли со стороны хутора Островского. В пути разрядилась батарея сотового телефона, зарядить ее было негде, китаец заплутал, и ему пришлось расспрашивать дорогу до села Новонаталино. А тут еще конь холку натер... Так что весь день

Цзин Ли шел пешком, ведя своего Карамана в поводу. У коня весь живот в грязи, морда — в пыли, подковы на копытах почти болтаются, вся шкура в волдырях от укусов комаров. Еще бы — хвост и грива-то острижены. В общем, беда.

На следующий день рана на холке Карамана воспалилась и опухла. Цзин Ли стал втирать в нее уголь из костра. Тут уж Дмитрий не выдержал, съездил на конезавод «Донской» и привез ветеринара Екатерину Данилову. Та сразу запретила использовать уголь, прописала ихтиоловую мазь и заявила, что конь должен отдохнуть недели две. А еще посоветовала поднимать седло выше, иначе беда повторится.

Цзин Ли кивал, соглашаясь. И вздыхал: выхода нет, придется задержаться, но ведь тогда до Волгограда к назначенному сроку он добраться не успеет. Это не первое его путешествие, которое оказывается под угрозой срыва, грустно признался путешественник Дмитрию.

ПОКЛОННИК ПРЖЕВАЛЬСКОГО

Когда в семье экономиста-статистика в 1963 году в городе Ухане родился сын, то отец не мог и представить, что наследник вырастет горячим поклонником русского путешественника Николая Пржевальского. Не было к этому никаких предпосылок. Даже тогда, когда Цзин Ли окончил университет, получив специальность библиотекаря. Все перевернула монотонная работа в библиотеке Шэньчжэньского университета. Мечтая о дальних краях и опасных путешествиях, молодой библиотекарь Цзин Ли в начале 1985 года принял неожиданное решение: нужно объехать весь свет на коне!

Первое путешествие он решил совершить по СССР. Синолог Григорий Ткаченко, с которым Цзин Ли познакомился, помог скромному библиотекарю получить визу и приехать в Москву в 1990 году. Но краткосрочной

визы для большого путешествия было мало. Годовую визу Цзин Ли смог получить только в 1993 году. Ее хватило на короткие походы в 200 километров по Забайкалью.

Для конных походов нужны опыт и деньги, так что с профессией библиотекаря Цзин Ли пришлось расстаться. Работа представителем фабрики, выпускающей дискеты для компьютеров, помогла скопить денег на первые поездки в Россию.

В 1998 году на призыв Цзин Ли отправиться в групповой конный поход откликнулись с десяток иностранцев, обучавшихся в Москве, – американцы, французы, монголы, нигерийцы. Путешествием на лошадях от Москвы до Пекина группа собиралась отметить наступление нового тысячелетия. Но... Подошло время отъезда, а из всей команды остался только один Цзин Ли. После этого он решил всегда путешествовать в одиночку.

До 2007 года, когда Цзин Ли отправился в свое первое настоящее конное путешествие, из Уфы в Китай, он успел получить российское гражданство, жениться в Москве на русской девушке, обзавестись сыном и сменить немало профессий. Трудился представителем строительной фирмы,

Хозяева конюшни Надежда Скрипкина и Дмитрий Савицкий не только приютили и обогрели, но и нашли для китайского гостя много теплых слов поддержки

продавал мебель, подрабатывал репетиторством – давал уроки китайского языка в Москве. И копил деньги на осуществление своей мечты – объехать на лошади Евразию.

ПРЕВРАТНОСТИ ПУТИ

В августе 2007-го, взяв спальный мешок, одежду, палатку и фотографию сына, Ли отправился в путь на лошади башкирской породы. Собираясь прибыть на Олимпиаду 2008 года в Пекин, он проходил не менее 50 километров в день. Путь его пролегал от Уфы до границы с Китаем. Правда, ему пришлось задержаться: пережидая морозы, Ли провел всю зиму в каком-то глухом селе Новосибирской области. 10 марта 2009 года, спустя 600 с лишним дней, преодолев почти 9 тысяч километров, он прибыл в Пекин. А затем продолжил поход, решив объехать на лошади западную часть Великой Китайской стены. Во время всего этого путешествия он сменил 9 лошадей, преодолев в седле 12 тысяч километров.

Во второй большой конный поход Ли отправился в ноябре 2016 года. Потратив 8 тысяч юаней на покупку лошади, Цзин Ли начал путешествие к истоку Хуанхэ из устья реки в Дуньине. Днем двигался по государственной дороге вдоль реки, а вечером ночевал под открытым небом в палатке. В январе 2017 года Цзин Ли прибыл в Сиань, пройдя 6 тысяч километров.

Его отец Ли Файли, всегда морально поддерживавший сына в его романтических затеях, умер, не дождавшись славы и признания, которые приобрел Цзин Ли. Старшему брату, переехавшему в Канаду, приключения младшего были неинтересны. Мать путешественника собирала все сведения о подобных путешествиях и пересылала Ли. Сравнивала его с Пржевальским. Но она недавно умерла. Жену Цзин Ли путешествия мужа раздражали. А 19-летний сын отказался поддержать отца в походе, посвященном чемпионату мира по футболу в России.

Цзин Ли давно хотелось пройти на коне Россию с юга на север, совместив часть маршрута с бассейном Волги. Посещение городов чемпионата мира по футболу придаст красоту его путешествию, считает Цзин Ли. В марте он приехал в Карачаево-Черкессию, чтобы купить коня выносливой и неприхотливой карачаевской породы. Местный конезаводчик Хасан Салпагаров, узнав о цели путешественника и его планах, подарил Цзин Ли семилетнего коня, которого тот назвал Караманом. Первая часть имени – «Кара» – дана в честь гостеприимных жителей Карачаево-Черкесии, а «ман» – это слог из названия конечной цели пути, Мурманска, куда Цзин Ли собирается добраться примерно через полгода. 21 марта в Усть-Джегуте состоялись торжественные проводы, и путешественник отправился навстречу новым приключениям.

На третий день пути Цзин Ли попал в метель. Зато убедился, что Караман машин не боится: Ли ехал то по обочине трассы, то прямо по асфальту. Первая большая остановка была в Сочи: здесь ему понравился «Фишт», первый стадион, который он посетил. В Сочи же Цзин Ли перековал коня. Под Краснодаром Цзин Ли настиг сильный град. Путешественник волновался: как Караман его перенесет? А тут еще конь, как назло, закапризничал, стал часто переходить на рысь, а то и в галоп. Что совершенно не устраивало Цзин Ли, который предпочитает, чтобы лошадь под ним шла шагом. После очередного «выяснения отношений» Караман, будто в отместку, стал идти таким медленным шагом, что Цзин Ли приходилось его подгонять. В итоге, доехав до Ростова-на-Дону, путешественник задумался: а не сменить ли ему коня, оставив Карамана в качестве выючной лошади? Ведь именно так он поступал в предыдущих походах. А тут еще Караман холку натер, так что Цзин Ли пришлось спешиться, вести коня в поводу и констатировать, что с такой скоростью передвижения запланированное путешествие никак не уложится в шесть месяцев.

Маленькая зеленая палатка – походный дом Цзин Ли

ПОДХВОСТНИК, ЧЕПРАК И ПОДКОВЫ

– Хвостье... Пахва! – подсказывает продавщица Дмитрий, видя, что она никак не может понять, о чем у нее спрашивает иностранец с загорелым лицом. Продавщица кивает: мол, ну так бы сразу и сказали, что нужен подхвостник (ремень от седла, в который продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало ей на шею. – **Прим. авт.**).

В магазин Дмитрий и Ли пришли за вальтрапом (чепраком), но китайцу захотелось обновить и подхвостник. Все имеющиеся в магазине изготовлены в Польше и Италии. А Ли хочет подхвостник российского производства. Вальтрап же велела купить ветеринар Екатерина. Продавщица спрашивает, какое у Ли седло. «Казачье!» – отвечает вместо него Дмитрий. Ли шупает вальтрап, приценивается. Потом что-то вспоминает и медленно, стараясь быть понятным, говорит продавщице: «Копыть, копыты!» Тут помощь Дмитрия не требуется: продавщица сразу догадалась, что нужно показать. «Сейчас я вам единичку и двоечку покажу», – говорит она, высыпая на прилавок подковы. Ли интересуется производителем. Услышав «Китай», недовольно морщит-

ся. Дмитрий посмеивается над своим другом, когда тот слышит, что и гвозди к подковам – тоже китайские. Ли со вздохом перебирает гвозди и примеряет их к подковам. Неслучайно он так придирчиво изучает и подковы, и гвозди: а если придется перековывать коня в чистом поле? Так что все должно быть надежно.

Ко всему прочему Ли покупает китайские клещи для обрезки копыт и немецкий копытный нож. Каждый предмет он взвешивает в руке, подолгу примеряется к нему, что не нравится продавщице, которая спешит упаковать покупки. «У него каждый грамм на учете. Если больше возьмет, то себя придется в пище ограничивать, – разъясняет Дмитрий женщине. – Может, сделаете скидку для путешественника из Китая?» Продавщица в скидке отказывается, даже узнав о цели похода покупателя. Когда друзья выходят на шумную улицу Ростова-на-Дону, Ли возмущенно говорит, что в Китае набор подков стоит столько, сколько одна подкова в России. А еще он негодует по поводу отсутствия производителей подков в стране. Как это так? Дмитрий успокаивает гостя: подковы в России делают, просто вот именно сейчас ему

не повезло – в магазине их не оказалось.

Вообще, о подковах Ли готов говорить часами. За неделю ходьбы по городскому асфальту или бетону лошадь стирает подковы, на которых Ли проходит 500 километров по грунту. Да вот еще нынешние подковы натирают Караману ноги. Ли решил, что на подковы нужны резиновые прокладки. Вырезать их можно из совсем старых покрышек, при изготовлении которых использовались тканевые нити, а не проволока. Ткань ведь лучше амортизирует. «Где ж я тебе такую резину найду?» – удивляется Дмитрий.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ВСАДНИКА

За эти дни Дмитрий немного устал от просьб гостя. Слушал он Ли и невольно задавался вопросом: из какого временного измерения прибыл китаец, раз критикует современные города и дороги, не приспособленные для передвижения лошадей? Вот Ли долго жаловался, что в Сочи много спусков и подъемов, а улочки слишком узки для лошади. И арки в проходных дворах низкие для всадника. Не удовлетворил его в этом плане и Ростов-на-Дону. Дмитрий на своей машине провез Ли по дороге от ростовского стадиона до своей ко-

На протяжении
6 тысяч
километров
у них одна жизнь
на двоих

нюшни. По спидометру получилось 30 километров. Туда и обратно – 60. Для Карамана, каждый шаг которого у Ли сочитан, это лишняя нагрузка. Путешественник присмотрел лужок недалеко от стадиона, где он мог бы разбить палатку, переночевать и явиться на стадион на отдохнувшей красивой лошади. Такое место он находит рядом с каналом, который идет от Дона. Трава буйная, вода чистая. Но дорожки вымощены плиткой и бетоном. Это ужасно для коня. «Я не поеду на стадион, – вдруг говорит Ли, разглядывая белоснежный купол «Ростов Арены» в окно. – Я его уже видел!» Дмитрий пришел в ужас: появления путешествующего на коне китаецца на «Ростов Арене» уже который день ожидали жители города. Желających сфотографироваться с ним – не счесть. Горожане несколько дней назад с любопытством уже наблюдали за путешественником, когда Цзин Ли фотографировался у памятника Михаилу Шолохову на набережной Дона. Кстати, по книгам этого писателя он заочно влюбился в лошадей донской породы. Вот и Дмитрию он не устает повторять, что дончак для путешествия ему подошел бы больше, на дончаке он бы не выбился из графика и посетил бы все города чемпионата. Вот если бы ему удалось купить дончака, рассуждает Цзин Ли, то Карамана он бы использовал как выючного коня. Дмитрий и Надежда дать путешественнику дончака из своих конюшен не смогли. Единственный жеребец не годен для таких переходов. А молодые кобылы не обезджены. Пришлось везти Цзин Ли на шермиции (показательные казачьи бои-соревнования, включающие рубку мишеней в пешем строю, фланкировку шашкой, фехтование на пиках и на шашках и т.д. – Прим. ред.). Правда, и там не удалось найти дончака на продажу. Но зато приехавшие со всей области казаки пообещали Дмитрию, что будут встре-

чать Цзин Ли на своих землях, помогать и передавать его из рук в руки.

...Вернувшись из неудачной «деловой» поездки, Цзин Ли первым делом побежал осматривать своего коня, который пасся рядом с левадой. Китаец так беспокоится о Карамане, что даже отказался ночевать в доме Дмитрия на удобном диване, предпочел разбить палатку посреди лужайки: так он может хоть каждый час проверять, все ли в порядке с конем.

Сейчас Ли испугало облако мух над Караманом. Раздобыв длинную ветку, он рубит воздух вокруг, отгоняя насекомых. «Вот как на коне с такой спиной тебе ехать? – жалуется Цзин Ли сам себе, печально разглядывая рану на холке Карамана. – Ох-ох! Это теперь на две недели!» Конюх Сергей Плохотниченко соглашается и говорит, что с седлом надо что-то делать, иначе оно снова коню холку натрет. Ли скрывается в палатке и выносит седло – свое главное богатство. Не считая Карамана, конечно.

Куплено оно еще для похода вдоль реки Хуанхэ. Кожаные подпружные ремни Цзин Ли заменил на тканевые, которые не так натирают спину коня. Лука, к которой крепится поклажа, отлита из стали. Стремена Ли тоже переделал: прежние были из алюминия, путешественник заменил их на стальные. Все это Дмитрий и конюх Сергей рассмотрели еще в день приезда путешественника. Но все равно хвалят предусмотрительность гостя, чтобы поддержать его упавший дух. А лучшее средство приободрить китайца – это заставить рассказать о прошлых походах. «Ли, расскажи, как ты вдоль Хуанхэ ехал!» – просят его. Не один вечер Дмитрий и его конюхи с интересом слушали рассказы Ли.

В дальневосточной тайге его не раз принимали то за ожившего героя книги Владимира Арсеньева, гольда Дерсу Узала, то за хунхуза, то за шпиона.

Во время путешествия вдоль Великой Китайской стены Цзин

Сахаром своего Карамана путешественник не балует. Только овсом и кукурузой

Ли упал вместе с лошастью в яму. Вывихнутую ключицу вправил быстро, а вот сломанные ребра лечить пришлось долго.

В какой-то таежной деревне его пытались стащить с седла и ограбить. Но бывший библиотекарь отбил и ускакал. Самые горькие воспоминания у Цзин Ли связаны с гибелью лошади. Это случилось в Новосибирской области. Больную лошадь пришлось пристрелить... Больше у него таких драм не случилось, хотя СМИ ему приписали почему-то гибель трех лошадей.

После путешествия по Желтой реке Ли стали называть «Покорителем Хуанхэ». Он смеется над этим прозвищем. Хорош покоритель: застиранная гимнастерка, запыленные кирзовые сапоги, штаны, которые носили советские солдаты, жилет с карманами, старая офицерская фуражка... Все эти вещи Ли купил в какой-то казачьей лавке.

Но, несмотря на все свои приключения и злоключения, Цзин Ли уверен: лучшие дни в его жизни те, которые он провел в седле. «Три месяца без седла – и я уже чувствую себя больным, – жалуется он Дмитрию. – Если бы не эти трудности, то сейчас бы поил своего коня из Волги».

В ПУТИ

...Когда Ли попросил у друга кувалду, Дмитрий понял, что путешественник решил прислушаться к советам и исправить форму луки седла. Дмитрий помог ему. Теперь седло хотя бы не будет давить на холку, как прежде. А еще Дмитрий вызвался приварить на новые подковы шипы, которые должны помочь Караману по дороге, какой бы она ни была, до Волгограда. Благодаря всем этим ухищрениям, а также стараниям ветеринара Екатерины стадион «Ростов Арена» теперь смело может вписать в свою летопись визит знаменитого китайского путешественника на коне. Отдохнувший и поднабравший веса на овсе Караман выглядел отлично.

Прощаясь, Дмитрий и Цзин Ли договорились, что в будущем совершат совместное путешествие. Они запланировали отправиться через три года в поход на дончаках в Крым, а потом – на озеро Байкал. Даже успели наметить пункты предстоящего маршрута.

Напоследок Дмитрий еще раз показал Ли, как нужно правильно надевать казачью папаху, которую он ему подарил.

В четыре часа утра Дмитрий проводил Цзин Ли, еще раз объ-

Скоро
опять в седло
и в дорогу...

яснив ему дорогу. Сначала ему нужно добраться до Константиновска, потом – до Цимлянского водохранилища. А затем взять курс на Суrowикино. К началу чемпионата мира по футболу Цзин Ли рассчитывает прибыть в Волгоград.

И теперь Дмитрий, когда выпадает дежурить на конюшне, часто посматривает на горизонт и представляет, как вдоль правого берега Дона бредет конь с усталым всадником в седле. Представить, как путешествует его новый друг – несложно. Ли обо всем подробно рассказал.

Автомобилисты, заведя одинокого всадника, тормозят, здороваются, спрашивают: он ли тот самый китаец? Ему часто предлагают воду и продукты. Но Цзин Ли отказывается – нельзя увеличивать нагрузку на лошадь. Дмитрий знает, что в его клади нет даже стака-

на, вилки, ложки. Для себя Ли везет двухлитровую бутылку воды. Карамана он поит из попутных водоемов. Ночует в палатке. Спит чутко: если сквозь сон слышит беспокойное фырканье коня, вскакивает и идет смотреть, что происходит. Если вечером путника застает сильный дождь, то для ночлега он ищет старый сарай, баню, брошенный коровник. Хозяева, если они есть, никогда не отказывают путешественнику, хотя и удивляются такому странному гостю. Плату с него за кров не берут. Больше всего Цзин Ли любит есть кашу, но котелок он с собой не возит, костер во время ночлега не разводит: не хочет привлекать лишнее внимание. Огонь в степи может привлечь конокрадов да и просто лихих людей. А спокойный, незлобивый бывший библиотекарь из китайского

университета не тот человек, чтобы вступать в схватку.

Одиночество в пути тяготит Цзин Ли. Он беседует с конем и даже иногда ругается с ним. А когда ему становится совсем тоскливо, путешественник затягивает свою любимую песню из репертуара группы «Любэ» – «Выйду ночью в поле с конем...». Полтысячи верст надо отмахать Цзин Ли до Волгограда на коне. Холка у него зажила. Зерна Дмитрий дал ему столько, сколько он мог увезти в притороченных мешках. В них же спрятан запасной комплект подков. Дмитрий верит, что казаки сдержат свое слово и будут передавать китайского путешественника от куреня к куреню. А в Волгограде Ли обязательно встретятся добрые люди...

И во всех городах, принимающих чемпионат мира по футболу – тоже. ■

«МАВЗОЛЕЙ» И «ГЕРОДОТ»

АВТОР

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

НА ЗАДВОРКАХ МЕСТНОГО ДК (ДОМ КУЛЬТУРЫ, КТО ПОЗАБЫЛ) РАСПОЛОЖИЛСЯ ЗАХОЛУСТНЫЙ СКВЕР С ОДНОЙ ЛАВОЧКОЙ. НА ЛАВОЧКУ МЫ И БРОСИЛИ СУМКИ. ПОСЛЕ ФУТБОЛА ХОТЕЛОСЬ ПРИСЕСТЬ, ДА НЕГДЕ... СТАКАН (В ПРОСТОРЕЧИИ «АРШИН») МЫ НАШЛИ ПО ДОРОГЕ, В «ДУПЛЕ» УЛИЧНОГО ФОНАРЯ.

ТАКОВА БРАТСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ пьющих на улице – спрятать грабеного друга для других, новых бойцов. У фонаря внизу – дверца, типа печной заслонки. Внутри маленькая удобная ниша. Нагнулся, открыл, рукой пошарил – имеется. Нашел, использовал по назначению – не ленись, верни взад! Пригодится.

Мы стакан Серегиной футболкой протерли. Рукавом. Нормально вышло. Стакан аж заблестел на солнце.

Одно было плохо. Забор дырявенький, ржавый, а за забором оживленная улица. Машины, люди... И выход у сквера один, он же – вход. И зелень у забора какая-то чахлая. А нас-то... семь человек. И лавочка будто бы на пригорке... Могут засечь!

А зачем нам неприятности, взрослым, интеллигентным людям? Зачем? Нам до выпуска два месяца осталось. Скоро в школу. Преподавать науку историю. А пока мы свободные люди. Только что третьему курсу шесть штук вlepили! Как не отметить на воздухе?

Мячик с насосом тоже лежали на лавочке. Кому-то тащить домой... И это тоже обсудить надо. Кому охота в давке еще и грязный мячик домой тащить?

Наборчик у нас неплохой. Две пол-литры «Столичной» и четырнадцать бутылок пива. Повезло! Зашли в «Мавзолей», а там пиво есть, 37 копеек, «Жигулевское». Ух ты! Стояли всего-то минут двадцать...

«Мавзолей» – это магазинчик неподалеку, маленький такой, одноэтажный, отдельный от прочих зданий. Скромная надпись сверху – «Вино». Три ступеньки. Урна. Неопределенный серо-зеленый фон... Не слишком чистые, но большие окна. Эпоха советского классицизма.

Там ничего лишнего, только спиртное. Местный народ «Мавзолей» очень уважает, место весьма популярное. Еще бы: два заводика рядом, три института, архив и стадион «Буревестник». Не говоря уж о кварталах, спускающихся к реке. Плюс ДК, где люди искусства тоже остро переживают действительность... Короче, фразу «встретимся у «Мавзолея» здесь переводить никому не надо.

Витрина в тот день была самая обычная.

«Русская водка» – 4 рубля 12 копеек

Водка «Столичная» – 4.42

«Советское Шампанское» – 5.50

«Ркацители», сухое белое – 2.30

«Каберне», красное – 2.50

«Арбатское», красное – 1.89

«Осенний сад», в народе «плодово-выгодное» или «бормотуха» – 1 рубль 70 копеек за полновесные 0,7 литра. 19 градусов. После приема трех таких зарядов в самом деле кажется, что осень уже наступила.

Портвейн «Кавказ» – 2.50

Портвейн «Агдам» – 2.60

«Коньяк» армянский – 8.12

И так далее. Ассортимент привычный. Есть что выбрать. На самый утонченный вкус.

С портвейном мы покончили еще на первом курсе. Это на «худграфе» живописцы любили всякий день дернуть портвейша... Сухое вино – не тот случай, сухое – это с девушками... Нет, уже со второго курса мы раз и навсегда остановились на основательных напитках. На водке с пивом. Причем наши знатоки легко отличали «Московскую» от «Русской», а «Сибирскую» от «Столичной». Кое-кто уважал «Зубровку», которая появлялась не очень часто.

Сколько мы истратили? Сущие пустяки. На пиво ушло 5 рублей 18 копеек. И на водку – 8.84. Итого – 14 рублей 2 копейки. По 2 рубля с носа. При стипендии 40 рублей в месяц... Жить можно.

Закуску обеспечил дагестанец Тельман. У него с ночной смены галеты остались. Целая пачка. И кусочки подозрительной рыбы холодного копчения, завернутые в газету «Московская правда». Тельман ночами на почтамте работает, газеты грузит, расфасовывает. Культуру, словом, несет в массы. А также спорт, политику, экономику. 80 рублей, работа через ночь. Такой график не всякий выдержит. Тельман – кремень, ни разу не охнул, только частенько засыпал на лекциях по научному коммунизму. Тельман не виноват. У профессора Яма – баритон убаюкивающий. Сладкий, как персик.

Мы приняли по первой. Сережа наливал мастерски, семь раз строго по пятьдесят. «Аршин» заходил кругами. Откры-

ли горьковатое, холодное пиво, «лакернули», продолжая обсуждать перипетии матча. Настроение уплывало куда-то к небесам. Закурить после первой особенно приятно. И вот тут... Из-за угла ДК... С визгом тормозов на повороте. Прямо по дорожке к нам! Как БТР – лихо зарулил милицкий газик. Прямо у ног наших остановились колеса. Главное дело, я его на улице сквозь забор видел. Отметил периферийным зрением опасность. Но я думал, он дальше по улице промчится. Скорость приличная. Не заметит. Куда... Еще как заметил! Видно, притормозил у переулка, объехал ДК с фронта и в сквер, к нам прямо... Как в тыл врага! Как тут Сережка среагировал, не знаю... Лично я глупо курил. Пляжу, на лавочке ни водки, ни стакана – нет, как не было. А стоят только початые пивные бутылки (помните, «Жигули», 37 копеек), рыба воняет из

«Московской правды», да галеты раскрошены... Чудеса. Состоялся драматический разговор, не уступающий по накалу лучшим спектаклям соседнего ДК. Вся труппа участвовала. С одной стороны, два сержанта. Один из которых – старший. С другой – мы семеро. Каждый свою роль знал назубок! Только Тельман помалкивал. Он рыбу неспешно жевал. С каменным выражением лица. Он даже вроде скупал, Тельман... – Распиваете? В неподобающем месте? Так... – Товарищ старший сержант... – Документики... – Так ведь мы только пиво! Пиво можно, мы узнавали... – Разберемся! – Культурно после футбола... С закуской. Вот... – Да, запахок чую... Запашок хороший... Не семга, нет? – Шутите? Какая семга? Ставрида, наверное... – Это скумбрия. Жена часто берет. Осолониться, – со знанием

дела доложил второй, просто сержант. – Мы студенты, историки, товарищ сержант. Выпускники. Марксисты. – Вот от историков как раз все беды... – Это от западных историков беды, а мы свои... А главное, разве пиво нельзя? – Мы же не портвейн... – И не водку! Товарищ сержант... – А на коньяк у нас стипендии не хватает! – Вот что... У меня объезд территории. Через полчаса здесь буду. Если через тридцать минут вы еще здесь чалитесь – всех в отделение. Отделение рядом. – Да мы знаем это отделение, товарищ старший сержант! – Спасибо, товарищ старший сержант! Управимся. – Мы и посуду в урну бросим. Чтобы культурно. – Я вас предупредил. Считайте, легко отделались.

– Спасибо, товарищ старший сержант! И вам тоже спасибо, товарищ сержант!

– А все же можно пиво на улице или нет?

– Если я вижу, значит, нельзя! Ясно?

– Ясно.

– А если вы не видите, можно?

– Время, товарищи историки, как говорил Карл Маркс, не стоит на месте. Не попадайтесь.

Мотор заурчал... Газик сдал задом и скрылся за колонной ДК. Мы молчали, а потом заговорили разом... Тельман продолжал поглощать рыбу, запивая пивом. Надо было спешить. Сережа молниеносно вытащил из моей сумки бутылку водки и стакан.

– Твоя ближе была, – невозмутимо объяснил он. – За пиво не возьмут. Я это отделение давно знаю.

Самое удивительное, что он спрятал начатую бутылку так ловко, что из нее в сумку ни капли не пролилось. Бутылку подпирала мои бутсы.

Сережка разливал удивительно точно. Но настроение уже испортилось. Надо было менять диспозицию. Я сунул ставший ненужным стакан в нишу ближайшего фонаря.

И мы двинули на север. На севере был Арбат.

Не хотелось средь бела дня растерять праздник.

Да и выпили мы... По граммунечке. И по два пива на нос. Не разговор...

На Арбате мы разделились. Некоторые из нас заняли очередь в Смоленском гастрономе. Очередь стояла за пивом. Давали чешское. Дефицит. Стоило постоять. А вот другие, и я в том числе, кинулись отыскивать постового. Мы его быстро нашли, Арбат все же.

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться!

– Пожалуйста.

– Вот мы с ребя... Мы с товарищами хотим выпить пива.

– Чешского? Знаю. В гастрономе только что завезли.

– Так вы уже знаете? Вот же родная милиция... все знает.

– Мы что – не люди?

– Так вот... Товарищ лейтенант! Мы хотим выпить пива культурно. Но не дома. До дома далеко. Скучно. А вот на лавочке. Это разрешено?

– Так... Понял... Если вы будете пить на Арбате, где я дежурю – нельзя. Категорически. А вот там, справа... в переулке, видите? Там есть скверик, лавочки. Там – пожалуй... Можно. Но чтобы тихо и культурно. Вы, вижу, не хиппи. И не лимитчики?

– Да вы что? Мы студенты. Педагоги. Мы сами за культуру и порядок во всем мире.

– Молодцы. Так, значит, договорились, педагоги? Чтобы тихо и культурно вон в том переулочке. Ясно?

– Ясно, товарищ лейтенант. Спасибо.

Тем временем наши друзья купили пиво. Им помог знакомый грузчик. Выдал без очереди. Рублик за усердие, разумеется. Чтобы не мелочиться, они взя-

ли ящик. 16 штук. Так и несли пиво к нам, в ящике. Так было удобнее. Милиционер отвернулся. Мы пересекли Арбат и пошли в переулок.

Лавочки стояли полукругом. За ними росли какие-то чахлые деревца, уютно закрывающие солнце. Метрах в пятидесяти за деревцами высилось здание МИДа.

Мы даже не поверили своему счастью. Вытянув усталые ноги и поставив ящик на землю, мы размышляли после первого глотка: как символично и неправдоподобно – пить пиво у самого МИДа! Пусть даже с тыльной его стороны... И безопасно – товарищ лейтенант разрешил! И в теньке.

– И пиво-то какое! Пльзень! – уточнил кто-то из нас. – Не зря с Плющихи топали... Тишина, покой... Сказка...

И немедленно наш покой был нарушен.

Из кустов вылез потрепанный мужчина, при галстукке, пиджаке и чемодане. Спал он в этих кустах, что ли? Он обратился к нам, ко всем сразу, отряхивая брюки:

– Друзья! Извиняюсь, что беспокою. Нельзя ли буквально глоток заслуженному...

– Нельзя! – сурово ответил Серега. – Бреди отсюда.

«Пиждак» и не подумал брести. Он был настроен исключительно миролюбиво. Он даже улыбался нам.

– Ах, как я вас хорошо понимаю. Поверьте и послушайте меня две минуты. Две минуты всего. Ну, вот история... Раньше я стриг вон тех уважаемых граждан с высокими этажей, покидающих родину по дипломатическим каналам. И хорошо стриг, на высоком международном уровне. А теперь – уволен. Жертва наветов. За анекдот, который не рассказывал, а рассказал его, между прочим, мой сменщик, Кузнецов Илья Аркадьевич. А он, между прочим, такой же Кузнецов, как я Мао Цзэдун.

– Алё, дядя, короче!

– Короче? А что короче? Жена выгнала из дома. Остался на улице без угла и работы. Советский парикмахер высшего разряда должен побираться... Живу на лавочке этой, пока тепло... Хотите?

Дядя достал вдруг из чемодана сверкнувшую на солнце машинку для стрижки волос.

– Вот! Мой любимый «филиппс»! На батарейках! Подстригу так, как никто и нигде вас не подстрижет. Ни в одном салоне города! Кто хочет? Любого! Всего за одну бутылочку пива, подстригу прямо здесь. Любая прическа на выбор клиента.

Мы даже оторопели. Молча тянули из бутылок. А дядя уже плакал и комкал галстук.

Вкус пива как-то испортился. Трудно наслаждаться пивом, когда напротив сидит на земле и рыдает в голос какой-то мятый мужик.

– Ну все... Мне эта картина Репина «Не ждали» приелась! Пошли отсюда, – предложил я.

И мы пошли, а вернее, поехали – в «Геродот».

Оставили на лавочке недопитую бутылку чешского взволнованному экс-мидовскому парикмахеру, клятвенно обещавшему отнести пустой ящик в угловой Смоленский гастроном, – и ушли.

Никогда мне этот хваленый Арбат особо не нравился... Ни флора, ни фауна.

«Геродот» встретил нас ласково, как своих.

«Геродот» – это маленькая пивнушка-стоячка в Старосадском переулке, подвальчик с виду самый обычный. Ходили туда читатели Исторической библиотеки, где и мы просиживали часами, работники закрытого НИИ или КБ, обитатели соседней Маросейки... Названия не было, это мы придумали – «Геродот». То есть не мы, а те студенты-историки, что учились, читали и пили пиво здесь пораньше нас. Ну а мы – подхватили традицию.

Как раз перед нами две компании допили и вышли на улицу,

и нам достались пустые кружки – большой дефицит тех дней. И пустой столик достался.

Пиво, 22 копейки за большую, имелось в наличии, а буфетчица к вечеру устала кричать, чтобы курили на улице. Сушек соленых, копейка за штуку, уже не было, кончились сушки. Но Тельман подкупил в соседнем лабазе хвостик какой-то пахучей рыбы.

Очень скоро к нам присоединились знакомые и друзья, завершившие исторические экзерсисы на сегодня и желавшие принять «с устатку», а заодно щедро поделиться знаниями к завтрашнему семинару по историографии Древней Руси.

Да и наши рассказы взволновали: тут и победа над третьим курсом, тут и короткий диспут на Плющихе с бравым сержантом, тут и чешское у МИДа, тут и припадочный парикмахер на лавочке...

Кто-то сходил за чебуреками, кто-то конспиративно соорудил всем «ерша», капнув припасенной водочки в кружки с пивом, кто-то угостил свеженьким кубинским «Партагасом» без фильтра...

Было радостно и привольно. Не скучно было. Вечер пришел незаметно.

Дело было не в выпивке, а в желании общаться, разговаривать, спорить, смеяться, слушать, мотать на ус среди таких же молодых, как ты сам.

Мы словно чувствовали, что такая возможность скоро исчезнет, улетучится, пройдет, испарится, а начнется какая-то иная, взрослая, трудовая, состоящая из повседневных забот жизнь. У каждого – своя.

Она и началась, и пришла навсегда – весьма скоро.

Но тот день остался в памяти праздничным, легким, потому что мы были вместе.

Наутро я обнаружил, что вчера мячик с насосом доверили нести именно мне. Вон, пакет в прихожей валяется.

На первую лекцию я решил не ходить, первая была – у профессора Яма. 📍

ОДИН ДЕНЬ ЧЕМПИОНАТА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

«ДА ТЫ ТУТ КАК У ХРИСТА ЗА ПАЗУХОЙ!» – НАД ЧЕРНОБОРОДЫМ КОЛУМБИЙЦЕМ, ВОЛЬГОТНО РАСКИНУВШИМСЯ НА ГАЗОНЕ, СКЛОНИЛИСЬ ДВЕ БЛАГООБРАЗНЫЕ СТАРУШКИ. УЖЕ МИНУТ ПЯТЬ ОНИ ЧТО-ТО ОБЪЯСНЯЮТ ЕМУ ПО-РУССКИ, А ОН В ОТВЕТ ТОЛЬКО УСТАЛО УЛЫБАЕТСЯ И БОРМОЧЕТ ПО-ИСПАНСКИ: «АМИГО...»

СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ/ТАСС

В ЭТО УТРО ГАЛИНА Николаевна Суркова и Любовь Владимировна Колоскова шли в собор Святого Феодора Ушакова, с любопытством осматриваясь по сторонам. Весь газон вокруг храма занят сотнями болельщиков из Колумбии. Кто-то свернулся калачиком, кто-то прикрыл лицо широкополой шляпой, кто-то накрылся пледом невообразимой расцветки...

Когда неделю назад здесь точно так же расположился табор перуанских болельщиков, Галина Николаевна и Любовь Владимировна, пробираясь к собору, даже крестились от испуга. Правда, позже подруги убедились, что футбольных фанатов, съехавшихся в маленький Саранск, бояться нечего. Теперь-то они знают, что фанаты любят обниматься и целоваться с местными жителями. Ведут себя прилично. Вежливы. Даже мусор за собой убирают. А тут еще некоторые из них стали заходить в церковную лавку, в которой работает Галина Николаевна. Покупают крестики, складни, иконки.

Но больше всего тронуло подруг то, что в числе болельщиков есть и инвалиды. Вот недавно колумбийка со своей безногой матерью три часа в соборе провели, молились, просили исце-

ления. Священник им даже икону подарил...

Колумбийцам подруги явно симпатизируют больше, чем японским болельщикам. У тех наряды черно-белые, да еще драконы какие-то на одежде изображены. «Ох, достанется колумбийцам от японцев, – качают головами старушки. – Тем более что приезжает японская принцесса им на помощь! Ах-ах! Вон, посмотри, какой самурай пошел, хоть всех святых выноси!»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МИХАИЛ СЕРБИНИУМ / НОВОСТИ

Мимо нас шел разодетый в синие доспехи низкорослый плотный японец. Многие прохаживаются с ним. Еще бы! Самурайское облачение, рогатый шлем с устрашающей маской. Самурай никому не отказывает. Рычит, гримасничает, растопыривает руки. Все довольны, особенно дети. Даже колумбийцы рвутся сфотографироваться с «самураем». «Фанатская» фотосессия заканчивается

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

тем, что болельщики разворачивают флаги своих стран и фотографируются на их фоне. И все эти необычные для Саранска сцены происходят на фоне собора. Так уж получилось, что вход в фан-зону расположен прямо рядом с ним. Священников церкви это не смущает, они даже с удовольствием водят экскурсии болельщиков на колокольню, с которой открывается прекрасный вид на город.

«Самурая» в синих доспехах зовут Такаши Накамаши. Рядом с ним его друг – Акимаса Сано, на голове которого красуется каска в виде футбольного мяча. Японские болельщики сообщают, что они хотят сами осмотреть город, без всяких экскурсий. Странная парочка покидает Соборную площадь, двигается прямо через газон, перешагивая через лежащих колумбийцев. Последним не сильно нравится такое обращение. «Колумбия!» – кричат они вслед фанатам из Страны восходящего солнца. «Япония!» – отвечают те.

В магазине, куда Накамаши зашел за пивом, продавщица принялась его фотографировать. Кассир забыла о кассе и подбежала, чтобы сфотографироваться с ним. Охранники достали смартфоны, чтобы сделать селфи. Сенегальцы, которые приехали

СТАНИСЛАВ КРАСИЛЬНИКОВ / ТАСС

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

посмотреть, как сыграют их будущие соперники – японцы, висли на синем «самурае» гроздьями. Честно говоря, я вообще удивился, когда увидел, что Такаши Накамаши все-таки добрался до стадиона. Как он умудрился дойти? Его же останавливали через каждые 10 метров. Товарищ его устал ждать, пока Накамаши сфотографируется со всеми желающими, и ушел далеко вперед. А у стен стадиона собрались толпы японцев, которые только что приехали на матч. В гостиницу они явно не успевали, а потому расположились прямо здесь, выстроившись в очередь, чтобы сдать багаж. Очередь двигалась медленно, и, чтобы скоротать время, многие японцы достали из чемоданов свои невероятные наряды, переодевались прямо здесь, здесь же раскрашивали друг другу лица яркими красками. Но во всем преобладал синий цвет, ведь национальную сборную Японии называют на родине «синими самураями». С группой японских болельщиков в Саранск приехал гид-переводчик из Челябинска Антон Солоницын, опекавший старика-японца, передвигавшегося исключительно на инвалидной коляске. Пока мы с Антоном обсуждали необычных фанатов, какой-то бравый

МИХАИЛ ДЖАГАРИДЗЕ/ТАСС

волонтер, увидев инвалида с паспортом болельщика в руках, без лишних слов ухватился за коляску и покатил старика к входу на стадион. Японец был доволен и не протестовал. «Пока мы говорили, моего японца куда-то укатили!» – спохватился Антон и бросился вдогонку за волонтером. У входа на стадион какой-то японец что-то кричал в мегафон. Я прислушался. «Бесплатный! Подарок!» Выяснилось, что фанат из Японии выучил только эти два слова. Подарком была белая ленточка, которой мило-

МАКСИМ БЕЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

МАКСИМ БЛИНОВ/РИА НОВОСТИ

видная Аота Дунон обвязывала головы всем желающим. А вот в толпе болельщиков появились фанатки из Страны восходящего солнца, переодетые в национальные японские костюмы. Симпатичные девушки в кимоно и гэта забавно семенили в толпе. Их часто останавливали и просили дать автограф. ...Японские болельщики встали в круг. В центр вышел «самурай» с футбольным мячом, одетый во все черное. Загрохотали барабаны. Японец принялся прыгать, вертеться, он даже на руки вставал. А футбольный мяч, враща-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ясь, перекачивался по его телу и ни разу не упал! После этого небольшого, но впечатляющего шоу Шоутетсу Таканши поздравляли все, кто видел его выступление. Наряженные в национальные костюмы японцы, собравшиеся сфотографироваться на фоне своего флага, предложили ему самое почетное место в центре своей группы. Но не успел Таканши занять его, как в группу японцев врвался какой-то бойкий колумбиец, раскинул руки и закричал что было сил: «Колумбия!» Возмущенные японцы тут же прогнали его.

Колумбийских болельщиков больше, чем японцев, они активнее и кричат громче. И, вообще, кажется, чувствуют себя увереннее. На прошлом чемпионате мира команда Японии уступила сборной Колумбии. Да и вообще – Страна восходящего солнца в футболе всегда проигрывала странам Южной Америки. Вместе с 40 тысячами болельщиков, заполнивших стадион «Мордовия Арена», за матчем сборных Японии и Колумбии из ложи почетных гостей наблюдала японская принцесса Хисако Такамадо. Кстати, она щеголяла в синем платье, а в ушах у нее были замечены серьги в виде футбольных мячиков.

МИХАИЛ СЕРБИНИЧ/РИА НОВОСТИ

Принцесса уже двадцать лет посещает все чемпионаты мира по футболу, и на сей раз, благодаря мундиалу, представитель японской императорской фамилии впервые за последние 102 года оказался на территории России. И, как показали дальнейшие события, не зря. Уже на первых минутах матча счет с пенальти открыл полузащитник сборной Японии Синдзи Кагава. И хотя колумбийцам в середине игры удалось сравнять счет, в итоге матч закончился победой японской команды со счетом 2:1. ...Бывшего рабочего одного из саранских заводов, Александра Ивановича Солонина, и его сына Сергея, известного городского барда и поэта, я встретил сразу после матча. Они стояли

МИХАИЛ СЕРБИНИЧ/РИА НОВОСТИ

посреди улицы и горячо спорили о том, почему вдруг команда Колумбии проиграла сборной Японии. Проходивший мимо бородатый японский болельщик подбежал к ним, удивленно прислушался, конечно, ничего не понял, но все-таки пожал руки спорщикам, широко улыбнулся и побежал догонять земляков. Толпа танцующих под барабаны японцев продефилировала по Коммунистической улице, свернула на улицу Ленина, громко славя самурайский дух.

А отец и сын продолжали спор. Александр Иванович – заядлый болельщик и сына приучил к футболу. Билеты отец и сын закупили на все матчи. Места у них всегда рядом. Вот только болеют они за разные команды...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

по каталогу агентства
«Книга-Сервис» –
«Объединенный каталог.
Пресса России.
Газеты и журналы» –
Подписной индекс 43310

В почтовых отделениях стран СНГ:

по каталогам
«Российская Пресса»
ОАО «Агентство
по распространению
зарубежных изданий» –
Подписной индекс 43310

Через интернет-подписку:

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

За рубежом:

электронный каталог агентства
«ИНФОРМНАУКА» на сайте
www.informnauka.com

Корпоративная подписка по Москве (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

По вопросам подписки обращаться к Гришиной Ирине
тел.: 8 (495) 981-66-70 (доб. 109)
e-mail: grishina@ruskiymir.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru